Бог может всё

Детские христианские рассказы

Бог может всё

Детские христианские рассказы

Другие христианские электронные книги

Оглавление

Аннотация

Издание основано на историях, переписываемых вручную и копируемых верующими в годы гонений в СССР и напечатанных в 1970-80-е годы издательством «Христианин» СЦ ЕХБ (МСЦ ЕХБ). Современная редакция и картинки издательства "Христианское просвещение", 65111, Одесса, Украина, просп. Добровольского, 152-а. 2019, 2020 гг.

Герои рассказов — взрослые и дети, которые на своем пути встретились с непреодолимыми трудностями, злом и неблагодарностью. Но каждому из них Господь послал Свою помощь, защиту и любовь.

Для широкого круга читателей.

Белее снега

Я пишу эти строки в середине первого месяца года, а в это время на полях лежит удивительно прекрасная, ослепительно белая пелена. За одну ночь Бог покрыл ею землю. Как долго она будет радовать глаз, не знаю. Но сейчас снег искрится на солнце и приносит много радости молодежи, которая катается на санях и играет в снежки. Но снег не только приносит радость детям, он служит проповедью Евангелия всем людям.

Следующий рассказ - о том, как Бог подарил чистое сердечко девочке и через нее привел многих людей к Спасителю.

1

В узком проулке большого промышленного города, возле двери дома стоял ребенок, восхищенно наблюдая за падающими хлопьями первого снега. Это была щупленькая, бедно одетая девочка, которая не имела понятия о развлечениях на снегу, какими богата сельская жизнь.

Целыми днями девочка находилась в своей темной комнате. Ради развлечения она иногда садилась перед дверью, за которой тоже ничего не было видно, кроме разрушенных домов и грязной улицы, где царила нищета. В этот день первые падающие хлопья снега внесли некоторое разнообразие в ее серую жизнь. Призадумавшись, она стояла перед дверью, как бы удивляясь, что что-то чистое, белое пришло и к ним в город и оседало на грязной, прокопченной улице. Хотя девочка была легко одета и выглядела очень бледной и озябшей, но все же она не замечала холода...

Два коротких слова занимали ее: «Белее снега». Она припоминала, что где-то их слышала, но где — не знала. После длительного размышления ей стало ясно, что эти слова из Библии и что к ним надо еще что-то добавить, но как она ни напрягала свою память, ей не удалось вспомнить весь стих. Она думала и думала, что бы это могло быть, так как она ничего белее снега не знала. Но, несмотря на все это, она все же знала, что Библия — это Слово Божье и все, что в ней написано, — совершенная правда.

Спустя некоторое время снег перестал идти. Но как же все вокруг было красиво! Снег своей белизной покрыл серость и унылость городских улиц. А как же

он приятно хрустел под ногами. Шаг за шагом Елена (так звали девочку) пошла вперед...

2

Холод пронизывал ее так, что руки и ноги стали неметь. Она очень дрожала. Вдруг впереди, на самой окраине города, она увидела небольшой домик. Это был дом одинокого старика. Все называли его Старый Томас. Его маленькая комната была полна клеток, в которых пели и чирикали птицы. Елена часто бывала у него в гостях, внимала птичьим трелям и помогала старому человеку ухаживать за его любимцами. Хотя беседовали они очень мало (оба ведь привыкли к одинокой жизни), но со временем между стариком и девочкой завязалась такая дружба, что Елена нигде не чувствовала себя такой счастливой.

Девочка быстро побежала к домику, не обращая внимания на то, что ее скудно обутые ноги увязали в снегу. Подбежав к окну, она увидела, что в очаге весело горит огонь, освещая весь дом. Это говорило о том, что старик дома.

Елена постучала в дверь.

— Кто там? Входите, — услышала она добрый голос.

Оглянувшись на дорогу, покрытую белым снегом, девочка вошла в дом.

3

Старик сидел в своем старом деревянном кресле. Он ласково поздоровался с гостьей, молча указал ей на скамеечку. Она придвинула скамеечку как можно ближе к старику, села, а затем устало опустила голову на его колени. Рядом с ним ей было спокойно. Вдруг

ей в голову пришла мысль: «Может быть, Старый Томас знает, что может быть белее снега?»

Елена начала беседу:

— Томас, у вас ведь, наверное, есть Библия, и вы и много читаете ее?

Старик от удивления вынул трубку изо рта и изумленно посмотрел на девочку.

— Не могу сказать, что я читаю Библию.

Елена была очень разочарована.

— Вы никогда не заучивали на память библейские тексты? — спросила она.

— Нет, никогда. Когда я был молод, школ было еще очень мало. Меня учиться не отправляли, и потому я не могу читать. Если я и слышал тексты из Библии, то это было так много лет назад, что я их все позабыл.

После этого опять наступила долгая тишина. Елена сидела встревоженная. Наконец она робко сказала:

— Томас, разве может кто-то попасть на небо, если не любит и не читает Библию?

— Я надеюсь попасть. Я уже состарился, и скоро придет время мне уйти отсюда. И ты

также туда попадешь. Ты хорошая девочка и никому ничего плохого не сделала.

— О Томас, я так хочу знать Библию. Боюсь, что иначе я не попаду на небо.

Она еще крепче прижалась к своему старому другу и испуганно посмотрела на него. Старик опять вынул трубку изо рта, внимательно всмотрелся в бледное серьезное личико ребенка и сказал:

— Ты выглядишь так, словно уже сейчас хочешь туда отойти.

— Я не знаю, я так устала.

С этими словами она вновь положила голову на колени старого человека и спокойно заснула. Старик глубоко задумался. Его внутренний покой был нарушен.

Шум на улице испугал Елену. Она заметила, что она не дома, а ведь уже было время ужина, который она сама всегда готовила для отца и себя. С сожалением покинула она жилище друга и пошла в свой печальный дом.

4

— Елена, это ты? — закричала показавшаяся наверху женщина с гневом на лице. — Где ты была все время? Огонь потух, воды не принесла; скверная ты девчонка, ни к чему не пригодна.

Елена очень испугалась, но прежде чем она успела ответить, женщина побежала обратно в свою комнату, на ходу крикнув ей, чтобы она скорей приготовила ужин отцу. Елена очень боялась фрау Браун, потому что та всегда сердилась и ругалась. Эта женщина жила у ее отца на квартире. Вместо платы она содержала дом в порядке и делала все то, что Елене было не по силам. Из-за печальных жизненных обстоятельств она ожесточилась, так что всегда была в раздраженном состоянии.

Едва Елена управилась с приготовлением ужина, как твердый мужской шаг возвестил о прибытии отца.

— Страшно холодная ночь, — сказал он. — Ужин готов? Вот это хорошо!

С этими словами отец сел за стол и принялся жадно поглощать свой ужин. Он был так увлечен едой,

что не заметил бледность Елены, ее глубоко запавшие глаза и полное отсутствие аппетита.

Утолив голод, он вытащил из кармана газету, и когда прочел ее, ушел, чтобы провести вечерние часы в трактире. А Елена опять осталась одна. Она чувствовала себя очень плохо и была несчастна. Ей самой было не ясно, как сильно она больна. Вскоре она ушла в свою коморку и лежала одна впотьмах, без всякого утешения.

Было уже поздно, когда отец шатающейся походкой вернулся домой. Он слышал сильный кашель Елены, иногда и всхлипывание, но был недостаточно трезв, чтобы посмотреть, что с ребенком.

5

На другой день он проснулся, как от злого сна. У него было какое-то неопределенное чувство, что с его дочерью не все в порядке. Взгляд на ее изможденное личико испугал ее. Она выглядела точь-в-точь, как ее мать перед смертью. Он знал, что она слаба здоровьем, но так как Елена никогда не жаловалась, то он до сего времени и не обращал особого внимания на ее здоровье. В первый раз он пошел на работу, обеспокоенный здоровьем ребенка, и его совесть сильно упрекала его за любовь к выпивке. Он хотел освободиться от этих цепей пьянства, но не знал источник силы для этого. В этот день снова шел снег, и снова Елена смотрела на него и думала, что же может быть белее снега?

Вечером, после ужина, отец подвинул стул поближе к камину и, посадив Елену на колени, решил

в этот вечер остаться с ней. Но вскоре открылась дверь, и грубый голос крикнул:

— Миллер, где же ты? Ты придешь к нам?

— Сегодня нет, — ответ был сказан таким нерешительным тоном, что товарищ отца Кляйн, постоянный собутыльник, стал настаивать, так что уговорил его, хотя бедная Елена держала отца своими руками. Он снял дочь с колен и посадил на стул, но когда она на него печально и умоляюще посмотрела, он смягчился и сказал:

— Послушай, Кляйн, ребенок не здоров, я должен остаться дома.

— О, тогда отнеси ее в мой дом к жене и детям, но только побыстрее.

Эта мысль понравилась Миллеру, он укутал Елену в пальто и понес в дом товарища.

— Вот и мы, — сказал Кляйн. — Мария, вот тебе гостья, пока мы не вернемся.

Подошла чисто одетая женщина и понесла Елену к огню.

— Бедное дитя, ты же совсем замерзла, — воскликнула она, усадив мертвенно бледную Елену.

Приступ кашля мешал Елене отвечать.

«Бедное дитя — без матери, которая заботилась бы о тебе», — подумала женщина и поцеловала холодные щеки Елены, на что та ответила благодарной сердечной улыбкой.

О, как все здесь было иначе, чем дома: в комнате чисто и светло, дети счастливы и довольны. Только на лице матери лежала тень, ведь ее муж, как и отец Елены, любил трактир. Фрау Кляйн была верующей женщиной, и ее большим горем было то, что муж ничего не хотел знать о Боге и Его Слове. Она сама не

знала Господа, как своего личного Спасителя, когда выходила замуж. Но когда их первый ребенок умер, и сердце молодой матери было исполнено глубокого горя, ее мысли поневоле направились ввысь, и она научилась видеть в Господе Иисусе источник личного утешения, истинного и вечного счастья. Ее муж был честный и прилежный работник и хорошо относился к своей жене и детям. И хотя он не был большим пьяницей, все же регулярно посещал трактир, так что в кругу семьи был мало.

Спустя некоторое время мать уложила спать всех младших детей, в то время как Руфь, старшая дочь, подсела к Елене. Вскоре они подружились, хотя Руфь и была значительно старше. Так как это был субботний вечер, Руфь должна была выучить стишок для воскресной школы, и поэтому она вынула свою Библию. Елена молча слушала ее, спрашивая себя, не знает ли Руфь больше из Библии, чем Старый Томас? Наконец она спросила:

— Руфь, знаешь ли ты, что может быть белее снега?

— Я думаю, что нет ничего белее снега, — ответила Руфь.

— Нет, есть что-то белее, это сказано в Библии, — ответила на это Елена.

— Может быть, ты думаешь об одеянии апостолов, Елена? Они еще белее; но, постой, мне кажется, я знаю, что ты имеешь в виду. Это написано в Псалмах. Я сейчас поищу.

Руфь искала, но напрасно. Вот вошла мать, и она попросила ее оказать помощь.

— Это написано в 50-м псалме, Руфь. Помнишь, мы его читали позавчера? — сказала мать.

— Ах да, — ответила Руфь, — посмотри, Елена, вот эти слова.

Но Елена ответила печально:

— Я ведь не умею читать. Прочти ты.

Руфь прочитала весь стих, и Елена внимательно слушала, а потом сказала:

— Я не совсем понимаю, что это означает: «Омой меня, и буду белее снега».

Руфь смутилась и сказала:

— Мама, ты это лучше знаешь.

— Кто сказал эти слова, Руфь? — спросила мать.

— Давид, — последовал ответ.

— Ну, так и скажи Елене, чего желал Давид.

— Он желал быть омытым от всех грехов, он знал, что тогда его сердце и жизнь будут белее снега. Так это надо понимать, да, мама?

— Но как же мы можем быть омыты от наших грехов? — спросила Елена.

— Разве ты, дитя, не знаешь, Кто умер за наши грехи?

— О да, Спаситель, Господь Иисус. Бабушка мне о Нем рассказывала, но это было уже так давно, что я почти уже все забыла.

— В Библии написано, что кровь Иисуса Христа, Сына Божьего, очищает нас от всякого греха (1 Иоан. 1:7). Он пролил кровь за нас, бедных грешников, чтобы мы очистились и были готовы прийти на небо.

Елена пытливо смотрела на фрау Кляйн: она охотно еще послушала бы ее, но дверь открылась, и вошли оба мужчины. Фрау Кляйн хотела оставить Елену ночевать, но отец запротестовал, и Елена, попрощавшись с ними, полная новых мыслей,

последовала за своим бедным отцом, который шатающейся походкой вел ее по узким переулкам.

6

Наступило воскресенье, а с ним отдых от заботы и тяжелой работы фабричного города.

Для Руфи и ее матери это был счастливый день, ибо их высшей радостью было в общении с другими верующими слышать Слово Божье. В это воскресенье в воскресной школе был разбор истории «Исцеление Неемана». Об этом мы читаем в Библии в 4-й книге Царств, 5-й главе. Причем было подчеркнуто, что даже дети могут стать благословением для других, как это было с той израильской девочкой, через которую военачальник Нееман был исцелен. Эти слова нашли отклик в сердце Руфи, так что она пошла по окончании школы домой с решением после обеда посетить Елену, которая, по всей вероятности, чувствовала себя одинокой и забытой. Мать поддержала Руфь в этом намерении, и после обеда девочка радостно ушла. Как раз в то время, как она задумчиво смотрела вокруг, ища означенную квартиру, из дома вышел и сам Миллер в рабочем костюме. Он сразу же заметил Руфь, пошел ей навстречу, поздоровался, радуясь, что теперь может спокойно уходить, зная, что Елена остается в хорошем обществе.

— О, как я рада, что ты пришла! — воскликнула Елена.

— Я останусь у тебя, Елена, — ответила та, — смотри, я принесла с собой Библию, чтобы тебе почитать!

Лицо Елены просияло.

— О, как я рада! — повторила она снова. — Пожалуйста, прочти мне еще раз вчерашнюю главу из Псалмов.

Руфь исполнила ее просьбу. Когда она окончила чтение, Елена спросила:

— Как же мое сердце может быть, сделаться таким белым?

— Это сделает Сам Спаситель. Тебе только нужно попросить об этом.

— Как мне это сделать, Руфь?

— Разве ты никогда не молишься?

— Нет. Кому же мне говорить мои молитвы?

— Кому говорить молитвы?! Что ты хочешь этим сказать?

— Раньше я всегда свои молитвы говорила бабушке, но, когда она умерла, мне некому стало их говорить. Отец меня не хотел слушать. Так что я все свои молитвы забыла.

— Елена, ты должна сказать свои молитвы Богу. Необязательно, чтобы их кото-то другой слышал.

— Но что же мне говорить, Руфь? Я боюсь Бога.

— А зачем тебе Его бояться? Бог велик и свят, но Он любит нас и слышит всех взывающих к Нему и верящих Ему. Скажи Ему, как ты раскаиваешься в своих грехах, и проси Его, чтобы Он простил их тебе ради Иисуса.

— Я могу Ему сказать: «Омой меня, тогда я стану белее снега»?

— Конечно, давай мы вместе сейчас помолимся Ему.

Обе девочки опустились на колени. Просто и с полной верой молилась Руфь, взывая к Богу, своему

Небесному Отцу, чтобы Он благословил ее и сделал Своим дитем.

— А Бог нас действительно слышал? — озабоченно спросила Елена, когда они поднялись с колен.

— Да, конечно, и Он нам ответит.

Выражение радости появилось на лице Елены. Добрый Пастырь искал заблудшую овечку и хотел ее привести в Небесное стадо.

Руфь прочла затем еще главу о страданиях и смерти Спасителя. Это произвело на Елену такое глубокое впечатление, что ее глаза наполнились слезами. Когда же она услышала, как Иисуса Спасителя пригвоздили к кресту, то громко зарыдала и успокоилась только тогда, когда Руфь читала о Воскресении и славном Вознесении Господа Иисуса Христа.

Приближался вечер. Руфь заметила это только тогда, когда в комнате начало темнеть и невозможно было различить буквы. Она поняла, что уже время идти домой, и сказала:

— Елена, не хочешь ли ты послушать песню?

— О, да, пожалуйста.

И Руфь начала петь чистым и мягким голосом:

«Со мной останься, меркнет луч дневной.

Темнеет... О, останься Ты со мной!»

Елена слушала и была полна счастья. Затем ее новая подруга попрощалась, обещая скоро опять прийти. В сердце же маленькой Елены Дух Божий производил Свою работу через слышанное ею Слово Божье. Верой в Господа Иисуса она нашла мир.

7

Но нам нельзя забывать и нашего Старого Томаса в его одиноком, хотя оживленном пернатыми жителями, жилище. Посмотрим, как он провел воскресенье. Как обычно, он сидел в своем кресле, и выражение страдания лежало на его лице. Необычно сильный приступ ломоты в теле, во всех членах, согнул его старческую фигуру, а ночью, когда старик не мог спать от боли, в ушах все время звучали слова Елены: «Томас, можем ли мы попасть на небо, если мы Библию не читаем и Спасителя не любим?» Беспокойные мысли мучили его целый день. Он чувствовал, что близок его конец и что его маленькая подруга тоже не состарится. Все время он задавал вопрос: «Что будет с нами обоими?» Так как он сам редко, почти никогда, не ходил туда, где проповедовалось Слово Божье, то и Елену тоже никуда не водил, а по воскресеньям девочка обычно была у него в гостях.

Но в это воскресенье она была не одна: отец оставался с ней до обеда, а затем пришла Руфь. Томас очень сильно забеспокоился, что ребенок сегодня не пришел к нему. Он попробовал с помощью своей палки пойти к Елене, ибо начал серьезно опасаться, что она заболела. Но все члены доброго старика были так неподвижны и скрючены от боли, что он не мог сделать и шагу и с тяжелым вздохом упал в свое кресло.

Было уже совсем темно, когда маленькая фигурка Елены показалась в дверях. Девочка вошла и уселась возле старика. Она схватила его за руки и воскликнула:

— Томас! Я нашла! Я все нашла!

Затем она рассказала своему верному другу все, что пережила с тех пор, как его видела. Он с интересом внимал ее простому детскому описанию того, что она пережила. Когда она закончила словами: «И вот, Томас, теперь я знаю, что пойду на небо, когда умру», он произнес:

— Слава Богу! Но как же я пойду на небо? Я такой грешник!

Она рассказала ему о крови Иисуса Христа, которая очищает от всякого греха. Томас выслушал ее рассказ, принял верою Слово Божье в сердце и получил в этот тихий воскресный вечер мир в сердце через Господа Иисуса Христа.

8

Зима затянулась. Здоровье Елены все ухудшалось. По просьбе отца фрау Кляйн повела ее к врачу. Но тот даже малейшей надежды на выздоровление не дал. Хотя ее силы незаметно исчезали, она чувствовала себя гораздо счастливее, чем раньше. Ее отец теперь проводил с ней каждый вечер. После ужина она обычно сидела у него на коленях и, преклонив голову к его груди, засыпала. Руфь ежедневно посещала Елену, особенно по воскресеньям. Она научила ее петь много прекрасных гимнов и обучала чтению. Самым большим удовольствием для Елены было в часы одиночества взять старую бабушкину Библию и читать по слогам. Прочитав главу, она устремлялась к своему другу Старому Томасу, чтобы рассказать ему о том, что она прочитала. Так она бессознательно стала его маленькой учительницей, ее рассказы и простые

объяснения великих истин о любви Иисуса и о Его жертвенной смерти были для старого человека лучше пищи и пития.

9

Однажды воскресным утром Елена опять сидела перед своей большой Библией и начала петь громким голосом свою любимую песню, которой ее научила Руфь: «Где сыщет здесь, в мире, душа дом родной?».

Фрау Браун только что собралась привести в порядок комнату, и эта песня тронула ее. Она принадлежала к тем неспокойным, ожесточенным людям, которые никогда не приходят к истинному миру, потому что ищут всегда утешения только в людях. И она при пении Елены подумала: «О, кто еще больше нуждается в покое, чем я?» Поэтому она испугалась, когда Елена спросила ее:

— Фрау Браун, почему вы никогда не ходите в церковь послушать Слово Божье?

— Потому что я чувствую себя слишком жалкой внутренне и внешне, — был ответ.

— Но через Слово Божье находят мир. И где оно проповедуется, там также молятся, чтобы жалкие и утружденные получили покой и мир. Пожалуйста, сходите сегодня туда!

Фрау Браун удивленно посмотрела на серьезное личико девочки и сказала:

— Да, я последую твоему совету. Может быть, я услышу там что-нибудь о покое, о котором ты сегодня пела.

— Вот и прекрасно, и я буду просить Бога, чтобы вы нашли покой, — сказала девочка возбужденно. —

Господь Иисус сказал: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я дам вам покой».

Фрау Браун действительно пошла слушать Слово Божье. Когда она вернулась домой, ее глаза были красны от слез. Она прослушала разбор Слова Божьего о трояком покое верующих. Она слышала, что Господь Иисус утружденным и обремененным прощает грехи, когда они к Нему прибегают. Получив прощение, они находят покой от угрызений совести. И когда они затем верно следуют за Господом Иисусом, — их сердца всегда счастливы и утешены. Они, следовательно, наслаждаются покоем души, о котором Господь Иисус говорит своим: «Научитесь от Меня... и найдете покой душам вашим». И, наконец, она еще слышала о третьем, или вечном, покое. «Посему будем опасаться, чтобы, когда еще остается обетование войти в покой Его, не оказался кто из вас опоздавшим... А входим в покой мы уверовавшие...» (Евр. 4:1,3).

Но ни покоя от угрызений совести, ни покоя и утешения в следовании за Христом, ни вечного покоя, который дает Господь Иисус, фрау Браун пока еще не знала.

10

Прошло несколько месяцев... Пришла весна с веселым солнечным светом и мягким теплом; но нашей Елене она не принесла новых сил, как и ее Старому Томасу. Оба они все большие зрели для неба, то есть все больше и тверже становилась их вера в Господа Иисуса. Часто их посещали Руфь и ее мать, и это становилось для них благословением. Но никого Томас не любил так, как Елену, которая, как

маленький вестник Божий, принесла в дом и в сердце старого человека Божий свет и радость. Их разговоры были почти исключительно о Господе и об ожидающем их Городе, который не освещен земным солнцем.

В один апрельский вечер отец Елены сидел у ее кровати и читал газету, в то время как Елена внимательно присматривалась к нему. Когда он отложил газету, она сказала:

— Отец, читать уже слишком темно?

— Возле окна еще нет.

— Не прочитаешь ли ты мне что-нибудь?

— Что, мое дитя?

— Из Библии, пожалуйста. Я дам тебе ее.

— Что мне читать?

— Одиннадцатую главу Евангелиста Иоанна, о том, как Господь Иисус воскресил Лазаря.

Когда отец окончил читать главу, Елена открыла 7-ю главу Откровения и попросила отца начать читать с 9-го стиха и до конца.

«После сего взглянул я, и вот, великое множество людей, которого никто не мог перечесть, из всех племен и колен, и народов и языков, стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих. И восклицали громким голосом, говоря: спасение Богу нашему, сидящему на престоле, и Агнцу! И все Ангелы стояли вокруг престола и старцев и четырех животных, и пали перед престолом на лица свои, и поклонились Богу, говоря: аминь! благословение и слава, и премудрость и благодарение, и честь и сила и крепость Богу нашему во веки веков! Аминь. И, начав речь, один из старцев спросил меня: сии облеченные в белые

одежды кто, и откуда пришли? Я сказал ему: ты знаешь, господин. И он сказал мне: это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца. За это они пребывают ныне перед престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на престоле будет обитать в них. Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной: ибо Агнец, Который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод; и отрет Бог всякую слезу с очей их».

Отец дрожащим голосом закончил это место до конца.

— Теперь довольно, Елена?

— Да, спасибо, дорогой отец.

Оба они долгое время молчали. Когда в комнате уже совсем стемнело, Елена повернула голову к отцу и сказала:

— Отец, я думаю, что скоро пойду туда.

— Куда? — спросил он.

Он понял, что она имела в виду, но не хотел этому верить.

Мечтательно подняв глаза к кусочку неба, которое виднелось среди высоких черных домов, она ответила:

— Туда, где спасенные не испытывают больше голода и жажды, где солнце и никакой зной палить их не будет, ибо Агнец, Который среди престола, будет водить их на живые источники вод, и отрет Бог всякую слезу с очей их.

Наступило длительное молчание. Затем Елена продолжила разговор:

— Отец, ты тогда останешься совсем один.

— Да, совсем один, — повторил он.

— Отец, уверен ли ты в том, что ты придешь туда, где мама и куда я иду? — спросила Елена очень серьезно.

— Не знаю, Елена, боюсь, что я для этого слишком негоден.

— О, отец, Бог может приготовить тебя для неба. Не попросишь ли ты Его об этом? Ты же знаешь: Иисус умер за нас. Я о тебе молилась, и знаю, что Бог меня услышал. О, отец, пусть моя молитва станет и твоей: «Омой меня, чтобы я стал белее снега!». Да, я знаю: ты придешь на небо. Я Бога об этом часто просила. Бог услышит.

Сердце отца было переполнено, и тихий вздох и мольба вознеслись в то же мгновение к Престолу благодати:

— Боже, будь милостив ко мне, грешнику!

На следующий день Елена была слишком слаба, чтобы вставать. Она не очень страдала, но чувствовала себя весьма и весьма утомленной. Фрау Браун, с тех пор как услышала слово о троекратном покое, имела большое желание получить прощение и мир, и поэтому она сделалась нежной сиделкой и делала все, что могло принести облегчение больной девочке.

Руфь часто навещала Елену. Приходила и ее мать.

Как-то воскресным утром Елена почувствовала себя лучше и попросила отца отнести ее вниз, где отец приготовил ей удобную постель. Он не отходил от ослабевшей дочери целый день и сказал ей, что отпросился у своего начальника и всю неделю будет

дома. Елена улыбнулась, но сразу вновь стала серьезной.

— Пожалуйста, отец, — сказала она, — принеси мне сюда мою Библию.

Отец принес Библию, и Елена нашла тексты, которые он должен был прочесть после ее ухода, и слегка пометила их карандашом.

Поздно вечером пришла фрау Кляйн. Один взгляд на Елену убедил ее, что девочка скоро отойдет к Богу. Отец сидел возле нее в тихом горе.

Фрау Кляйн нежно наклонилась над ребенком и прошептала:

— Иисус совсем близко, Он зовет тебя домой.

Елена открыла глаза. Небесная улыбка озарила ее лицо. После этого она несколько часов лежала без сознания. Очнувшись, она попросила:

— Отец, возьми меня на руки.

Отец нежно поднял ее. Она положила голову ему на плечо, еще раз посмотрела на него, улыбнулась и закрыла глаза, в то время как губы ее что-то шептали. Отец нагнулся над ней и услышал, что она произнесла имя Иисуса. Его глаза заволокло слезами. Когда же он вновь посмотрел на нее, то на ее лице была прежняя умиротворенная улыбка. Но ее спасенная душа уже покинула эту бренную оболочку и променяла темную бедную комнату на райское жилище там, у Бога. Она была теперь уже навсегда дома у Иисуса, своего Спасителя и Господа.

Рано утром, когда фрау Браун спустилась, отец все так же сидел у ложа своего ребенка. Выражение его лица изменилось. Бог в эту ночь посетил его сердце.

Пришла фрау Кляйн, и с ней Руфь, чтобы посмотреть на Елену. Хотя они от всей души желали ей этого вечного покоя, но все же уход маленькой подруги был им небезразличен, и они плакали.

Затем они пошли к Старому Томасу, чтобы сообщить о кончине его верной маленькой подруги.

Старик спокойно их выслушал и сказал:

— Я надеялся, что раньше уйду домой, но это ей было бы, наверное, больнее. Я скоро последую за ней. Маленькая Елена у Господа, под Его защитой. Меня Он тоже скоро отзовет с этой земли.

Так и было. Два дня спустя он почил в мире, чтобы проснуться в славе Господа, о которой они с Еленой часто с тоской говорили.

Его похоронили недалеко от могилы Елены. Так друзья не были разъединены и в смерти.

Бог же спас отца Елены и сделал его душу «Белее снега».

Люди в Мооси

Старый Адам, крестьянин в Мооси, всю свою жизнь не мог терпеть детей. Он никогда и никак не мог понять, почему их везде так много было, и был рад, что они оба, он и его жена, никогда не имели детей. По его мнению, они в молодые годы далеко не так свободно и усердно могли бы работать, чтобы приобрести маленькую усадьбу в Мооси, которую они раньше арендовали, если бы у них были дети. Сколько драгоценного времени ушло бы на детей! И вот Адам Мооси, как его прозвали, с глубоким удовлетворением повторял:

— Майли, мы можем быть довольны, что у нас нет детей.

Майли, как всегда, кивала головой, потому что она привыкла во всем соглашаться с Адамом. Но странно, при этом она всегда останавливалась на этой мысли и старалась представить себе, как это было бы, если бы по комнате семенило много маленьких ножек. Но, конечно, Адам прав. Зато они теперь оседлые крестьяне. Жалко только, что они уже постарели: он стал старым Адамом, а она старой Майли, и нельзя было вновь сделаться молодыми. Этого уже нельзя было переменить. Если бы они раньше думали о Боге и вечности, то им, быть может, вспомнилось слово: «Кому же достанется то, что ты заготовил?» (Лук. 12:20). Но разве у них было время думать о Боге и тому подобных вещах, если они с утра до ночи работали и работали?! Нет, они оба никогда много не думали о Боге. Только иногда, когда не вовремя шел дождь или слишком палило солнце, Адам немного спорил с Богом. О том, что он иногда должен

благодарить Творца, он совсем забывал. Но зато Бог не забывал двух людей в Мооси. Он вдруг, не спросив их, дал им нечто живое, с маленькой нежной душой, и ждал, не удастся ли ей обрести над ними такую власть, которая пробудила бы окоченевшие души этих старых людей.

Сельской общине прислали из города осиротевшую девочку, известив, что ее родители умерли, и о ребенке должен позаботиться приход, где она родилась.

Когда посмотрели приходские книги, то оказалось, что девочка действительно принадлежит к сельскому приходу и к тому же состоит в родстве с Майли и Адамом.

Адама сейчас же позвали и доложили ему: знает ли он, какой позор он возьмет на себя, если приход отдаст эту девочку чужим людям, а она ведь в родстве с ним?

Адам хорошо понимал это и с большой досадой позволил, чтобы маленькое существо привели к нему в дом.

Итак, в их доме появилась маленькая девочка, которую звали Трина. Ее присутствие было им в тягость. Но не потому, что ее худенькое тельце требовало много еды и одежды, нет, напротив, она обходилась малым. Но с самого начала она стала очень много спрашивать, чем приводила в замешательство обоих стариков.

Кроме этого, маленькое существо имело своеобразную манеру: не обращая внимания на то, что это не нравится дяде Адаму и тете Майли, она старалась оставаться верной старым привычкам, которые ей привили в семье.

Например, когда тетя торопила: «Кушай уже, Триночка, кушай!», потому что Адам очень спешил, ребенок с большой укоризной заявлял: «Вначале надо помолиться и поблагодарить Бога за данную нам еду».

Ее не беспокоило то обстоятельство, что дядя, недовольный ее словами, с нетерпением ерзал на деревянной скамье то туда, то сюда.

Триночка, не колеблясь, складывала ручонки и громко произносила свою привычную молитву: «Насыти и напои, Боже, всех бедных детей на земле, насыти тело и душу. Аминь!»

Однажды она сразу же после молитвы спросила:

— Что такое душа? — так как вспомнила, что еще не знала этого. — Что такое душа, дядя Адам?

Но Адам не смог тотчас же ответить. Он, может быть, и дал бы ответ, если бы хорошенько подумал, но вот думать-то отнимает столько времени, а проводить прекрасное время в размышлении, пропуская работу, — для Адама это было всегда горше всего. И он нетерпеливо ответил:

— Ешь немедленно! В другой раз, когда не будет такой спешной работы, я, может быть, и смогу ответить тебе.

Тетя Майли, как всегда, согласно наклонила голову и несколько раз особенно кивнула ребенку, как будто обещая ответить на все вопросы Трины.

Триночка поняла ласковое кивание и терпеливо ждала, пока старый Адам уйдет из комнаты. Затем она кротко уцепилась за тетю и посмотрела на нее.

— Что такое душа, тетя? Скажи мне. Или и ты этого не знаешь?

— Как же, как же, Триночка, каждый христианин это знает. Видишь, душа — это... душа, знаешь ли, находится внутри тела человека, она не умирает.

— Это правда, тетя? Внутри меня находится еще один человек, который не умирает?

И ребенок с большой горячностью схватил за руку тетю. Майли очень удивилась.

— Чего же ты так горячишься? В этом нет ничего особенного. Слушай, не надо много спрашивать у дяди, да и меня отпусти, мне пора идти.

— Тетя, скажи мне еще раз, — настойчиво просило дитя, — скажи мне, у мамы тоже было два, тело и душа, ну, знаешь, человек внутри, который не умирает? Скажи мне, тетя!

— Да, Триночка. Но сейчас мне надо идти работать, и ты больше ничего не спрашивай.

Триночка поняла, что она и тетю должна оставить в покое. Ей было жаль, что никто не имел времени, а ей так хотелось еще спросить. Но она вспомнила, что старый Адам говорил за столом, что когда не будет такой спешной работы, то он выслушает все ее вопросы. И она решила подождать, когда этот момент наступит.

Дядя плотничал у сарая для коз. Иногда он быстрыми шагами шел к куче дров и искал там подходящее полено. Вначале он ничего не говорил, когда Трина, словно его тень, следовала за ним, подпрыгивая. Он думал, что ей это скоро надоест. Но когда он по истечении часа снова пошел к куче дров, и девочка опять вышла за ним, он круто обернулся и заорал на нее:

— Я хотел бы знать, для чего существуют на земле дети!

Но этого Триночка, конечно, не знала, и моментально в ней родилось желание узнать, для чего она, Триночка, живет на свете. И она опять побежала за дядей, который повернул к сараю, и крикнула изо всей силы:

— Дядя Адам, не знаешь ли ты, для чего я существую?

Старый Адам опять обернулся и проворчал совсем сердито:

— Ни для чего — совершенно ни для чего! Теперь ты знаешь?!

Трина остановилась пораженная. Ее охватил сильный испуг. Она увидела, что дядя Адам очень рассердился. Она не послушалась тетю и спросила не вовремя у дяди Адама. О, как печально, что она ни к чему на свете не пригодна! Тогда лучше было бы и не жить. Она так хотела быть нужной для чего-то на свете!

Девочка стала задумчива, в этот день больше ничего не спрашивала, но все думала. Она ломала голову над тремя вопросами: как это понять про человека внутри, душу, которая не может умереть, а затем о том, как сделать, чтобы она, Триночка, для чего-то была на свете, и, наконец, о том, неужели большие люди никогда не будут иметь время, чтобы можно было их спрашивать о том, что хочется знать?

Вконец угнетенная своими мыслями, она легла вечером в постель. Прежде чем лечь, она быстро придумала новую молитву, которой и помолилась:

— Дорогой Господь, я хотела бы для чего-то быть на свете! Аминь!

Милосердный и верный Бог, Который слышит наши молитвы и часто дает нам сверх того, что мы

просим, услышал молитву Триночки и не только дал ей по молитве, но дал и старому Адаму то, в чем он больше всего нуждался, а именно — время.

Вечером следующего дня старый Адам сломал ногу. Он поскользнулся на лестнице, ведущей в амбар, и упал. Он лежал, стонал, хныкал, ругался — все вперемежку.

— Триночка, побеги скорее к крестьянину, что живет под дубом, пусть он с работником придет поможет, — плача, приказала тетя.

Ребенок быстро побежал и, наверное, хорошо исполнил приказ, так как вскорости крестьянин и его старший работник прибыли к Адаму.

— Если ты сломал ногу, то тебе надо в больницу, — заметил крестьянин.

— А я этого не хочу и не сделаю, - упрямо возразил старый Адам.

— Тогда надо вызвать сюда доктора. Ганс, запряги лошадь в телегу и привези доктора, — приказал крестьянин, и его работник тотчас же уехал.

И вот теперь дядя лежал в постели и имел время. Триночке казалось, что ее молитва услышана. Еще никогда ей не нужно было так бегать то туда, то сюда и оказывать разную помощь. Значит, она для чего-то нужна была на земле!

— Триночка, принеси и налей в горшок свежей воды, — просит тетя, которая все время куда-то спешила.

— Открой окно, мне душно, — просил, в свою очередь, совсем ласково дядя, когда она заходила в его комнату.

А вслед затем опять раздавалось:

— Триночка, закрой окно, меня морозит.

Триночка все делала охотно и ловко. Только она хотела уходить, как снова звучало:

— Останься, Триночка, побудь здесь, лучше, когда кто-то есть рядом со мной.

И в следующие дни Триночке надо было постоянно что-нибудь то принести, то унести. Она охотно спросила бы дядю, не нужна ли она теперь для чего-то на свете, но на это у нее не хватало смелости. Оттого, что она могла помогать им, на сердце у нее было легко и радостно, и ее веселый нрав благотворно действовал на дядю и ободрял его.

Когда крестьянин лежал так несколько дней и все же не мог подняться, Триночке стало тревожно, и время потянулось для нее медленно. Сколько раз она помнила из своей короткой жизни: почти всегда получалось так, что люди, которые долго болели, всегда умирали. С ее матерью так и получилось. Неужели в конце концов и дядя Адам умрет? Она хорошо знала, что тогда с ним сделают. Она помнила: когда мать умерла, сделали гроб и положили туда маму, а потом закопали. Она тогда так плакала и все хотела знать, почему мама не пошла на небо, как она ей говорила. Люди на ее страстные вопросы только отвечали: «Ах ты, маленькая глупышка, ты ничего еще не понимаешь, но ты ее увидишь на небе!» Ну как же это Триночке надеяться, когда она знает, что мама в гробу? А теперь, может быть, и с дядей Адамом будет так же. И чем больше она об этом думала, тем ей более жалко становилось дядю, и она напряженно стала думать, нет ли спасения от ужасного захоронение на кладбище, когда он умрет. Ну вот ей вспомнилось, что есть и тело, и душа. Что случается с

душой после смерти? Может быть, тетя имеет сегодня время ответить ей?

Найдя тетю в саду, Триночка важно произнесла:

— Не правда ли, тетя, теперь ты мне скажешь о внутреннем человеке моей мамы, который не умирает? Где он? Он тоже в гробу вместе с телом?

— Глупая девчонка, — побранила ее тетя, — в гробу то, что мертвое. Душа ведь живая, она, я думаю, на небе.

— Тогда мой человек, который внутри меня, тоже пойдет на небо, туда, где мама?

— Да, да, — раздраженно заговорила тетя, — это не так просто, как ты думаешь. Вначале надо быть благочестивой. Твоя мать была такой. Только души благочестивых будут жить на небе, когда умрет тело.

— Тогда я хочу быть благочестивой!

Девочка решительно выпрямилась перед тетей и радостно подняла обе руки. Видно было, что она немедля желала стать благочестивой, но не знала, как это сделать. Ей очень хотелось узнать об этом поскорее.

— Благочестивой быть тяжело? — спросила она. — Ты мне должна рассказать, как нужно поступать!

Старая Майли только вздохнула. Отвечать ребенку было нелегко. Почему они раньше об этом никогда не думали? Ведь для них обоих настанет однажды время, когда душа разлучится с телом. И куда же пойдет душа? Она охотно бы ответила себе: «На небо», но чувствовала, что это не вполне верно, если раньше они не заботились о благочестии. И она не могла иначе, как со вздохом, ответить ребенку:

— Да, Триночка, быть благочестивым человеком очень тяжело.

— А можно этому научиться? — спросила девочка.

— Вероятно, можно... — неуверенно ответила тетя. — Но теперь иди к дяде, может, ему что-нибудь нужно. Уже давно пора.

Триночка немедля побежала в дом, радуясь, что кое-что узнала. Это она хотела пересказать дяде. Он, наверное, уже знал, что надо делать, чтобы быть благочестивым.

Итак, она весело вошла в комнату к старому Адаму, который все еще не знал, что ему делать с дарованным свободным временем.

Когда Триночка вошла, по его печальному лицу как бы пробежал луч радости. Ей же вспомнились услуги больному.

— Хочешь воды выпить? — быстро спросила она, беря стакан в руку, чтобы налить воды.

— Да, дай мне, — попросил он и был очень доволен, что она не убежала, а села на пестро разрисованный сундук напротив его кровати.

Девочка, глядя на него внимательно и участливо, почти материнским взглядом, спросила:

— Сильно болит у тебя нога?

— Нет, не так сильно, — ответил Адам и со своей стороны впервые внимательно присмотрелся к ребенку, который так внезапно вторгся в его жизнь. С большим удивлением он заметил, какое у нее привлекательное лицо с большими открытыми глазами, и как она точно так же на него поглядывала, как когда-то его умершая сестра. И он долго, не

отводя глаз, смотрел на Триночку и удивлялся, как он мог всегда думать, что дети ни к чему на белом свете.

Триночка не дала ему времени для раздумий, она пришла сообщить о вновь приобретенных знаниях.

— Дядя Адам, подумай, — начала она серьезно и немного таинственно, — внутри нас есть человек, который не умирает. Знаешь, тело и душа. И когда тебя положат в могилу, то тебе не надо бояться. Ты только должен сделать так, чтобы твоя душа пошла на небо. Тебе нужно быть для этого благочестивым. Тетя говорит, что это тяжело. Но ты, наверное, умеешь это, потому что ты старый и большой. И не правда ли, ты теперь скажешь мне, как это сделать, ведь я тоже хочу уметь. Не правда ли, дядя Адам, ты мне скажешь?

И доверчиво взглянув на старика, она неуклонно ожидала от него ответа на свой вопрос, ведь теперь он имел время. Старый Адам молчал, пораженный. Затем он сказал:

— Триночка, почему ты о таких вещах спрашиваешь? Что я могу об этом знать? Это касается пастора, он это знает. Мне об этом ничего не известно.

О, как испугалась маленькая Триночка! Вот и дядя Адам уже старый, но не знает, что надо делать, чтобы внутренний человек попал на небо. Он уже так долго болеет, и если ему придется скоро умереть, душа его останется перед дверью на небо или тоже пойдет в могилу? О, как страшно, когда ничего не знаешь о благочестии! Ну, может быть, пойти к пастору и спросить его?

— Дядя Адам, я сейчас же должна пойти и спросить, — вдруг сказала она и поспешно соскользнула с сундука.

Она не слышала предостережения дяди:

— Остановись, остановись, Триночка, уже ведь вечер!

Шмыг — и она исчезла за дверью. Как зайчик, быстро пробежала мимо крестьянского двора у дуба по направлению к селу. Она не знала пастора, но думала, что найдет его, — ведь наверняка он в церкви. Церковную колокольню она хорошо видела. Взяв ее за ориентир, она побежала вперед. Вот среди луга тропинка, которая как будто сокращала дорогу, ей не надо было идти через лес, который тоже стал темным.

Она пошла по тропинке и вдруг встретилась с высоким черноволосым господином, чуть- чуть не столкнувшись с ним. Она хотела пробежать мимо, но он поймал ее за платье и весело сказал:

— Куда ты бежишь, малышка? Тебе давно пора спать! А ты в такое время на улице и к тому же одна, без взрослых!

— Мне побыстрее нужно к пастору, — ответила Триночка.

— Вот как? Тогда ты перед ним, — ответил высокий человек. — Я пастор. Какая у тебя, девочка, просьба ко мне?

— Мне нужно знать, что делать, чтобы быть благочестивым человеком, — объяснила девочка, — старый дядя Адам не знает этого и тетя Майли тоже. Дядя сказал, что только пастор знает это. А если дядя не знает, что нужно делать, чтобы быть благочестивым, то его внутренний человек не сможет пойти на небо. А где тогда будет дядя Адам, когда умрет? А он так давно уже болеет. Может быть, он вскоре умрет. Я хотела бы сейчас это узнать!

Молодой пастор на мгновение смутился. Испытывающе и участливо он смотрел на ребенка, чье личико от быстрой ходьбы и ожидания пылало. Большие блестящие глаза были устремлены на него. Очень нежно он отвел со лба ребенка растрепанные темные кудри волос. Но так как он все еще ничего не говорил, то Триночка вдруг печально сказала:

— Может, и у тебя нет времени?

Ведь она по опыту знала, что у взрослых никогда не было времени отвечать на ее вопросы. Но теперь ей так нужно было, чтобы кто-то имел время.

Пастор дружески взял ее за руку и ободряюще сказал:

— Да, я имею для тебя время. Расскажи мне все. Но сначала скажи, как тебя зовут и откуда ты.

Триночка дала разумный ответ. И пастор узнал о внутреннем человеке, который не умирает, и что дети ни для чего существуют на свете, и что она, Триночка, так хотела бы для чего-то быть на свете, и, что самое главное, она хотела бы узнать, как быть благочестивым человеком. Хотя бы ради дяди Адама она должна это знать, а затем и для себя.

Молодой пастор проводил ребенка домой. Медленно идя, он продолжал разговор.

— Смотри-ка, я вот знаю одного человека, который сегодня, как и давно уже, был печален и недоволен, потому что он думал, что во всей деревне нет ни одного человека, который пожелал бы узнать самое важное в жизни. И вот встречается мне маленькая, маленькая душа, ищущая и спрашивающая. Видишь, что мне Спаситель теперь говорит. Знаешь, Спаситель - самый лучший Учитель, от Него все можно узнать, что касается души. Это

написано также в Книге книг. Дядя, наверное, ее имеет. Он только должен хорошо поискать. Там все написано о благочестии. Но я тебе все это отдельно скажу, чтобы ты уже сейчас это знала. Запомни: любить Спасителя от всего сердца — это и есть благочестие. Когда Его любишь, то при всех работах, при всех действиях думаешь, нравится это Ему или нет. Это ведь не трудно, даже такой крошке, как ты. И старый дядя Адам тоже это может. Ты меня понимаешь, не правда ли?

— Да, но если я не буду знать, нравится ли Ему то, что я хочу сделать?

И она вопросительно взглянула на пастора. Тот удовлетворенно кивнул и уверил ее.

— Ты всегда будешь это знать. Все делай, что радостно для твоего сердца, когда сердце тебя не осуждает. И вот, послушай одну молитву: «Господь Иисус, научи меня поступать по

Твоей воле». Если ты так будешь молиться, то сделаешься Его ученицей. Подумай: когда Он тебя Сам будет учить, ты никогда не собьешься с дороги. Если ты Его вначале спросишь, сделать тебе это или нет, и если сделать, то как, то Он Сам вложит ответ в твои мысли. Если ты будешь иметь такие отношения с Господом, Он будет всегда рядом и будет помогать тебе. Не правда ли, это прекрасно?

— Да, — радостно сказала Триночка, и пастор мог заметить, что она все прекрасно поняла, — да, я эту молитву не забуду. «Господь Иисус, научи меня поступать по Твоей воле».

— Вот видишь, — ласково продолжал ее высокий спутник, — теперь ты это уже знаешь. И если тебе иногда не удается поступать благочестиво, и ты не

послушаешься голоса Учителя, то это, конечно, печально, но не все еще потеряно, если раскаешься. Спаситель однажды предстал перед Богом, Своим Отцом, и сказал: «Люди грешат, но пусть один Я буду виновен за них. Я хочу отдать Свою жизнь за всех, чтобы те, кто раскаивается в своих грехах, могли прийти на небо своей душой, бездомной душой». Разве это не великая любовь? Разве не надо Его тоже любить, потому что Он нас так возлюбил?

— Да, да, — закивала головой Триночка.

Да, она хотела так любить Спасителя, как только могла, и следовать за Ним. Но вот она опять вспомнила дядю Адама, который не знал все это. Она протянула на прощание руку любезному пастору и улыбнулась.

— Я должна все рассказать дяде Адаму. Мне надо скорее домой. Вон там наша крыша...

— Тогда передай ему от меня привет, — ответил пастор, — и так как мы хорошо поняли друг друга, то мы, наверное, останемся друзьями, не так ли? Как ты думаешь?

— Да, я думаю так же, — твердо ответила Триночка, взглянув на него блестящими глазами, и еще добавила: — Благодарю вас тысячу раз, и я радуюсь о лучшем Учителе. Спокойной ночи!

Она быстро побежала домой, только красная юбочка мелькала между деревьями. Вскоре девочка исчезла из глаз пастора...

Старый Адам же тем временем познал совершенно новое для него чувство: он был озабочен и боялся за одного человека, а именно — за Триночку. Вначале он рассердился за то, что она так внезапно убежала, хотя уже начало темнеть. И притом, это

была совершенно незнакомая ей дорога, так как школа находилась в противоположной стороне села. Триночка, конечно, не знала узкую тропинку через луг, ведущую в церковь, которая сокращала дорогу, минуя лес. Посреди же леса было большое озеро, о котором Триночка ничего не знала. Если она невзначай в сумерках туда упадет? Он ведь никогда не хотел видеть возле себя ребенка, теперь, возможно, он за это будет наказан. И вдруг он почувствовал себя таким виноватым. Он понимал, что вполне заслужил это, если что случилось с Триночкой. О, может быть, она из воды звала его, а он не мог ей помочь! Волосы у него вставали дыбом при этой мысли. Когда он так внутренне терзался, его жена появилась в дверях.

— Триночке надо спать! — сказала она, заглядывая в комнату.

— А если ее тут нет? — озлобленно проворчал Адам.

— Где же она? Она ведь была здесь! — прозвучал удивленно ответ.

— Да, была здесь и вдруг умчалась, а ты могла бы больше обращать внимания на ребенка.

Дрожащими руками Майли зажгла свечу. Она была поражена упреком и смущена, потому что не нашла ребенка.

— Но ты же не обидел ее? — осмелилась она спросить со страхом. — Куда она могла пойти?

— Вот в том-то и дело, — жалобно заметил старый Адам, — она хотела знать о благочестии. И я ей сказал, что это дело пастора. Поэтому она побежала в церковь, и, может быть, она теперь в озере, которое в лесу. Она ведь еще никогда не ходила этой дорогой.

Бедная женщина так перепугалась, что едва не упала.

— Боже милостивый, — прошептала она, — что ты говоришь?! И все это из-за тебя теперь получилось! О, если дитя не вернется...

Но в эту минуту девочка вбежала в дом. С ярко пылающими щечками от быстрой ходьбы и радостно сверкающими глазами, она, не дожидаясь вопросов, начала первая.

— Дядя Адам, — сказала она торжественно, — видишь, теперь я уже знаю кое-что. Теперь тебе нужно только делать то, что говорит лучший Учитель. Это Господь Иисус. Пастор говорит, что ты имеешь одну Книгу, и там все написано. Только ты должен ее читать. А Спасителя, дядя Адам, ты ведь любишь, не правда ли?

На это дядя ничего не сказал. Он совсем не мог говорить, что-то сдавило ему горло. Его рука дрожала, когда он откинул с ее лба взъерошенные волосы, что он делал впервые в своей жизни. Но он все время кивал головой, и Триночка приняла это за согласие. И так как Адам все время кивал, то и тетя стала растроганно кивать. Но она хотела, чтобы Триночка немедленно легла спать. Ей казалось, что постель — самое надежное для нее место. Но Триночка крепко вцепилась в руку дяди Адама и попросила:

— Оставь меня еще на минутку здесь, я должна только сказать, как звучит новая молитва. Послушай-ка, дядя: «Господь Иисус, научи меня поступать по Твоей воле». Тогда Господь Иисус будет нашим Учителем. Надо только всегда спрашивать, нравится ли это Ему. Спокойной ночи, дядя Адам! Не правда ли,

ты тоже рад, что знаешь о благочестии? Тогда внутренний человек пойдет на небо, когда ты умрешь.

Последние слова она произнесла, уходя.

Дядя опять кивнул и вытер глаза. Затем он крикнул ей вслед:

— Как хорошо, Триночка, что ты у нас есть!

Триночка же была очень рада, что дядя так сказал. И вообще, она ощущала в своем сердце такое большое новое счастье, как никогда раньше.

И когда она уже лежала в кроватке, тетя вдруг обхватила ее и крепко поцеловала, так что Триночка даже смутилась, так как такого еще не было ни разу. Девочка не забыла прибавить ко всем своим молитвам и новую: «Господь Иисус, научи меня поступать по Твоей воле».

Затем она крепко и сладко уснула до солнечного утра.

Дяде Адаму в эту ночь не спалось. Он думал: если ребенок все время говорит о смерти, то не является ли это предвестником его близкой кончины? Хотя он еще никогда не слышал, чтобы кто-то умер от сломанной ноги. Но все же, если ребенок все говорит об этом, то это что-то значит. О смерти он еще никогда не думал. И вот теперь пришлось о ней думать. Мысли приходили разные. Ему чудилось, что на нем лежит какая-то страшная тяжесть, которая давила его. И не было никого, кто снял бы эту тяжесть. Что же такое Триночка, это странное дитя, сказала о благочестии и о любви Спасителя? «Научи меня поступать по Твоей воле!», — услышал он вдруг опять звонкий голосок. О, он это знал, что, если желаешь умереть блаженно, нужно поступать по Его воле.

Только он об этом никогда не думал, потому что не имел времени думать. Но теперь он имел время.

«Любить Спасителя», — сказало дитя. Любить — это было что-то странное. Знал он, что значит «любить»? Может быть, он теперь любил Триночку, а раньше Майли, да и теперь тоже. Но Господа Иисуса? Неужели он Его не любит? Разве он спрашивал, когда что-то делал, угодно ли это Господу Иисусу или нет? Он делал все, что подсказывал ему разум. И при всем этом Господь Иисус не наказывал его. Вот только теперь в том, что он поломал ногу. Но, в конечном итоге, Он сделал это из любви к нему, чтобы он немного одумался. О, если бы у него еще было время делать все по Его воле!

И старому Адаму вдруг стало любопытно, что изменится в будущем, если все свои дела он будет совершать по Его воле. Он охотно хотел бы это испробовать и решил сейчас же начать молитвой. Он сложил руки и помолился громко и вполне сознательно:

— Господь Иисус, научи меня поступать по Твоей воле!

Он умолк и стал ждать ответа. Он хотел убедиться, права ли Триночка, и придет ли на ум то, что надо делать, потому что Учитель его теперь — Сам Господь.

Только под утро Адам уснул. И когда Триночка проскользнула в дверь, чтобы сказать ему: «Доброе утро!», — он все еще крепко спал. Она тихо присела на сундук и увидела, что дядя так красиво сложил руки. Это навело ее на особые мысли. И когда он, наконец, открыл глаза, она радостно заметила:

— О, дядя Адам, ты, наверное, тоже помолился новой молитвой вчера вечером?

— Да, Триночка, — прозвучал ответ таким ласковым тоном, что девочка насторожилась. — Ты хорошая девочка. Я рад, что ты есть на свете, Триночка.

Девочка громко возликовала:

— О, теперь я для чего-то существую на свете! Дядя Адам, это правда? Как я рада! Я должна это сейчас же сказать тете! Она готовит для тебя завтрак.

И она выбежала из комнаты, а старому Адаму стало так хорошо на душе, — может, это и было уже что-то по воле Господа, раз он так мог обрадовать ребенка? О, если Господь сделает его таким радостным всегда, как сейчас, то само собой разумеется, что Адам станет Его любить. И с этим, наверное, все будет приобретено.

Так прошел это день, а за ним еще много дней. Триночка была неистощима в проявлениях своей привязанности. Ей все время приходило на ум, чем занять дядю Адама, чтобы ему не было скучно, и она считала, что все эти мысли — указания Господа Иисуса, потому что она каждый день просила Его научить ее делать только то, что Ему нравится. Этим она увлекла и тетю Майли. И та невольно начала испытывать свои дела, смогут ли они устоять пред очами Бога.

Дядя Адам нашел новое поле деятельности. Теперь он знал, что ему делать с дарованным свободным временем, когда оставался один.

Молодой пастор, который тем временем посетил их и приветливо осведомился о состоянии дяди Адама и о своей маленькой подруге Триночке, дал ему этот

совет. Итак, как пастор, по его словам, получил это от своего лучшего Учителя — Господа Иисуса, то его совет надо было испробовать. Вооружившись роговыми очками, он читал Библию. И это была какая-то особая Библия: некоторые тексты были напечатаны большим жирным шрифтом. Это было почти на каждой странице. И получалось так, что тексты громко взывали к Адаму, как будто находились там только ради этого. Вот, например: «Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас» (1 Иоан. 4:19); «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек» (Иоан. 11:25-26). О, он, конечно, хотел верить в Господа! Триночке незачем больше горевать о его внутреннем человеке, он его передает Спасителю.

Триночка увидела, что ее самые горячие желания исполнились, на все вопросы были получены ответы. Она знала, для чего живет на свете — чтобы всегда делать добрые дела с любовью. Она уже не спрашивала, что будет с внутренним человеком после смерти. Она знала: душа пойдет к Спасителю и будет с Ним на Родине, в небе! О, как она Его любила! Это она Ему часто говорила наедине. А затем она была так рада, что дядя Адам больше не сердился, когда она много спрашивала. Это, конечно, было от того, что он радовался, что и он имеет самого лучшего Учителя. Но особенная радость для всех троих была в том, что дяде Адаму еще не надо было умирать.

Когда старый доктор из села как-то опять заехал, чтобы осмотреть ногу Адама, он очень рассмеялся, когда Триночка дернула его за полу пиджака и

боязливо спросила, скоро ли дядя должен умереть, так как он уже давно болеет.

— Да у него ведь только нога больная, а так он здоров, — ответил доктор, — через пару дней он может попробовать стать на нее. Так быстро не умирают.

И правда, вскоре можно было видеть старого Адама ходящим возле дома с палочкой в руке. Но через некоторое время он стал ходить уже без палочки. Свободное время он продолжал иметь и никакой работой не занимал эти часы. Он сделал вывод, что благочестие нужно не только при смерти; нет, оно нужно и в жизни, и от него только получаешь благословение. Когда же речь заходила о Триночке, то он всякий раз одобрительно отзывался о ней, а тетя Майли качала головой, подтверждая:

— Да, да, Бог имел благие намерения к нам, когда послал нам этого ребенка. Она — настоящее благословенное дитя, слава Богу, что она у нас!

История одного заключенного

Несколько лет тому назад я со своим маленьким сыном предпринял путешествие по железной дороге. С нами в вагоне сидел один человек, чья необыкновенная наружность привлекла мое внимание. Его одежда была аккуратно сложена. Его волосы были очень коротко острижены. На лице лежал отпечаток грусти. Вдруг мой маленький сын по детской простоте начал петь:

— «Есть дивная прекрасная Страна».

Во время пения у незнакомца заметно изменилось лицо, он глубоко задумался, словно вспоминал прошлое. Я почувствовал, что нужно поговорить с ним.

— Мой друг, — сказал я, — вы, наверное, знаете эту песню?

— Когда-то я пел ее, — ответил он, — а потом совсем забыл, но вот теперь вспомнил опять.

— Надеюсь, — сказал я, — что вы тоже идете навстречу этой прекрасной Стране?

— Моя история жизни очень серьезная. Вчера вечером я чуть не потерял рассудок.

— Как такое могло случиться? — спросил я с большим удивлением.

— Если вы хотите это узнать, то я должен рассказать вам всю свою историю. Когда я был четырнадцатилетним мальчиком, у моего отца был небольшой магазин. Там стоял очень красивый маленький ящик, смысл и значение которого я тогда не знал, но мне хотелось бы это узнать. Я поддался желанию и наконец дошло до того, что я украл этот ящик. К своему крайнему удивлению я обнаружил там три крупных кредитных билета. Я очень испугался. Но

один грех ведет за собой другой. Я оставил себе эти деньги и поменял один кредитный билет. Опасаясь, что мой грех будет открыт, я убежал. Когда по истечении некоторого времени я потратил все свои деньги, то, как тот блудный сын в Евангелии, подумал о своем дорогом отце и письменно попросил разрешения вернуться домой. Ответ пришел удовлетворительный, я вернулся в родительский дом. Но дома я чувствовал себя несчастным и завербовался в солдаты.

Мой капитан был, к несчастью, властолюбивый, вспыльчивый человек, часто выражал мне порицание, которое меня сердило, так как я тоже был очень вспыльчив. Однажды мое негодование достигло таких размеров, что я выхватил саблю и ранил офицера. Ранение было не тяжелое, но меня арестовали и поставили перед военным судом. Судья постановил снять с меня мое обмундирование, освободить от службы и передать мое дело гражданскому суду. Гражданский суд приговорил меня к пожизненным каторжным работам. Меня отправили в тюрьму. При входе в тюрьму одна дама вложила мне в руку старую Библию и сказала: «Вы теперь переступаете порог этой тюрьмы, и думаю, что я вас больше не увижу никогда. Возьмите эту книгу и читайте ее». В моем уединении я после некоторого времени вспомнил об этой книге. Я взял ее в руки и открыл. Мой взгляд упал на слова: «Наказание мое больше, нежели снести можно» (Быт. 4:18). Как стрела, это слово пробудило мою душу и убедило меня в моей вине. Я не только преступил законы страны, за что и был осужден на пожизненное тюремное заключение и разлучен со всеми, кого любил, но я прежде всего согрешил пред

Богом и преступил Его святой закон, и поэтому мне ничего не оставалось ждать, как только вечной разлуки с Богом, Чью любовь я так глубоко попрал и против Кого всю свою жизнь восставал. Я ни днем, ни ночью не мог найти себе покоя. «Наказание мое больше, нежели снести можно», — слышал я все время. Но однажды при перелистывании Библии я наткнулся на следующее место: «Верно и всякого принятия достойно слово, что Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый» (1 Тим. 1:15). И я сказал сам себе: «Если Павел говорил, что он самый большой грешник из всех грешников, то тогда, наверное, найдется милость и для меня».

Я узнал из Слова Божьего, что Иисус пришел спасти бедных заключенных, которые находятся под властью греха, что Он понес на Себе мой суд, что сделался моим Заместителем и Своим телом понес мои грехи на крест. И в этом я нашел мир, мир с Богом: мои преступлении и грехи были прощены. Теперь, когда я узнал, как много Он для меня сделал, мне хотелось прославить Бога в своей жизни, и поэтому я ежедневно молился о том, чтобы Он дал мне возможность открыто исповедовать Его.

Проходили годы, и хотя я каждый день повторял это в молитве, но молитва эта не исполнялась. Наконец, после семи лет, мне пришла в голову мысль написать своему отцу, чтобы он попросил влиятельных людей замолвить за меня словечко в подходящем месте. Кроме того, написал тому офицеру, которого ранил, что я глубоко раскаиваюсь в своем злодеянии, и попросил его о прощении.

А теперь я расскажу из моей истории то, что вам объяснит, почему я вчера чуть не лишился рассудка. Когда я вчера сидел один в моей камере, оставленный всеми, вдруг открылась дверь в камеру, вошло двое служащих. Они принесли мне помилование. «И.Т., — сказали они, — вы свободны!» Радость была слишком велика для меня, — радость, что я опять мог ходить, когда и куда хочу, радость, что мог общаться с теми, кого люблю и с которыми так долго был разлучен. Моего освобождения добился тот офицер, которого я тогда так сильно оскорбил и которого хотел убить. Теперь я еду домой к моему отцу, не только освобожденный от земного суда, но спасенный от проклятия, которое однажды Божий закон надо мной изрек. Да, теперь я новая тварь во Христе. Да будет

прославлено имя Того, Кто меня, такого строптивого грешника, освободил через Свою собственную драгоценную кровь, так что я теперь являюсь счастливым чадом Божьим.

Грехами покрыт и связан цепями,
Служил сатане и томился в душе,
Теперь же нашел я прощенье, свободу
В крови драгоценной, в Иисусе Христе.

Так окончил свой рассказ счастливый освобожденный.

И к вам, дорогие юные друзья, относится то же самое важное слово, которое принесло тому заключенному радостную весть, что Христос пришел в мир спасти грешников. «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Иоан. 3:16).

О, если бы вы познали радость, которая дается душе в прощении грехов через драгоценную кровь Христа и скорее назвали Бога своим Отцом. «Потому что и Христос, чтобы привести нас к Богу, однажды пострадал за грехи наши, праведник за неправедных» (1 Петр. 3:18).

Сын учителя воскресной школы

— Когда мне было около семнадцати лет, — так начал свой рассказ Муди, известный американский проповедник Евангелия, — я приехал в Бостон. Я посещал там воскресную школу для мальчиков и юношей.

По истечении некоторого времени учитель воскресной школы пришел ко мне в торговый дом, где я работал. Он положил свою руку мне на плечо и

заговорил со мной о спасении моей души. Слезы текли по его щекам. Я точно уже не помню, что он мне говорил, но и теперь еще часто вспоминаю, и мне кажется, что я чувствую прикосновение его руки к моему плечу. После его ухода я сказал сам себе: «Странно! Я еще ни разу не плакал о своих грехах, а этот человек, который меня лишь несколько недель знает, плачет о спасении моей души. Я еще никогда не печалился и не думал о своем спасении, а он за меня тревожится и беспокоится».

Этот день был поворотным днем в моей жизни. Бог использовал того верного учителя воскресной школы, чтобы привести меня к Иисусу.

Вскоре после этого я перебрался в Чикаго, приблизительно за тысячу английских миль от Бостона. Часто я тосковал по нем и желал вновь увидеть того человека, пожать ему руку и поблагодарить за его большую любовь.

Семнадцать лет спустя я в один ненастный вечер проповедовал Евангелие. После проповеди ко мне подошел молодой человек и сказал:

— Мой отец так часто о вас говорил, что мне захотелось поближе познакомиться с вами.

— А как зовут вашего отца?

— Эдуард Гембле.

— Это ведь был мой учитель воскресной школы! — воскликнул я.

Мне тотчас же пришла мысль: «Может быть, я сумею отплатить теперь на сыне за Божью любовь, которую мне некогда оказал тот верный человек».

Я положил свою руку ему на плечо, как некогда его отец поступил со мной, и сказал:

— Как тебя звать?

— Генрих.

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать.

— Ах! — воскликнул я. — Как раз в таком возрасте твой отец приглашал меня прийти к Иисусу, Спасителю грешников. Имеешь ли ты уже Господа Иисуса своим Спасителем?

— Нет, но хотел бы иметь.

— Слава Богу, что у тебя есть это желание. Я расскажу тебе, как ты можешь Его найти.

Я поведал молодому человеку о приглашающей милости Божьей. Я открыл Библию, чтобы показать ему, что сделал Иисус для погибших грешников. Но он этого не принял. Он был слеп к доказательствам милости. Я был очень озабочен и пожелал, чтобы он нашел мир в Иисусе, прежде чем я на следующее утро уеду. Наконец я открыл 53-ю главу пророка Исаии.

— Вот, Генрих, — сказал я, — послушай это слово: «Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу» (Ис. 53:6). Веришь ли ты этому?

— Да, господин Муди, у меня это часто было, я любил ходить своими путями.

— Дальше говорится: «И Господь возложил на Него грехи всех нас». Веришь ли ты этому?

— Нет, — сказал Генрих, качая головой, — не верю.

— Почему?

— Потому что я был бы тогда спасен, если бы верил в это.

— Я как раз и хочу, чтобы ты был спасен.

— Но я ведь не могу еще верить!

— О, Генрих, ты берешь стих из Слова Божьего, делишь его на две части и одной части веришь, а другую не хочешь принять? В этом стихе выражены три утверждения: два из них — против тебя, а одно говорит в твою пользу. Два утверждения, которые против тебя, суть: «Все мы блуждали, как овцы» и «совратились каждый на свою дорогу», и ты им веришь. А утверждение, которое за тебя, что Бог возложил на Него грехи всех нас, ты отвергаешь и не веришь ему.

Генрих подумал немного и затем ответил:

— Но если я приму последнее утверждение, то буду спасен.

— Да, так оно и есть на самом деле. Я только хотел бы, чтобы ты позволил Господу Иисусу спасти себя. Или это неправда, что Он за тебя умер и вину твою взял на Себя? Только в Нем твое спасение, поверь же Ему!

— И мне больше ничего не нужно делать?

— Решительно ничего!

— Разве вы хотите этим сказать, что я буду спасен, когда просто поверю в этот стих целиком?

— Да, хочу, и еще что-то хочу сказать. Генрих, ты никаким другим образом не можешь быть спасен. Нет другой дороги, на которой грешники становились бы блаженными, — так я проповедовал ему Евангелие о Божьей милости.

— Пророк здесь вначале говорит, что наша жизнь греховна. «Все мы блуждали, как овцы...» Кто может сказать, что он не блуждал вдалеке от Бога? А также мы слышим о том, что по нашему состоянию сердца мы все враги Божьи. «Совратились каждый на свою дорогу». Кто не ходит путями собственной воли, пока

Господь его не обратит? Но Бог учит нас следовать за Иисусом, о Котором сказано: «Наказание мира нашего было на Нем».

Когда я так говорил с Генрихом, то он, по Божьей милости, смог поверить, что все его грехи омыты кровью Христа. Он всем сердцем поверил в тот труд, который Господь Иисус совершил на Голгофском кресте за грешников.

Он поверил теперь Слову Божьему и приобрел мир.

Мы еще вместе помолились, а затем я ему сказал:

— А теперь остерегайся сатанинской хитрости и уловки. Он придет к тебе со многими сомнениями и будет говорить, что ты не спасен. Но ты всегда помни, что он — лжец. Держись неуклонно Слова Божьего, прилепись к Нему. Только Словом Божьим ты сможешь победить сатану, но не твоими силами. Бог говорит тебе, что ты спасен через твою истинную веру в кровь Христа, которая пролилась за грешников. Держись этого твердо, верь этому.

Молодой человек после этого ушел.

Когда я, спустя несколько недель после этой встречи, был в Нью-Йорке, отец Генриха пришел ко мне и принес письмо, которое получил от своего сына. Это было одно из самых прекрасных писем, которые я когда-либо читал.

В письме сын рассказывал, какую борьбу он пережил тем вечером, но что он твердо держался Слова Божьего. И заканчивалось письмо так: «Отец, с этих пор я обрел мир».

И вы также, мои милые юные друзья, должны знать, что для вас есть великое, совершенное уже

спасение. Господь приобрел его Своей смертью на кресте, и Он предлагает его вам.

«Дар Божий — жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 6:23).

Примите сегодня этот драгоценный подарок из Божьей руки через Господа Иисуса Христа. Принявши, благодарите Его, следуйте за Ним, служите Ему!

Господь Иисус скоро придет, и что будет тогда, если вы еще не будете спасены?

Серьёзный счет

Вы, наверное, все знаете молитву Моисея, мужа Божьего: «Научи нас так счислять дни наши, чтобы нам приобресть сердце мудрое»? Счислять дни... Что это означает? Надо ли это понимать буквально? И да, и нет.

Высчитайте-ка, сколько дней вы уже прожили. Сделайте это так: свои года умножьте на 365, прибавьте затем дни високосных годов, и вы увидите, что получится значительная сумма, хотя и не такая, как у пишущего эти строки. Но Моисей думал не только об этом. Для этого ему не надо было просить: «Научи нас так счислять дни наши». Мы, во всяком случае, должны дни нашей жизни представлять себе в надлежащем свете.

В одной христианской песне говорится о письме, которое каждый день и час все больше приносило долги. Тут подразумевается счет наших грехов перед Богом. И вот, каждый день приносит нам новые долги. Как мы относимся к этому счету? Может быть, мы делаем так, как многие люди, — стараемся его забыть? Но этим ничего не исправишь.

Скоро придет день, когда Бог каждого призовет на суд. Только кровь Иисуса может действительно уничтожить вину и навечно ее закрыть.

Разве вы не хотите принести свою вину Спасителю и получить прощение и мир? Из твоей жизни бесповоротно, может быть, улетело 5 000 дней, и ни один из них уже не вернется. Сколько еще осталось дней тебе жить? Каждый прожитый день уменьшает остаток твоих дней. А знаешь ли ты, есть ли у тебя вообще остаток дней? Но, может, сегодняшний день — последний? А что если это так, и твоя вина не покрыта? Но если ты, мой юный друг, собственность Господа Иисуса, то посвяти Ему свое время.

Предание говорит, что у римского императора Тита была прекрасная черта. Когда проходил день, и он никому не помог или не принес кому-то радость, то он говорил: «Я потерял день».

Сколько дней нашей жизни мы уже потеряли? О, будем от всего сердца просить:

"Научи нас так счислять дни наши, чтобы нам приобресть сердце мудрое".

Три приверженца Магомета

Иисус Христос, Сын Божий, может и приверженцев ложного пророка освободить из-под власти сатаны и спасти их. Это видно из следующего рассказа.

Приблизительно пятьдесят лет тому назад жил один человек по имени Диловар Капп. Насколько известно, он был в то время единственным христианином в Афганистане.

Афганцы — ревностные последователи Магомета и слепо преданы этому ложному пророку. Один молодой друг Диловара Каппа услышал о его обращении к Иисусу, свету Божьему. В гневе он сразу же собрался идти к нему, чтобы его проклясть.

Диловар Капп уже некоторое время как почил в Господе, а его молодой друг, который так разгневался на него, сейчас тоже уже старый человек, и к тому же ученик Христа. После своего обращения он рассказал следующее.

«Я знал прежний характер Диловара. При малейшей обиде он готов был снять голову с обидчика. И вот я пришел к нему, чтобы проклясть его за то, что он стал христианином. Пока я в бешенстве страшными словами его проклинал, он ничего не отвечал. Он сидел совершенно спокойно и смирно. Наконец я не выдержал, встряхнул его и вскричал:

— Почему ты мне ничего не отвечаешь?

— Это христианство, молодой человек. Ты еще очень молод, но и над тобой смилостивится Господь, и твоя борода будет не только такая длинная, как моя, но станет белой, как снег...

— И вот, — сказал седой рассказчик, поглаживая свою белую бороду, слово моего друга исполнилось. Господь умилосердился надо мной и спас меня.

Кратко посмотрим обращение этого седого человека, который юношей получил прекрасный пример кротости Иисуса в поведении Диловара Коппа. Бог был очень долготерпелив к молодому человеку, который проклял своего верного друга за то, что тот стал христианином. В зрелом возрасте он стал одним из известных приверженцев своей магометанской религии. Он был «слепой водитель слепых», хотя его последователи думали, что он указывал им правильный путь на небо. У него был сын, и вся цель его жизни заключалась в том, чтобы сделать из него ревностного магометанского священника. И нельзя было представить себе более ревностного ученика Магомета, чем его сын. Кто знал их обоих, тот никогда не мог бы допустить и мысли, что оба они всецело отдадутся Иисусу Христу.

Но Божии пути чудны и дивны, и как Он сделал с Савлом, так сейчас может найти пути к сердцу грешника. Вскоре сын потерял покой, так как осознал себя грешником. Он много читал Коран. Это книга, которую магометане считают святой. Они верят, что Бог Духом Святым сказал все, что там написано, великому пророку. Но это нехорошая книга. Многое там является как раз противоположностью Библии, истинному Слову Божьему.

Однажды молодой магометанский священник вновь перечитывал Коран и ему на глаза попалось место, где написано: «Бог послал письмена Старого и Нового Заветов на землю, чтобы указать людям правильный путь и чтобы их осветить». «Если бы я

мог иметь эти книги, — сказал он сам себе, — то, может быть, и нашел бы правильный путь». Но во всей той местности не было ни Библий, ни Новых Заветов и ни одного христианина, чтобы помочь ему.

На его вопросы ему сказали, что Иисус взял Новый Завет с Собой на небо. Так бедный молодой священник долго искал во тьме, словно заблудившийся странник, который напрасно смотрит во все стороны, не покажется ли где свет или путевой столб, который бы показал ему, куда направить стопы. Не было никого, кто мог бы ему ответить на вопросы души. Когда он был в таком состоянии, то познакомился с одним почтовым работником, от которого узнал, что Христос не мог взять на небо Новый Завет, так как он очень хорошо помнит, что, будучи мальчиком, читал его.

— Что там написано? — спросил молодой священник.

— О, — ответил необращенный почтовый работник равнодушно, — этого я не знаю, очень много лет прошло с тех пор, как я ходил в школу. Помню, что там речь шла о прощении грехов и тому подобных вещах.

Но ведь это было как раз то, чего искал молодой человек! Еще раз с большой тоской он желал иметь книгу Божию. И тут Бог пришел ему на помощь. Одна больная англичанка, которая искала покоя и перемены климата для своего здоровья, приехала со своей подругой туда, где жил этот почтовый работник. Как христианка, исполненная любовью Божьей, она начала рассказывать бедным магометанам этого округа об Иисусе и Его спасении. Этот почтовый работник также слышал ее рассказ. И тотчас он

отправил посланника к своему другу, молодому магометанину, сказать, что он теперь сможет получить желанную книгу, ибо она, без сомнения, есть у христианской дамы и ее людей.

Молодой священник был за десять миль от той местности, но немедленно отправился в путь. Без отдыха он шел длинной утомительной дорогой, пока, наконец, не предстал перед этой дамой. Озабоченно он спросил ее о Новом Завете. Дама дала ему только часть Нового Завета, а именно: Евангелие от Иоанна. Забыв обо всем на свете, наш друг присел со своим сокровищем в руке и читал, читал... Когда он прочел до конца первые главы, вся его внутренность как бы озарилась светом. Он сделался новым человеком, который освободился из-под власти сатаны и стал чадом Божьим.

Дорогие дети, не вспомните ли вы некоторые прекрасные стихи из первых глав Евангелия от Иоанна, которые в действительности способны в такое короткое время принести отягченной грехами и жаждущей спасения душе свет и мир через Духа Святого? Один стих я вам назову, а остальные вы сами найдите. В Евангелии от Иоанна 3:36 сказано: «Верующий в Сына имеет жизнь вечную».

Вскоре по возвращении домой молодой человек заболел. Его отец не переставал его мучить, чтобы заставить его остаться верным пророку Магомету. Он принуждал его сказать: «Есть только один Бог и его пророк Магомет». Больной лежал тихо, — он был при смерти, — но, собрав все силы, он сказал так громко, как только мог:

— Нет другого Бога, как только Отец Иисуса Христа и Сын Божий — Спаситель мира!

Старик-отец за эти слова был готов уничтожить сына, но рука Божья остановила его.

Сын стал поправляться.

Полностью выздоровев, он пожелал принять крещение. Тогда отец дал задание одному из двоюродных братьев убить его. Но тот был к нему расположен, и поэтому пошел и рассказал ему:

— Мы вместе выросли, мы вместе, как хорошие товарищи, играли и всегда были братьями. Я получил задание убить тебя сегодня вечером, и если ты так глуп, что попадешься мне на дороге, то я это сделаю.

Наш молодой друг убежал и затем вскоре крестился. Узнав это, его отец обещал дать большое вознаграждение тому, кто убьет его сына или только хотя бы принесет весть, что он умер. В то время наш друг работал в госпитале с одним врачом, который также был христианином. Этот врач не выпускал бедного беглеца из глаз из-за страха, что его убьют.

Прошло некоторое время. Ежедневно наш друг все больше и больше узнавал любовь Божью, которая превыше всякого разумения. Вдруг его старик-отец случайно пришел в тот город. Но когда он услышал, что здесь живет его сын, он его проклял и быстро направился к вокзалу, говоря, что не хочет быть в одном городе с таким сыном. Но одного вестника он ему послал с извещением, что сын о нем вскоре еще больше услышит. Вероятно, он хотел этим сказать, что будет продолжать его преследовать. Когда сын узнал, что его отец в городе и должен еще несколько часов ждать поезда на вокзале, он пошел к нему и со слезами, ласково говорил с ним.

— Пойдем, пойдем со мной, — сказал он, — я хочу познакомить тебя с моим духовным отцом.

Он имел в виду верующего врача, у которого жил.

— Я пойду с тобой, чтобы его проклясть, — ответил отец.

И действительно, старик последовал за своим сыном в дом врача, который встретил их у дверей дома и вежливо, почтительно (отец был красивый старик с длинной белой бородой) приветствовал словами:

— Добро пожаловать, уважаемый гость!

— Действительно ли добро пожаловать? — спросил старый человек.

— Да, от всего сердца, — ответил приветливо врач.

Десять дней пробыл старик в доме врача, слушая его и задавая свои вопросы. Прощаясь, он взял руку врача и вложил в нее руку своего сына, сказав:

— Юноша принадлежит тебе, а не мне. Вы, христиане, далеко не такие плохие люди, как я думал. Он поступил правильно.

Ему подарили Новый Завет, который он благодарно принял. По истечении девяти месяцев старик снова пришел к врачу с вопросом, нет ли у него и Ветхого Завета. Двенадцать ученых мужей послали его, чтобы получить и другую часть этой прекрасной книги. Ему охотно дали желаемое, и он, умиротворенный, ушел.

Спустя длительное время он постучался в дверь гостеприимного дома врача и, как и прежде, был радостно там принят. Вскоре заметили, что он больше не читал ежедневно, как раньше, отрывок из Корана. Когда его спросили, он ответил:

— Что скрывать? И я христианин. Бог моего сына — и мой Бог.

Вскоре затем его заболел, и Господу было угодно взять его. Незадолго до своей кончины он сказал:

— Чего мне бояться? Я покоюсь в руках моего Иисуса.

Закрытая дверь

Ученики сельской школы были приглашены к старому доброму человеку, который возвратился из далеких странствий в свой дом, на родину. Он любил детей и хотел показать им свою коллекцию. Он привез из Азии и Африки много различных чучел зверей и птиц, редких раковин и кораллов, змей и жуков, оружия и много других вещей.

Как радовались ученики, получив приглашение прийти к нему со своим учителем. Они едва могли дождаться дня и часа, чтобы пойти к нему и посмотреть на все эти диковинки. Единственное условие, которое им поставили, если они захотят прийти, совсем не казалось им тяжелым. Хозяин этих вещей велел передать им:

— Я покажу вам все в следующую среду после обеда и расскажу вам многое о всех вещах и зверях, но вы должны быть очень точны. Я жду вас ровно в два часа. Это мое условие. Я не люблю, когда меня перебивают во время рассказа. Ровно в два часа закрывается дверь, и кто придет позже, того не впустят.

Вот наступила долгожданная среда. О, как все спешили, чтобы вовремя быть в доме у гостеприимного хозяина. Многие наскоро поели свой обед, чтобы не опоздать. Еще не было двух часов, а уже в зале сидела счастливая толпа детей. Учителю и в голову не пришло, что кого-то не хватает. Ровно в

два часа дверь заперли, и начался осмотр достопримечательностей.

Но кто это там стремглав мчится по улице? О, это Рихард. Щеки у него горят, он еле дышит от быстрого бега. Вот он у двери и хочет войти, но напрасно. Он тянет дверь, стучит, но никто не открывает. Внутри слышны веселые голоса, но он ведь снаружи. Хотя еще только пять минут третьего, но дверь уже закрыта. Бедный Рихард! Как радовался он и днем и ночью, ожидая этот день. И вот дверь закрыта... Он заплакал.

Едва он только переступил порог своего дома, как мать воскликнула:

— О, Рихард! Что такое? Откуда ты? Почему ты не на выставке?

Рихард громко заплакал и сказал:

— Я опоздал. Дверь была уже закрыта, и никто ее не открыл.

— Опоздал? — вскричала мать. — Ты же ушел сразу после двенадцати! Где же ты был?

И Рихард сознался, что по дороге он задерживался в разных местах, чтобы поглядеть на то, на се. Так, например, он зашел в кузню и долго наблюдал за работой подмастерьев. А время шло быстро. И только когда на башне пробило два часа, он опомнился и побежал. И хотя он бежал очень быстро, но опоздал, двери были заперты, и он, плача, должен был уйти домой.

— Рихард, Рихард, — сказала его мать, — когда же ты, наконец, поумнеешь?! Это ведь не в первый раз, что ты прекрасные вещи и важные часы теряешь из-за опозданий и задержек. Я очень недовольна тобой и боюсь, что ты и спасение своей души отсрочишь, и, в конце концов, и небо, и вечная слава будут для тебя закрыты. О, возьмись же за ум, и пусть это послужит тебе уроком поскорее прийти к Господу Иисусу, стать Его овечкой, пока еще не поздно.

Да, дети, мать Рихарда была права. Как Рихард опоздал на выставку коллекции, хотя его туда пригласили, так и многие люди погибнут из-за своего опоздания и по своей вине пойдут не на небо, а в ад. Разве хозяин этой коллекции не имел право назначить время детям, когда они должны прийти? Вы, я думаю, скажете: конечно, он имел на это право. А также вы должны будете признаться, что его условия нетрудно было исполнить. Так и Бог вам, дети, предлагает бесплатно и свободно прощение, мир и вечные сокровища неба. Он только говорит: «Рано ищущие Меня найдут меня», «Вот, теперь время

благоприятное». Не поступайте так, как Рихард. Он хотя и заранее вышел, но поступил несерьезно. Он думал: «У меня еще много-много времени впереди». И таким образом — он опоздал. Плача, стоял он у закрытой двери.

И вы знаете, что Господь Иисус подобным образом закроет однажды дверь неба. Сегодня еще эта дверь открыта для каждого. Когда же Господь закроет дверь, никто больше не войдет туда: ни плач, ни просьбы уже не помогут. Господь Иисус больше не откроет дверь ни для кого.

Пока еще есть время, вы должны обратиться к Нему, то есть поверить в Него всем сердцем. Тогда Он сделает вас Своими детьми!

Маленький Томас

Маленький Томас от рождения был болезненным мальчиком. Он часто лежал в больнице. Если ему там становилось лучше, то он опять весело играл, старался развеселить своих товарищей по несчастью. Томас был любезным мальчиком, но об Иисусе Христе он, казалось, ничего не хотел знать. Он считал себя хорошим мальчиком, и, хотя его болезнь была неизлечима, он не думал о том, что может скоро умереть. И все-таки его сердце было нечисто перед Богом. Мы ведь читаем в Слове Божьем: «Лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено; кто узнает его?» (Иер. 17:9). Но Добрый Пастырь, Который знает грехи всех людей и желает им спасения, пошел навстречу Томасу, заблудшей овечке, чтобы привести ее в Свое стадо.

Томас вновь заболел и был приведен в наше заведение. Одна из санитарок подарила ему Новый

Завет, и он изредка читал его. Его сосед по кровати Вилли, мальчик его возраста, уже знал и любил Господа Иисуса и старался обратить к Нему и Томаса. Трогательно было слушать, как Вилли говорил Томасу о Спасителе и когда он просил Спасителя преобразить сердце своего маленького товарища и сделать из него овечку Своего стада. Но Томас, хотя и выслушивал все внимательно и читал Библию, внутренне оставался равнодушным к Слову Божьему. Это было для Вилли большой печалью.

Вскоре Господь Иисус взял маленького Вилли, этого юного свидетеля, к Себе, в Свою славу. Томас же начал поправляться и вскоре покинул больницу. Долгое время я о нем ничего не знал. Но однажды я встретил его на улице. Он сказал:

— Я все еще болен и никогда не поправлюсь. Доктор говорит, что однажды я могу внезапно умереть. Мое имя написано внутри моей шапки, на тот случай, если меня найдут где-нибудь умершим.

Я сказал бедному мальчику, что очень сожалею о его болезни, и потом спросил:

— А записано ли твое имя на небе, в Книге жизни у Агнца? Этого недостаточно, что твое имя можно прочитать на шапке.

— О, я этого очень желал бы, — воскликнул он печально, ибо прекрасно понял меня, так как часто слушал от меня и Вилли, да и от других, что все те, чье имя не записано в Книге жизни, погибнут навеки. «И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное» (Откр. 20:15).

Томас продолжал говорить:

— О, я этого очень желал бы, но... мое сердце такое злое!

На это я ему сказал, что Господь Иисус сошел с небес, чтобы умереть за злых, за безбожников. Он вместо них принял смерть на кресте. Затем я призывал его поверить Иисусу и искать в Нем убежище.

— Он подарит тебе прощение, и тогда твое имя будет занесено в Книгу жизни! — сказал я в заключение.

Томас немного помолчал, затем спросил:

— Разве Иисус и для меня умер?

— Конечно, дитя, — сказал я, — если бы ты был самым большим грешником, Иисус умер бы также и за тебя.

Затем я попросил его почитать в своем Новом Завете, что сделал для нас Господь Иисус и как Он принимал и принимает всех грешников, которые приходят к Нему с покаянием. Томас охотно согласился, и мы расстались.

Прошло несколько месяцев. И вот однажды приходят от Томаса и говорят мне, что он хочет видеть меня. Я сразу же побежал к нему. Он встретил меня с сияющими глазами и сказал мне:

— Я тоже теперь люблю Господа Иисуса. Он стал и моим Спасителем, и я радуюсь тому, что Он отзовет меня к Себе.

Мы еще поговорили о небесном, которое теперь и ему стало дорого.

В тот же вечер его отправили в больницу, чтобы мы смогли за ним ухаживать. Иногда он был немного нетерпелив, но и среди сильных болей он всегда устремлял свой взор на Иисуса и молился Ему. Однажды он сказал:

— Скоро я увижу Вилли!

Своему отцу он велел передать, чтобы тот не печалился — он идет к Иисусу.

Когда он почувствовал, что умирает, он попросил меня спеть ему прекрасную песнь об имени Иисуса. Там есть такие строки:

«О, имя Иисуса! Нам так сладостно оно!

Спасенье, счастие сердцам от Бога в Нем дано.

В Нем мой маяк, к Нему плыву и направляю путь; В Нем пристань, где склоню главу, чтоб вечно отдохнуть».

Затем милое дитя обвило мою шею своими руками, и я напомнил ему его любимый стих: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Иоан. 3:16). Затем он положил свои маленькие ручки в мои, посмотрел, улыбаясь, на меня и уснул, чтобы всегда быть с Господом и Спасителем.

Благородный мальчик

Послушайте рассказ о храбром христианском мальчике прежних времен, отдавшем свою жизнь ради Спасителя.

Абдергаман II был царем мавров в Испании, которая в восьмом столетии попала под владычество арабов. Он царствовал в девятом столетии и под его скипетром расцветали науки и искусство. Но это не мешало тому, что царь, будучи большим приверженцем Магомета и отчаянным врагом веры в Иисуса Христа, нашего Спасителя, начал сильнейшие гонения на христиан в Испании.

Река Гвадалквивир, протекающая у стен города Кордова, который в то время был столицей

государства, была окрашена кровью верующих, которых убивали за Христа. Сыновья и дочери многих христиан скитались осиротевшими по прекрасным апельсиновым лесам, ибо их отцы и матери сидели в тюрьмах или были убиты. На улицах и площадях оставляли умирать раненых мужчин и женщин преклонного возраста, но верующие мужчины, которые среди христиан были пастырями, не жалели своей жизни и шли находить этих умирающих, ободряли и утешали их.

Очень часто можно было тогда слышать в стране вопль Псалмопевца, царя Давида: «Внемли воплю моему, ибо я очень изнемог; избавь меня от гонителей моих, ибо они сильнее меня. Выведи из темницы душу мою, чтобы мне славить имя Твое. Вокруг меня соберутся праведные, когда Ты явишь мне благодеяние» (Пс. 141:6, 7).

Однажды магометанский тиран хотел насладиться зрелищем мучений христиан. Он велел сказать, что в такое-то время он будет в камере пыток. Сотни христиан, приговоренных к смерти, стояли у орудий пыток, приносящих невыразимые страдания. Абдергаман появился со своей великолепной свитой. В ряду служащих благородных мальчиков стоял юноша по имени Санциус. Он имел чрезвычайно нежный облик, благородную душу и, чего не знал царь, верующее сердце. Он по несчастному случаю попал в мавританский царский двор. Он происходил из уважаемой христианской семьи во Франции. Миловидный мальчик играл однажды утром на берегу тихой речки Альбы. Его няня на минутку отлучилась, и вмиг из-за кустов выбежали мавританские разбойники, взяли плачущего мальчика и повезли его через море в

Кордову. Один сострадательный купец купил его за сто золотых монет. Абдергаман увидел его много лет спустя, и так как купец не мог нахвалиться мудростью и ловкостью молодого невольника, то царь взял его во дворец и усовершенствовал его природные дарования в науке и военном искусстве. Но семена Слова Божьего, посеянные в его сердце в родительском доме, не заглушились. Некоторые христиане в Кордове тайно подкрепляли его в вере, так что пятнадцатилетний мальчик посреди шума мавританского двора оставался христианином.

Начались пытки. Верующие истекали кровью, тираны смеялись, ибо грубые палачи изощренно били и мучили овец Христа. И вдруг из среды благородных мальчиков вышел юноша Санциус. Его глаза были мокры от слез, и он, подняв руки, стал умолять царя:

— Во имя любви Всемогущего, окажи этим невинным людям милосердие, пощади их.

Никто из присутствующих не ожидал такого. Не ожидал этого и царь. Последовала гнетущая тишина... Мученики благословляюще посмотрели на юношу. Какое-то странное движение произошло в народе, царь же совсем побледнел. От неожиданности он только и мог крикнуть на юношу:

— Что я вижу и слышу? Что ты делаешь, несмышленый юноша?

Но смело, как и прежде, Санциус взмолился:

— Я не покину это место до тех пор, пока ты не исполнишь просьбу твоего слуги, который желает только человечности!

Абдергаман неистовствовал:

— Уберите его прочь от моего лица!

Но прежде чем это случилось, юноша с героизмом, которым было проникнуто все его существо, твердо и смело крикнул:

— Знай же, что и мне надлежат те же пытки, ибо и я христианин!

Царь, от волнения лишившись дара речи, только кивнул, и Санциуса отвели в мрачную тюрьму. Мученикам же на сегодня прекратили пытки, и они радовались и пели. А также они говорили:

— Благодарим тебя, юноша-свидетель, выдержи все. Будь верен до конца, и мы свидимся в доме Отца, где мученья прекратятся, и будет вечная радость!

На другой день утром царь сидел на своем престоле, окруженный своей свитой. Он любил Санциуса, и поэтому велел его привести, чтобы завлечь его лестью.

— Санциус, — сказал он, — когда-нибудь я возвышу тебя до самых высоких должностей и чинов, только возьми обратно слова, которые ты говорил вчера и оставайся приверженцем Магомета, пророка Аллаха.

Но юноша ответил:

— Если твой пророк, о царь, так велик, зачем он требует тогда такой страшной мести против христианского народа? Мой Господь и Спаситель говорил совершенно другие слова: «Не судите, да не судимы будете»; «Любите врагов ваших». Что значит учение Магомета по сравнению с этими святыми словами? Что значит вера в Магомета по сравнению со спасающей верой в Иисуса Христа?

Абдергаман вскочил с трона и выхватил меч из-под золотого пояса. Его примеру последовали и

царедворцы. Но юноша, обратившись ко всем присутствующим, громко крикнул:

— «Входите тесными вратами!» Врата Магомета длинные, его путь широкий, и они ведут в вечное проклятие. Врата Иисуса тесны, и его дорога узка, и они ведут на небо!

Сказав это, Санциус упал, пронзенный двадцатью мечами. Меч возмущенного царя пронзил его сердце. Но Господь в день оный даст Своему верному свидетелю венец жизни.

Мой маленький читатель, как ты относишься к Спасителю? Имеешь ли ты Господа Иисуса своим личным Избавителем? Веришь ли ты в Него? Любишь ли ты Его? Доверяешь ли ты Ему, следуешь ли ты за Ним и свидетельствуешь ли ты о Нем своей жизнью?

Возле рельсов

Поезд остановился у маленькой станции, и в купе, где сидел Георг, вошли трое молодых людей. Их внешность и вид говорили об их внутренней пустоте, и что они, кроме как на глупости, больше ни на что не способны. Когда они сели, то обнаружили на полке карманную Библию, которая вызвала их удивление и насмешки. Георг, сидевший в этом купе, был молодой солдат, который возвращался в свой полк. Он читал дорогой свою Библию и перед их приходом положил ее на полку, чтобы взяться за другую книгу.

— Выбросим ее в окно?

Едва это было сказано, как и было сделано; прежде чем Георг мог осмотреться и что-то предпринять, Библия уже была выброшена в окно. Конечно, получить обратно Библию нечего было и

думать. Рассердился ли Георг? Он был верующий солдат. Раньше такой поступок воспламенил бы в нем гнев, но теперь, будучи верующим, он научился следовать за Иисусом, Который был кроток и смирен сердцем. И он свою потерю принял спокойно и тихо, хотя ему было очень больно потерять свою дорогую Библию, через которую он нашел Господа.

Между тем грубые парни продолжали свою легкомысленную беседу, как будто ничего не случилось. О, как зло и жестоко человеческое сердце, пока Божье Слово и Святой Дух его не расплавят.

Когда Георг прибыл на место назначения, то рассказал своему другу о потере, о которой он очень жалел. Ведь эту книгу, которая так оживила его душу, ничто не могло больше заменить.

А теперь обратим наше внимание на полотно железной дороги и посмотрим, что стало с Библией. Вот она лежит. Она упала как раз возле рельсов на полевую дорожку, по которой идет молодой человек, сильно задумавшись. «О, что это там, у рельсов?» — подумал он, шагнул через рельсы и поднял книгу. Книга была открыта на первом псалме, и удивленный Андре (так звали молодого человека) начал читать. Какие воспоминания ожили в нем при чтении этого псалма. Прошло, наверное, лет десять с тех пор, как он не заглядывал в Библию. Он с тех пор больше ходил на совет нечестивых, стоял на пути грешных и сидел в собрании развратителей, чем размышлял о Законе Господа. Когда же он дочитал до четвертого стиха: «Не так — нечестивые: но они — как прах, возметаемый ветром», эти слова пронзили его душу, как острый меч. Разве он не был прахом? Он, который так долго был вдали от Бога, живший безбожной

жизнью? Этот молодой человек в своем смущении начал взывать к Господу. Он преклонил колени в открытом поле и начал взывать к Искупителю всех грешников, ибо он там был наедине с Ним и признавался в своих грехах и молил о милосердии.

Вы, наверное, все знаете обетование Иеремии 29:13: «И взыщете Меня и найдете, если взыщете Меня всем сердцем вашим»? Андре узнал, что это верно. Утешенный, он продолжал свой путь. И последняя часть дороги была для него отличная от начала его прогулки. Драгоценное сокровище, которое он нашел, было спрятано в карман, чтобы дома его можно было изучить. Как радостно и светло стало у него на душе после того, как он испытал такое чувство, как описывает Псалмопевец: «Блажен, кому отпущены беззакония, и чьи грехи покрыты!» (Пс. 31:1). При перелистывании Библии Андре нашел и имя Георга и его адрес. Конечно, он должен был вернуть Библию по назначению. Он сел и написал Георгу письмо, в котором рассказал ему, что его потеря послужила ему, пишущему это письмо, вечным спасением, что он через нее нашел своего Спасителя, Который простил ему все грехи и сделал его сердце счастливым.

Можно ли передать радость Георга, когда он некоторое время спустя после того происшествия получил по почте пакет, где лежала его дорогая Библия и письмо от неизвестного человека? Он читал это письмо с благодарением в сердце и радовался о том благословении, которое принесла неизвестному другу его Библия. Его дорогая Библия стала ему с тех пор еще дороже и ценнее.

Милые мальчики и девочки! Когда вы каждый день с верой читаете отрывок из Библии, то знайте, что вы через живое Слово Божье приходите в соприкосновение с Самим Богом и с Иисусом Христом, Который сказал: «Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне» (Иоан. 5:39). Когда вы верой принимаете Божье Слово в свое сердце, этим вы принимаете Иисуса и получаете в Нем прощение и вечную жизнь. Бог дает верующему сердцу через Свое Слово и Своего Святого Духа в Иисусе Христе вечное спасение.

Гейнер и Сюзи

Гейнер одиноко лежал в своей обветшалой кроватке. Его большие серьезные глаза блуждали по комнате. Взгляд этих голубых глаз не был печален, но в нем выражалась тоска. Он ведь оставался совершенно одиноким, когда мать уходила на работу. В комнате было все так знакомо, что ничто уже не служило ему развлечением. А сегодня мать даже

забыла завести часы, и они молча висели на стене. Часы своим неустанным «тик-так» всегда рассказывали ему свою незатейливую историю. Хоть бы выглянуло милое солнышко и нарисовало бы на голубой стене венок из своих лучей, озолотило бы портрет родителей в брачном одеянии или же осветило бы засохший венок невесты, принадлежавший его матери, который висел в стеклянном шкафу под портретом. Но на дворе на небе нависло серое покрывало из туч и сеялся мелкий дождик.

Было очень скучно. Если бы он имел что-нибудь живое, с чем бы мог поиграть! Например, маленькую собачку или хотя бы птичку, которая щебетала бы ему веселые песенки! Но мать была слишком бедна, чтобы покупать для них корм. Муха, которая сидела на стене и иногда прилетала к нему на одеяло, была единственным существом, разделявшим с ним одиночество.

— Маленькая мушка, ты даже не знаешь, как тебе хорошо, — сказал Гейнер с подавленным вздохом. — О, если бы я мог так бегать, как ты, как бы я был счастлив!

Но вот он услышал, как снаружи открылась дверь, и старый колокольчик зазвенел своим дребезжащим голосом. Мать ли это уже пришла? Но нет, она ведь еще не могла прийти. Кроме того, шаги на каменном полу сеней были очень неуверенными, как будто их обладатель не знал, куда обратиться.

— Кто там? — испуганно вскричал Гейнер.

И когда вслед за этим кто-то постучал в дверь, он едва осмелился робко крикнуть:

— Войдите!

Он с сильно бьющимся сердцем смотрел на дверь, которая медленно открывалась. Худая фигурка девочки лет двенадцати, небрежно и нечисто одетой, с растрепанными темными волосами, протиснулась в дверь. Девчонка боязливо остановилась и удивленно посмотрела на Гейнера.

— Кто ты? — вскричал удивленно Гейнер. — Ты пришла к моей матери? Она еще не вернулась с работы. Ты хочешь что-нибудь у нее заказать?

Девочка покачала головой и с любопытством оглянулась кругом. Наконец она спросила:

— Ты совсем один? Ты, наверное, болен?

Гейнер кивнул и, довольный посещением, сказал:

— Заходи, ты можешь подождать, пока мать придет.

— Нет, — сказала девочка, но все же подошла ближе. — Я ничего не хочу.

— Садись, —сказал, приглашая, Гейнер, — и расскажи мне что-нибудь. Я всегда так одинок и очень радуюсь, если кого-то увижу. Как тебя зовут и почему ты сюда пришла?

Девочка рассмеялась:

— Меня зовут Сюзи, и я хотела попросить людей в этом доме дать мне хлеба и несколько копеек.

С удивлением, но вместе с тем испуганно Гейнер уставился на нее:

— О, так ты хотела просить милостыню? Но отчего же? Ты ведь здорова. Разве вы так бедны?

Сюзи немного сконфузилась, но только на минуту, затем подняла голову и дерзко ответила:

— А почему же не просить? Это ведь не имеет отношения к здоровью. А бедные ли мы? Нет, не такие уж и бедные!

Гейнер печально посмотрел на нее.

— О, Сюзи, когда есть здоровье, можно работать; я был бы рад, если бы смог помогать матери зарабатывать на хлеб. Ей очень тяжело, но просить милостыню я бы никогда не стал. Мама говорит, что просить милостыню, если здоров и есть работа, очень нечестно и бессовестно. Разве твоя мать не говорит тебе так?

Сюзи потупилась, задумалась, но затем состроила насмешливую гримасу.

— Мама не беспокоится о том, что я делаю. Она рада, когда меня не видит!

— Сюзи, это неправда! — возразил испуганно Гейнер. — Это совершенная неправда!

— Она относится ко мне, как будто она мне не родная мама. Я всегда должна приглядывать за младшими детьми, но это мне не подходит; и поэтому я убегаю. Иногда она спрашивает, где я была, тогда я говорю, что первое на ум взбредет.

Гейнер был этим возмущен.

— Сюзи, тогда ты, наверное, часто лжешь?

Девочка легкомысленно рассмеялась:

— Ей ведь не надо все знать, она бы только ругалась тогда!

Гейнер был очень опечален и робко сказал:

— Это очень нечестно, что ты делаешь.

Но Сюзи высмеяла его:

— Не будь таким скучным! Что же тут нечестного? Не буду ли я такой дурой, чтобы говорить ей всю правду? Она расскажет это потом отцу, и он побьет меня. Нет, я пока еще не сошла с ума, чтобы это сделать.

Некоторое время Гейнер молчал и беспомощно смотрел вперед. Затем он снова спросил:

— Ну почему же ты просишь милостыню? Тебе это, наверно, совсем не нужно? Разве ты дома не кушаешь вдоволь?

— Ну, я ведь тоже хочу иногда себе купить кусок пирога или чашку кофе, или же сходить в кино, как ты думаешь?

Гейнер замолчал. Он думал о том, что если бы мать была дома, то она, наверное, дала бы этой попрошайке из своих скудных средств или копейку, или кусок хлеба, которые Сюзи так легкомысленно растратила бы. Как печально, что на свете и такие вещи случаются. Он раньше и не думал об этом! Между тем, не заботясь о впечатлении, произведенном ее словами, Сюзи любопытными глазами оглядывала комнату.

— Вы, наверное, очень бедны? — вдруг нетактично спросила она, хотя в словах ее чуть слышалась жалость.

Бледное лицо Гейнера покрылось яркой краской.

— Да, мы бедны, — сказал он тихо, и слезы выступили на глазах. — Отец уже давно умер, и мать тяжело работает: стирает, убирает. Она очень мучается, моя бедная мама, ей тяжело со мной, так как я ничем не могу ей помочь.

— Что же с тобой, и как тебя зовут? — спросила Сюзи.

— Меня зовут Гейнгольд, — ответил он, — но мама зовет меня Гейнер. Я уже очень давно болен. Мои ноги парализованы, так что мне приходится все время лежать.

Сюзи с ужасом посмотрела на него.

— Ты должен всегда лежать и не можешь бегать?

Гейнер кивнул головой.

— О, как это ужасно! Но... зато тебе не нужно ходить в школу!

— О, Сюзи! Это самое худшее, что я ничему не выучусь, а я так хотел бы учиться!

Сюзи громко рассмеялась:

— Ах, ты неразумный! Я нахожу школу отвратительной и лучше всего было бы, если бы я не пошла туда. Несколько раз я убегала и не ходила в школу, но тогда посылали швейцара к родителям, и отец меня сильно бил, поэтому я больше не пропускаю ее. Ну, а в школе я не слишком перегружаюсь. Я совсем не понимаю, для чего себя так мучить!

Она подняла голову и прислушалась, так как хлопнула наружная дверь.

— О, это, наверное, мама! — вскричал радостно Гейнер.

Тогда Сюзи вскочила:

— Ну, теперь я пойду домой, — сказала она.

Но мать Гейнера уже входила в комнату. Она удивленно посмотрела на чужую девочку. Сюзи же смело сказала:

— Я слышала, что Гейнер болен и должен всегда лежать в кровати, вот я и пришла, чтобы составить ему компанию. Но теперь мне надо идти домой, а то мама станет меня ругать, что я так долго отсутствую.

Вдова Вернер была очень обрадована:

— Как это хорошо с твоей стороны! Мой бедный мальчик был, очевидно, очень рад. Приходи снова!

И она ласково протянула руку девочке, которая прощалась с Гейнером. Затем она обернулась к больному сыну с любовью:

— Мой Гейнер, как хорошо, что ты нашел себе маленькую подружку! Она, наверное, станет тебя часто посещать, и это для меня будет большим утешением. Ты тогда будешь время от времени не один и будешь иметь, с кем беседовать.

Но Гейнер лежал с бледным лицом и очень испуганными глазами и ничего не мог ответить матери. Та ничего плохого не подозревала.

— Необычное посещение утомило тебя. Спи, мое дитя, — сказала она, проводя ласково рукой по его голове. Потом ушла на кухню готовить ужин.

В душе Гейнера бушевала буря. Эта Сюзи была плохой девочкой. Как она могла так обмануть его мать, которая ко всем относилась с любовью? И как гладко с ее языка слетала ложь! Он должен был сказать матери, что это за девочка, что она ее обманула, и что она вообще, наверно, плохая девочка. Но тогда, конечно, мать не позволит, чтобы Сюзи опять пришла. А он так хотел бы сказать Сюзи еще, что она поступает неправильно, когда лжет, пропускает школу или сознательно лентяйничает. Она, конечно, не знает, что так поступать нечестно и нельзя, и, наверное, этого ей никто не говорил. И поэтому он решил, хотя и против своей совести, пока что ничего не говорить матери. Кто знает, может быть, Сюзи больше и не придет. Конечно, это было бы очень жалко!

Теперь Гейнеру было что делать. Как только мать уходила на работу, и он оставался один, то он думал все о том, придет ли Сюзи опять? И взгляд его

выжидающе устремлялся на дверь. И, действительно, она однажды пришла. Веселая, она подошла к его кровати и протянула ему руку.

— Здравствуй, Гейнер! Тебе все еще не лучше? Зима скоро пройдет, и тебе надо уже выздоравливать.

— Я никогда не буду здоров, Сюзи, — ответил он спокойно, — ты же знаешь, что я парализован.

— И это нельзя вылечить? — спросила Сюзи.

— Нет. Раньше я мог ходить, как все дети. Но, когда мне было пять лет (отец тогда только умер), я выпал из окна и повредил позвоночник. С тех пор я парализован.

Сюзи задумалась, а затем сказала:

— Мне жаль тебя, Гейнер. Я буду чаще приходить и составлять тебе компанию. И я принесла тебе кусочек пирога — вот!

Гейнер покраснел. Но как он обрадовался! Сюзи была не такой уж плохой, как он думал. Но деньги на пирог опять были собраны милостыней, и он не мог его кушать. Но на это Сюзи, наверное, обидится.

— Ты его, наверное, не хочешь? — спросила удивленно Сюзи.

— Сюзи, — начал он, запинаясь, — ты просила милостыню, чтобы купить этот пирог?

Сюзи громко рассмеялась:

— Ах, тогда ты не будешь его есть, благонравный мальчик? Можешь успокоиться, он не приобретен на милостыню. Вчера отец праздновал день рождения, и мать испекла пирог. А я лично для тебя выпросила этот кусочек. Знаешь, я маме все о тебе рассказала!

Гейнер был очень счастлив, и его худенькое личико просияло от радости.

— Это ты очень хорошо сделала, благодарю тебя. Но ты больше никогда не ходи просить милостыню, это большой порок, ты же ведь не нуждаешься. Это, знаешь ли, все равно что лгать. Ты, наверное, этого не знала? Видишь ли, когда ты ушла, я о многом передумал. Тебе, наверное, никто не говорил, что просить милостыню из тех побуждений, что у тебя, большой грех. И еще грех — лгать и быть ленивой. Моя добрая мама часто мне говорила это и рассказывала истории про таких людей, которым приходилось, в конце концов, очень плохо. Не делай этого больше, Сюзи! Подумай, как ты этим огорчаешь Бога, и Он тебя все-таки накажет, если ты останешься такой плохой. Но не правда ли, Сюзи, ты не будешь больше так делать? Ты, наверное, не знала, что это грех?

Сюзи покраснела, ничего не ответила и тихо смотрела вниз. Гейнер же, разгорячившись, сказал:

— Но тебе не надо печалиться об этом, Сюзи. Ты должна просто попросить Бога, чтоб Он тебя простил, и Он, наверное, простит.

Сюзи сама не знала, что с ней: ею овладело странное чувство. Она охотно не обратила бы внимания на эти слова и ответила бы дерзким смехом. До этого времени она всегда так и поступала, когда ее увещевали. Но тут было что- то другое, это не учитель увещевал и не мать ругала. Так хорошо и убедительно никто с ней не говорил. Ее никто из людей не мог терпеть, она от этого не очень огорчалась. Не огорчалась она от того, что и родители, и братья, и сестры ее не очень любили. Мать ругала ее, отец бил, а братья и сестры совсем и не думали о ней. И в первый раз она почувствовала, что кто-то, в

настоящем случае Гейнер, интересуется ее жизнью. Ей очень хотелось разреветься, она не знала, что ей делать — уйти или остаться, — и беспокойно ерзала на стуле. Но Гейнер улыбнулся и сказал:

— Расскажи мне, Сюзи, немного о школе, — попросил он. — Видишь ли, я очень хотел бы учиться, и мне так печально, что я на всю жизнь останусь неграмотным. Мама меня научила немного читать и писать, но у нее нет времени заниматься со мной. Расскажи мне, что вы учите в школе.

Сюзи вторично покраснела.

— О, Гейнер, ты не туда попал. Я много не могу рассказать, я ведь сама ничего не знаю.

— Ну разве ты никогда не слушаешь внимательно, что говорит учитель, и разве ты ничего не учишь, Сюзи?

Сюзи смотрела вниз и ничего не отвечала.

— Сюзи, тебе меня немножко жаль? — робко произнес Гейнер.

Девочка быстро кивнула головой.

— Да, мне жаль тебя.

— Тогда сделай это для меня, Сюзи, я тебя очень об этом прошу. О, какая была бы радость для меня, если бы я через тебя мог бы хоть чему-то научиться! Сделаешь ты это, да?! — и он протянул свою худую руку.

Колеблясь, она подала ему свою.

— Я попробую, — сказала она почти с недовольством и скорее встала.

— Я тебе очень благодарен за то, что ты меня навестила. Приходи опять и поскорее, — сказал Гейнер просящим тоном.

Когда гостья ушла, он лежал тихо со счастливым выражением на лице. Он радостно рассказал матери о посещении, о редком лакомстве, которое получил в подарок. И как мать ни сопротивлялась, ей пришлось съесть половину принесенного пирога.

Следующие дни Гейнер провел в большой тревоге. Ежедневно, в то самое время, когда могла прийти Сюзи, он неотступно глядел на дверь. Но за дверью не возникало никакого шороха. Сюзи не приходила. Гейнер очень опечалился. Неужели она обиделась на то, что он сказал? А он ведь сказал это, имея в виду самое лучшее, она же должна была почувствовать это. Он начал молиться и вновь обрел радость, потому что твердо знал, что Бог все делает правильно и в свое время. Что предашь в Его руки, то Он всегда исполнит ко благу души. Мать это часто говорит, она-то уж знает. С этого времени он начал терпеливо ожидать, зная, что Сюзи когда-нибудь да придет.

И она пришла. Не такая смелая и довольная, как в прошлый раз. Она вошла застенчиво и что-то крутила за спиной. Счастливый Гейнер встретил ее с улыбкой.

— О, Сюзи, как хорошо, что ты пришла! Я уже долго так ждал тебя и совсем было загрустил оттого, что ты не приходишь.

Сюзи слегка засмеялась, подала ему руку и смущенно положила на кровать спрятанную вещь. Огромными глазами смотрел Геймер на вещь. Это была книга.

— Что, что это, Сюзи?

— Это моя школьная книга для чтения. Если ты хочешь, то мы немного вместе почитаем.

— О, Сюзи, ты предлагаешь это мне? Я ведь знал, что ты очень добрая!

— Не говори вздор, я не добрая. Когда я пришла от тебя в прошлый раз и обдумала все, что ты мне говорил, то я сначала взбесилась так, что никогда больше не хотела приходить к тебе. Мама заметила, наверное, что я почему-то переживаю, так как она спросила меня, была ли я у тебя и как твое состояние. Я ей немного рассказала, не все, конечно, то, что ты говорил о попрошайничестве, — конечно же, нет! Но я говорила о школе, что ты так хотел учиться, что ты такой хороший, ну и что мне тебя жаль. Да, я это сказала. И моя мама стала совсем другой, чем всегда, стала такой ласковой и говорила так хорошо, как ты.

— Сюзи, как это прекрасно! Вот видишь, она тебя все же любит, вина была с твоей стороны.

Сюзи кивнула головой.

— Я тоже так думаю. Вечером, лежа в кровати, я попробовала молиться, как ты сказал. Ну, знаешь ли, это чрезвычайно трудно, и я при этом так сильно плакала, что у меня и сердце разболелось. Это ни к чему. Бог ничего не хочет знать обо мне, потому что я прошу милостыню, вру, к тому же еще и лентяйка.

— Но ты этого не будешь больше делать, Сюзи. Разве ты в последние дни так поступала?

Сюзи покраснела, потупилась и едва кивнула головой, сказав:

— Иногда еще делала.

Гейнер стал ее утешать:

— Знаешь, сразу, конечно, не получится, но постепенно можно отвыкнуть от этого. Не будь только такой глупой и никогда не думай, что Бог ничего не хочет знать о тебе. Он хочет знать все о всех людях.

Поэтому Он и послал в мир дорогого Спасителя, Который очень любит людей и хочет, чтобы все пришли на небо.

— Ты говоришь так, словно пастор, — сказала Сюзи, — откуда ты все это знаешь?

— От моей мамочки. Она мне всегда рассказывает о Господе Иисусе, и когда она в воскресенье приходит из церкви, то передает мне все, что говорил пастор. Знаешь, почему? Потому что я сам не могу идти в церковь.

Сюзи молчала. Гейнер казался ей светлым ангелом. Еще никогда она не встречала подобных детей. И при этом он из года в год лежал больной в кровати и был так страшно беден.

У кого хочешь, но только не у него, могло быть основание говорить о любви Божьей. И все же он был твердо убежден в Божьей любви к нему. Когда она смотрела на него, то чувствовала глубокое уважение к нему. Она сама себе не могла дать отчет в этом, и еще менее она могла объяснить, что ее так влекло к постели больного мальчика. Посмел бы кто-то раньше с ней так разговаривать! А теперь? В чем же причина? В своей беспомощности она не знала, что сказать, и поэтому открыла книгу, и Гейнер стал читать рассказ. Где он запинался, там она помогала. Какой бы ни была она лентяйкой в школе, все же знала немного больше, чем он, и непонятное радостное чувство, и вместе с тем гордое, охватило ее, когда она увидела преображенное лицо маленького друга и поняла, что принесла ему большую радость.

Сюзи приходила опять и опять. Ее тянуло, как магнитом, к Гейнеру. И странно: вместе с желанием принести из школы Гейнеру что-то, что его

осчастливит, росло ее собственное желание учиться. Она была внимательнее в школе: лучше, усерднее стала готовить уроки, так что обратила этим на себя внимание учителя. Он похвалил и поощрил. И в первый раз она заметила, что сама была виновата в том, что ее никто не мог терпеть. Она сама себя лишила радости, так как слова похвалы вызывали в ней теперь большую радость. Не прав ли был Гейнер? Разве не лучше в тысячу раз быть прилежной и аккуратной? Все люди стали к ней ласковее относиться и были снисходительнее к ней, если у нее еще не получалось все хорошо. В особенности удивлялся пастор на уроках Закона Божьего перемене, произошедшей с этой ученицей. И вот однажды после урока, когда его особенно радовали ее ответы, он обратился к ней:

— Скажи-ка, Сюзи, как это случилось, что ты стала совсем другой? Я употреблял все свои усилия на это, но мне не удалось сделать тебя внимательной и аккуратной. Расскажи мне это.

Сюзи собралась с силами и рассказала пастору о своем друге Гейнере, как с ним познакомилась, о его болезни и о его тоске по учебе. И как он своими словами пробудил в ней совесть, как сказал, что Спаситель ее любит. Все- все она рассказала пастору, так как чем сердце занято, то и изливается из него. Задумчиво слушал ее пастор. Его взгляд, устремленный на Сюзи, становился все теплее.

— Смотри, какая это чудесная история! — воскликнул он радостно, когда Сюзи кончила говорить. — Вот это, должен я сказать, мне очень нравится! Сам Господь Бог направил тебя к этому больному мальчику! Ты это, наверное, сама

почувствовала, Сюзи? А все хорошие слова, которые Гейнер тебе сказал и которые произвели на тебя такое глубокое впечатление, Сам Спаситель вложил ему в сердце. Но я хочу посетить твоего друга. Я должен с ним познакомиться.

Так и случилось. Уже на следующий день пастор был на пути к маленькому домику во дворе, который описала ему Сюзи. Со двора он попал в сени, а оттуда в бедную комнатку, где лежал больной Гейнер. За комнатой находилась еще крохотная каморка, где спала мать. Маленькая квартира была не заперта, ворам здесь нечего было делать. Пастор постучал в дверь и после тихих слов «войдите, пожалуйста», прозвучавших изнутри, вошел в комнату и подошел к постели маленького страдальца. Большие голубые глаза Гейнера стали еще больше от удивления, когда чужой господин подошел к его кровати, а рот так и остался открытым от неожиданности, когда тот протянул ему руку и назвал его по имени. Пастор опустился на стул возле кровати.

— Не бойся меня, дорогой Гейнер, — сказал он, — твоя подруга Сюзи рассказала мне о тебе. Ее рассказ тронул мое сердце, и я захотел познакомиться с тобой.

Гейнер покраснел от радости.

— О, Сюзи! — пробормотал он. — Да, она все же очень хорошая. А в начале я подумал, что она плохая. Она меня часто навещает, и все, что учит в школе, передает мне. Мы читаем, пишем и считаем вместе. А потом она мне рассказывает о городах, горах и реках. Я уже многому от нее научился. А по карте мы вдвоем совершаем большие путешествия. Как это прекрасно! Мы тогда представляем себе, как чудесно там, в чужих

странах, где есть высокие горы и широкие реки или даже большое-большое море.

Пастор растроганно смотрел на бледное лицо мальчика, на котором светилось теперь счастье.

— А читали ли вы вместе библейские истории? — спросил он.

— О да, — ответил Гейнер, — читали немного прекрасных библейских историй, но больше всего историю жизни Господа Иисуса. Сюзи ведь этого не знала еще. Она не знала, что Спаситель сказал: «Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Небесное» (Марк 10:14), и еще: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Матф. 11:28). Она раньше не была прилежной, но теперь охотно учится, потому что просила Бога помочь ей. Она же, бедная Сюзи, не знала того, что Он ее любит. Она думала, что Он ничего не хочет знать о ней. А теперь я так рад, что она это знает. Теперь она больше не лжет и никогда не просит милостыню.

— Откуда же ты сам все это знаешь? — спросил пастор, скрывая свое волнение.

— От моей мамочки, — ответил Гейнер, — она скоро придет с работы, тогда вы сможете с ней познакомиться.

Этого-то и хотел пастор, и он продолжал беседовать с мальчиком, пока не пришла мать. Она с удивлением разглядывала посетителя. Пастор сразу же представился и ласково спросил, не будет ли она против, если он, как только у него найдется время, будет приходить к Гейнеру и заниматься с ним.

— Мне бы это доставило безграничное удовольствие — подвинуть вперед вашего сына. Ведь учеба — это величайшее в мире счастье.

Гейнер это услышал, и его глаза засияли, подобно двум звездочкам. Он еле-еле мог пролепетать несколько слов благодарности. Мать же, конечно, дала согласие. От радости ее глаза наполнились слезами. Гейнер от счастья не мог заснуть в эту ночь. Как еще прекрасно обернется для него жизнь! Он никак не мог осознать, что с ним произойдет такое чудесное дело. Как добр был к нему Спаситель, и как он Ему благодарен! Пастор часто доставлял ему какую-нибудь радость. Он подарил ему книги, нужные для учения. Однажды, когда он особенно старался заниматься, пастор в награду принес ему чудесную книжку со сказками. Гейнер не знал, что и делать от радости. Он теперь уже мог бегло читать и никогда больше не чувствовал себя одиноким. Пришло лето, и Сюзи рассказывала о ярком солнышке и пестрых цветах.

— Разве ты не можешь выйти за дверь, Гейнер? Твоя мать могла бы тебя вынести и посадить на стул, — предложила она однажды.

Гейнер грустно покачал головой.

— Так не пойдет. Раньше она пробовала так делать, но стулья все очень неудобные, так что у меня все начало болеть.

Сюзи было очень тяжело, она так охотно желала бы, чтобы ее друг мог подышать свежим воздухом. Она думала и думала об этом и наконец высказала свои мысли пастору, которого часто видела у Гейнера и с которым была в дружбе.

— Ты права, Сюзи, что-то надо делать. Будем оба думать об этом, — сказал он.

— Я уже это обдумала, — сказала она застенчиво, — и мне кажется, что я придумала способ.

— Ну, тогда живо выкладывай! Чего же ты медлишь? — воскликнул пастор.

Почему же медлила Сюзи? Ей было стыдно и неприятно. Она должна была говорить о том времени, когда, как нищая, бегала из дома в дом и то тут, то там многое высматривала. Но пастор совсем не рассердился. Он внимательно выслушал и похвалил ее за идею. Он даже погладил ее по голове, которая теперь всегда была аккуратно причесана, так как Сюзи уже больше не слонялась без дела повсюду. И пастор с ласковой серьезностью сказал:

— Вот, дитя, если таким путем ты принесешь добрые плоды, то и за те плохие времена, которые остались позади, ты должна благодарить Бога.

И он пошел той дорогой, которую ему указала бывшая попрошайка. Пастор имел долгую беседу с одной дамой: беседа кончилась тем, что он благодарно пожал руку даме. Той же самой дорогой на другой день пошел он с Сюзи, сияющей от счастья. Сюзи очень гордилась тем, что она совместно с пастором участвовала в некой тайне. Дама приветливо их встретила и передала им коляску для больных. Эта коляска осталась у нее от матери, и Сюзи, прося милостыню в этом доме, успела ее заметить. Дама вложила туда большой пакет с продуктами для больного и его матери, так как рассказ пастора вызвал в ней сочувствие, и она обещала частенько заботиться об этой семье.

Сюзи гордо повезла коляску к своему другу и по дороге туда представляла себе его лицо при виде этого сюрприза. Но она не предчувствовала того, что было на самом деле. Она никогда не думала, что можно так радоваться. Пастор сильно испугался и всеми силами старался успокоить больного мальчика. Но чрезвычайно сильная радость не повредила Гейнеру. Он, правда, дрожал всем телом, и слезы так и текли по его бледному лицу, когда пастор одел его и посадил в коляску. Когда Сюзи, радостно смеясь, повезла его на воздух, то ему казалось, что он находится в раю. Довольно большой двор, на котором только в одном углу было несколько зеленых кустов, показался ему какой-то чудной стороной. Ведь он видел над собой голубое небо и золотое солнце и дышал теплым приятным летним воздухом. Что на все это скажет мама?

Мать всплеснула руками, увидев, какое счастье пришло к ее сыну. Она и смеялась, и плакала одновременно и несколько раз спросила:

— Гейнер, а ты поблагодарил как следует?

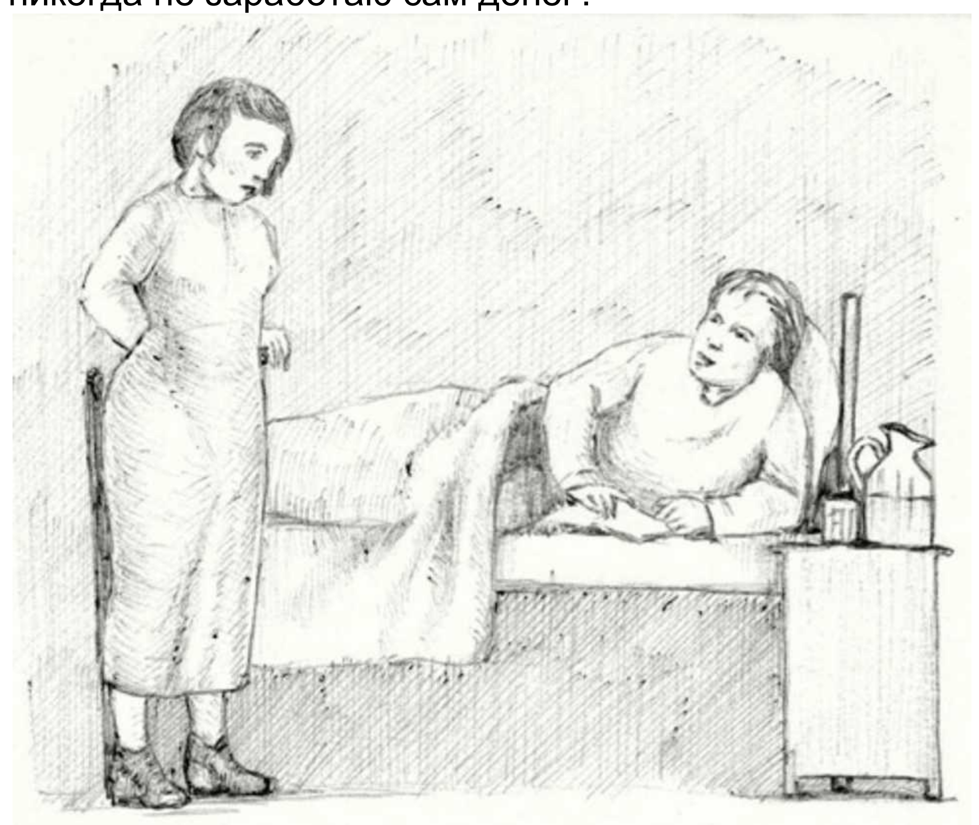
И при этом она горячо пожимала руки то пастора, то Сюзи. Пастор отклонил благодарность.

— Не нас благодарите, дорогая Вернер. Это чудесное, удивительное дело от Бога. Одно благодеяние несет за собой второе, и кто сеет любовь, тот и пожнет любовь.

Теперь для Гейнера началась чудесная жизнь. Сюзи приходила каждый день и вывозила его на воздух. Ее маленькие братья и сестры сопровождали ее, и Гейнер наслаждался их веселыми играми. Они оба прилежно учили уроки, и Гейнер думал, что нет более счастливого на земле, чем он. И все же в его

сердце гнездилась скорбь, и однажды он эту скорбь высказал своей подруге.

— Сюзи, мне так хорошо. А моя бедная мама должна себя так мучить работой. Я себе самому кажусь таким плохим, что не помогаю маме ни в чем. Как ты думаешь, разве я никогда не сумею работать, никогда не заработаю сам денег?

Сюзи этого не знала. Но она спросила об этом у пастора, а пастор вновь обратился к благородной подательнице коляски. Она уже несколько раз посетила Гейнера и его мать и принимала участие в их судьбе. Муж этой дамы был владельцем игрушечной фабрики, и когда наступила зима, и Гейнер больше не мог бывать на воздухе, она снабдила мальчика,

стремящегося помочь матери, легкой домашней работой. Теперь ничто не мешало счастью Гейнера. Он ревностно мастерил веселые игрушки: склеивал изящные вещи и разрисовывал их пестрыми красками простым способом, который он быстро освоил. Часто ему в этой работе помогала Сюзи. Однажды она задумчиво сказала:

— Я все же очень рада, Гейнер, что тогда зашла в ваш дом и узнала тебя. А то я и сейчас еще была бы только ленивой, лживой попрошайкой, которую никто не мог терпеть. Что меня сейчас любят родители, братья, сестры, учитель и пастор, это только благодаря тебе.

— А я бы никогда не смог учиться, как другие дети, не имел бы коляски и не получил бы работу, если бы тогда ты не пришла. Все это я получил благодаря тебе, Сюзи. Мы оба имеем веские причины, чтобы возблагодарить от всего сердца Бога. Бог ясно показал, что любящим Бога все содействует ко благу (Рим. 8:28).

Только один раз

Ручей и мельничный пруд были замерзшие. Хотя наступил уже конец зимы, но весеннее солнце еще не сумело растопить ледяной покров ручьев и рек.

Лесные ручейки, которые с веселым шумом сбегали со скал, еще были скованы льдом. Длинные сосульки свешивались с крыш хаток и с ветвей деревьев. Словом, был еще лед: лед в деревнях, лед в городах, лед всюду...

Стояло прекрасное свежее утро. Мужчины и мальчики занимались работой в течение всей недели, но сегодня было воскресенье: и стар и мал, частью

потому, что это вошло в привычку, частью же действительно с жаждой, спешили туда, где можно было слышать драгоценное слово о Христе. Но были и такие мальчики, которым казалось лучше пойти покататься на коньках в этот день. Такие мысли занимали ученика кузнеца Роберта Миллера, но все же он старался победить себя и пойти на библейские уроки. Он посещал эти уроки уже в течение двух лет, и его набожный учитель надеялся, что сердце Роберта почувствует силу Слова Божьего. Часто глаза мальчика наполнялись слезами, когда он слушал о любви Того, Кто отдал Свою жизнь на кресте за грешников. И Роберт на самом деле часто думал о спасении своей души.

В прошлое воскресенье Роберта пригласили некоторые мальчики этого городка принять участие в соревнованиях конькобежцев в это воскресенье. Но он решительно отклонил это под тем предлогом, что не хотел пропустить библейский урок. Это, конечно, вызвало со стороны подростков насмешки. Они стали его дразнить и презрительно кричать:

— Смотрите, он хочет сделаться святым и быть лучше нас! Как бы не так!

И вот, когда наступило воскресенье, и земля, покрытая снегом и льдом, горела перед ним разноцветными алмазами, в сердце Роберта вспыхнула жестокая борьба. Ему казалось, что кто-то сильно тянет его на волю. Что же ему делать? На миг перед его глазами предстал добрый учитель со словами предостережения. Мальчик вспомнил счастливые часы, проведенные им в слушании Слова Божьего. Но тут же все сменилось другой картиной: перед ним встали ряды веселых конькобежцев, и,

кажется, он слышит радостное ликование мальчишек, которые, соревнуясь, делали на льду различные трюки. В сердце Роберта происходила борьба. Что делать?

— Куда идти мне — на библейский урок или покататься на льду? — прошептал он.

Тихий голос внутри говорил ему: «Ищи исцеления своей души, ибо теперь, сегодня, еще благоприятное время для спасения. Бог хочет, чтобы ты пришел к Иисусу и через Него достиг неба».

В то же время испорченное сердце шептало: «Для этого у тебя еще много времени, лучше иди на каток, только один раз».

Роберт стоял в дверях мастерской своего хозяина. Воздух был свеж и чист. Ни одного облачка не было на небе, а свежий снег сверкал в лучах утреннего солнца кучей алмазов.

Как раз возле него на гвозде висели его коньки, на маленьком столике лежали Библия и сборник гимнов. Со своего места он на конце улицы видел здание воскресной школы и многих друзей, направляющихся туда, так как в школе должны были начаться занятия.

«Иди, Роберт, без промедления и слушай Слово Божье», — прозвучал внутри него голос. Но разве это действительно был голос Божий? Да, это был Святой Дух, Который ему говорил через совесть.

В эту минуту раздался громкий веселый крик с улицы, и он увидел большую толпу подростков, бежавших по направлению ближнего мельничного пруда, чтобы насладиться катанием на коньках. Некоторые знакомые мальчики побежали к Роберту и с громким смехом крикнули ему:

— О, ты нас уже покидаешь! Готовься скорее! Мы не можем терять времени, лед скоро растает, так как погода меняется.

И еще раз в душе бедного мальчика поднялась борьба, но он обернулся, схватил коньки и побежал с товарищами к пруду. Он старался успокоить свою совесть словами: «Это ведь только один раз. Лед на следующей неделе исчезнет, и тогда я опять по воскресеньям буду, как всегда, ходить на библейские занятия».

Когда они достигли пруда, угрызения совести совсем замолкли. Он больше не думал о библейских занятиях, наставлениях своего учителя и полученном там благословении. Его занимало начинающееся удовольствие, и вскоре он был самый веселый в этой компании.

Один час следовал за другим, веселая толпа скользила по льду, проявляя свое мастерство.

— Посмотрите на Роберта! — вскричали вдруг ребята, указывая на мальчика, который в этот миг приближался к самому краю льда.

И все, воодушевленные этим рискованным шагом, устремились за ним. Но чем ближе они к нему подбегали, тем тоньше был лед. Роберт находился еще далеко впереди, как услышал громкий предостерегающий крик со стороны своих последователей. Но отчаянный юноша не понял их предостережение и стал еще больше стремиться вперед, чтобы не быть настигнутым своими товарищами. Но - ах! - лед внезапно затрещал под ногами. С душераздирающим криком о помощи Роберт упал в холодную воду. Мысли о грехах, о смерти и о суде пронзили его бедную душу. А глыба, которая

отломилась от большого льда и которую он еще чувствовал под своими ногами, все глубже погружалась в воду...

Высоко подняв голову, он жадно вдыхал воздух и делал неимоверные усилия, чтобы держаться за изломанный лед и подняться наверх. Но все было напрасно... На один момент ему удалось зацепиться, и он тогда ясно увидел, как его товарищи, громко вопя, крича о помощи, убегали от него. И никто не отважился протянуть руку помощи бедному борющемуся со смертью Роберту. О, неужели ему так рано нужно погибнуть? И чувство отчаяния очень сильно овладело им. Когда глыба льда, за которую он держался окровавленными руками, под его тяжестью раскалывалась, он, напрягая последние силы, бросался на другую глыбу, которую мог поймать руками, но одна глыба за другой ускользали из его рук. Борьба была ужасна. Смерть открыла перед ним свою пасть. В это роковое мгновение до его слуха донесся громкий крик. Один молодой человек отважился подойти как можно ближе к тому месту, где утопающий боролся со смертью. Он крикнул Роберту, чтобы тот не терял мужества, а сам кинул большой шест в воду поблизости несчастного мальчика, а затем еще крикнул изо всех сил:

— Держись крепко за шест, Роберт, схвати его крепко обеими руками, я вытащу тебя на берег.

У Роберта нашлось еще немного силы, чтобы схватиться за шест, и доброму спасителю удалось медленно, но верно, притянуть его к берегу. Кому же Роберт был обязан своим спасением от смерти? Рука его верного учителя спасла его...

Библейские занятия уже были закончены. Учитель спросил других, почему нет Роберта, который никогда не отсутствовал. И когда ему сказали, что Роберт с некоторыми ребятами пошел к мельничному пруду, то он почувствовал себя обязанным найти его там. Он пришел как раз тогда, когда опасность достигла предела. По счастью, у дороги лежал большой шест, который кто-то потерял от телеги, и Бог благословил его старания и спас жизнь несчастного мальчика.

Конечно, Роберт подхватил сильную простуду и должен был до трех недель отлеживаться в постели. Учитель неустанно навещал его и, если время позволяло, сидел часами у постели больного. Это были благословенные часы для Роберта.

Чем больше возвращалось его полное сознание, тем больше он осознавал всю глупость своего

тогдашнего поведения, когда он, чтобы успокоить свою совесть, сказал: «Только один раз».

Учитель нашел теперь его сердце открытым для истины и, не теряя благоприятного времени, указал ему на греховное состояние, а также на милосердие Божие в Иисусе Христе.

Роберт воззвал к Господу, когда был на волосок от смерти, и Господь спас его от телесной смерти. Учитель очень серьезно говорил с ним о суде, о печальном конце всех тех, кто не избрал себе прибежищем Иисуса и не обрел в Нем свое спасение.

Он говорил, что Бог прощает грехи только ради Иисуса и что только через веру в пролитую кровь Сына Божьего можно найти прощение, жизнь, мир и праведность.

Сердце бедное твое
Осчастливлю Я навек.
Смою все твои грехи...
О, открой Мне, человек!

Расстроенный план

1

Закончилась Семилетняя война, и был заключен мир. Годы войны принесли с собой много горя и нужды. Целые области были опустошены и разорены. В первый раз после тревожных дней крестьянин мог опять спокойно заниматься своей работой, хотя и сейчас еще не было совсем мирно и безопасно. Целые банды, которые во время войны занимались грабежом, и поэтому отвыкли работать, кочевали с места на место, воруя и грабя, и в некоторых местах хозяйничали прямо-таки ужасно. Особенно они

буйствовали в горных районах графства Мари, и полиция была бессильна положить этому конец.

Из желтой хижины, расположенной на склоне горы, доносились звуки, по которым можно было судить, что ангел мира и согласия не был там. Время от времени доносился суровый мужской голос, прерываемый громким рыданием женщины. Скоро после этого из хижины вышло двое детей, мальчик и девочка, и, плача, пошли по тропинке, ведущей в горы. Тонкая, изношенная одежда детей говорила о бедности их родителей. Внутри хижины продолжал раздаваться грубый голос. Человек, которому он принадлежал, бледный от раздражения, большими шагами ходил взад и вперед, и его глаза сверкали бешеным огнем, когда он время от времени поглядывал на измученную женскую фигуру. На бледном лице женщины было видно глубокое горе.

— Я так хочу, и все! — резко кричал мужчина. — Поэтому не противоречь мне! Я один имею право приказывать! Вы и так долго бездельничали и ели хлеб, который я добывал с таким трудом. Разве девочка и мальчик слишком благородны для того, чтобы носить суму нищего? С твоей набожностью вообще ничего не приобретешь! И если они оба придут сегодня вечером с пустыми руками, то...

— Ради Бога, не проклинай! — умоляющим голосом прервала его жена. — Не проклинай, ибо ты знаешь это так же хорошо, как и я, что за всякое праздное слово ты однажды должен будешь дать отчет. О, Рейнгольд, я не хочу упрекать, но подумай о том, что нищенство так легко порождает вранье и обман и ведет к ужасным порокам. Бог же взыщет

однажды с нас души наших детей, и тогда горе нам! Страшно впасть в руки Бога живого!

Больше она не могла говорить и без сил опустилась на стул. Вначале насмешливая улыбка была на лице мужа, но последние слова коснулись его. Он остановился, устремив неподвижный взгляд на чахнувшую фигуру своей жены. Голос справедливого Бога мощным ударом постучал в его черствое сердце. Вдруг он вздрогнул, глубже натянул на глаза шляпу, взял под мышку топор и, не говоря ни слова, покину хижину, чтобы за ничтожную плату рубить деревья в лесу.

Когда-то эта семья знала лучшие дни. Рейнгольд имел красивую крестьянскую усадьбу, приблизительно в четверти часа ходьбы от их теперешнего жилья. В то время он был тихим, работящим человеком, который пользовался любовью и уважением всех соседей. Хотя военные налоги с каждым годом были тяжелее, он старался усиленной работой добывать нужное в жизни. Но, устав, он последовал примеру других, предался праздности, запустил свою усадьбу и дискутировал за стаканом водки о битвах и победах.

Елизавета, его верная, искренне верующая жена, с болью и печалью замечая изменившееся поведение своего мужа, просила и умоляла его взяться за работу. Иногда ее слова достигали цели, и муж давал обещание исправиться. Но легкомыслие пустило в нем уже слишком глубокие корни, и опять все шло по-старому. Если бы Рейнгольд в свете Божьего Слова узнал свое злое сердце и обратился бы к Тому, Чья сила совершается в немощи, то все бы пришло к хорошему концу. Но, однако, вскоре пришла гибель.

Легкомыслие росло с каждым днем. Посещение трактира обратилось у него в привычку, даже больше того — в страсть. Далеко за полночь сидел он за стаканом там, где сидят нечестивые, в то время как его бедная жена в страхе и нужде ожидала его дома с детьми. Она все больше убеждалась, что была бессильна обратить мужа. К счастью, она знала, что тому, кто любит Господа, все содействует ко благу. И хотя ее и без того слабый организм явно угасал, она не оставалась без утешения, потому что искала его там, где можно его найти.

С каждым годом Рейнгольд поступал все хуже и хуже. Хозяйство пришло в полный упадок. Вскоре стало не хватать самого необходимого. Скот, до последнего барашка, был продан за бесценок, чтобы удовлетворить кредиторов, число которых росло с каждым днем. Зерно и картофель еще до урожая были проданы во время попоек. Когда и дом продали за долги, Рейнгольд со своей семьей должен был поселиться в жалкой хижине в лесу. Теперь нужда еще острее постигла несчастную семью. Но она не исправила несчастного. Наоборот, он со дня на день опускался до отъявленного пьяницы. Скорби последних лет расшатали здоровье бедной женщины. Но горше всего ей было теперешнее повеление мужа насчет ее детей. Ее стремление всегда было привести детей к Иисусу, но, чтобы они, как того требовал муж, просили милостыню и этим были введены в различные искушения, совсем потрясло ее. Долго она сидела на стуле, глубоко задумавшись.

В бедном помещении царило молчание, лишь изредка прерываемое ее вздохами. Слезы уже не

приносили облегчения, и сердце напрасно искало утешения.

2

Рейнгольд после нескольких часов работы сел отдыхать на ствол поваленного дерева. Последние серьезные слова жены болезненно затронули его. Рука Божья с силой стучала в его ожесточенное грехами сердце. Если бы Рейнгольд в искренности сердца покаялся перед Богом, то Бог, богатый милостью, принял бы его, но до этого дело не дошло. Вместо того, чтобы обвинить себя, он роптал на свою суровую судьбу и слагал всю вину на обстоятельства, вызванные длительной войной. В то время как он таким путем старался привести в молчание пробудившуюся совесть, к нему приблизился человек, чья страшная внешность явно указывала, какого он был духа. Он был высокого роста, плечистый. Красноватые грязные волосы, падающие беспорядочными прядями ему на лоб и затылок, а также растрепанная борода, покрывающая подбородок и щеки, вполне гармонировали с коварным взглядом глаз из-под густых бровей. Ветхая выветренная шляпа, синяя полотняная рабочая блуза, короткие штаны и продырявленные ботинки — вот одежда этого человека. Пришедший везде и всюду пользовался самой дурной репутацией. Как говорили люди, он был главой одной банды, которая в окрестностях творила всякие бесчинства. Его знали под кличкой Голиаф, возможно, потому, что он сильным своим телосложением немного походил на великана филистимлян. О его происхождении никто ничего не знал. Он все время был на войне и по

окончании войны обосновался в горах, к немалому ужасу молодых и старых. Рейнгольд вначале и не заметил приближающегося жуткого человека. А тот проворно перешагнул через валяющийся хворост, потрепал погруженного в раздумье по плечу и сказал доверительным голосом старого знакомого:

— Эй, сосед! Как дела? Вы так внимательно смотрите на землю, как будто ищете там золото!

Как бы проснувшись от тяжелого сна, Рейнгольд повернул свое лицо к вопрошавшему, но при взгляде на всеми отверженного человека он невольно задрожал.

— А, это вы, мистер Голиаф, — сказал он приглушенным голосом.

— Кто же другой, кроме меня, бродит по этой глухой местности, чтобы научиться свистеть по-птичьему? — рассмеялся буйный малый. — Людям не особенно нравится мое присутствие, и поэтому я подражаю птицам и другим животным, которые как можно дальше уходят от линии обстрела. Но мне кажется, что я нагнал на вас страх, так как у вас сейчас такое лицо, как будто я самое большое чудовище, какое когда-либо было на свете. Но не беспокойтесь! Хотя у меня и есть кулаки, чтоб обороняться, и я мог бы принять борьбу с дюжиной таких, как вы, но я все же надеюсь, что мы с вами со временем будем хорошими друзьями, если вы примете мой добрый совет.

При этих словах настороженный взгляд Голиафа устремился испытывающе на дровосека, на лице которого отразилось неприятное чувство.

— Что вы имеете в виду? — спросил Рейнгольд.

— Что я имею в виду? — переспросил тот, смеясь. — Ну, сосед, я думаю, что мы оба одинаковым образом обмануты и опустошены людьми, так что не будет большой беды, если мы станем доверчивее друг к другу. Конечно, если вы предпочитаете в поте лица трудиться, голодать и бедствовать и позволяете другим раздевать вас догола, то я ничем не могу вам помочь, и тогда идите своей дорогой, так как каждый является кузнецом своего счастья.

С открытым ртом Рейнгольд внимал этим загадочным словам жуткого человека. Ему казалось, что он внутри себя слышит голос: «Не общайся с ним!». Но в то же время он чувствовал, что колючий взгляд и льстивый язык Голиафа словно парализовал его и приковал к дереву, на которое уселся и Голиаф. Голиаф истолковал молчание Рейнгольда в свою пользу, подвинулся ближе к нему и через минуту вновь заговорил:

— Да, сосед, если вы примете мою дружбу, то это будет вам полезно. Правда, многие люди неблагосклонно относятся ко мне, и я не могу и не хочу им это запрещать, но кто однажды станет моим другом, за того я жизнь положу. А теперь послушайте, что я вам скажу. Вы бедный малый, нужда светится из рукавов вашей рубашки, а ваши впалые щеки выдают, что харчи у вас скудные. И знаете ли вы, сосед, откуда происходит ваше несчастье? Я вам это скажу: вы слишком честный человек. Прав я или нет?

— Но к чему все это? — спросил Рейнгольд, едва переводя дух, с напряженным вниманием.

— Наш же человек упитанный и живет, как рантье, — продолжал Голиаф, не обращая внимания на поставленный вопрос. — И это, конечно, не от

голода. Вот, сосед, моя рука. Пожмите ее! Я уже давно предчувствовал, что мы оба из одного теста. Вы увидите, что Голиаф для своих друзей всегда имеет открытую руку. Вашу руку! Я вам говорю, что вашей беде будет конец.

В душе бедного дровосека шла борьба. Что ему делать? Принять ли протянутую руку или отвергнуть ее? Совесть подсказывала последнее, нужда и заботы склоняли к первому. Долго он пребывал в нерешительности. И вдруг ему показалось, что кто-то прошептал ему: «Страшно впасть в руки Бога живого». Как ужаленный змеем, он вдруг вскочил, оттолкнул протянутую руку и глухо пробормотал:

— Оставьте эти глупости. Я не хочу вашей руки.

Голиаф также поднялся. Его глаза сверкали. Но уже в следующую минуту он, подбоченившись, разразился громким смехом и крикнул:

— Ай, сосед! Как вы дерзко поступаете! Не думал я этого. Но, как хотите. Каждый — кузнец своего счастья. И я однажды думал так же и позволял людям эксплуатировать меня и пренебрегать мною, чтобы только прожить на свете честным человеком. Но эти дни безумия прошли. Если вы хотите, чтобы из вас высосали последнюю кровь, так это ваше дело. Я желаю вам добра, но вы свое счастье отталкивает от себя. Если вы хотите оставаться бедным, оборванным и умереть с голоду вместе с женой и детьми, то пожалуйста. При таком скудном заработке вы всегда будете бедным как церковная мышь, а жена и дети пропадут с голоду. Примите мое предложение, вступите в наш союз и объявите вместе с нами войну до победы богатым помещикам. Я говорю вам: если

вы один раз пойдете с нами, то потеряете страх и станете твердым как сталь.

— Но если план не удастся? — спросил Рейнгольд с красным от водки лицом.

— Не удастся? — засмеялся Голиаф. — Взгляните-ка на тех товарищей! Эти парни все испробовали и давно уже научились дурачить полицию. Не заботьтесь об этом. Обещайте только помогать, быть всегда под рукой, а остальное все сделается без вас. Подумайте хорошо: при теперешней вашей жизни вы до конца останетесь несчастным рабом, в то время как здесь вас ожидает блестящая участь.

Таким образом Голиаф долго уговаривал свою жертву, пока не были устранены последние опасения и возражения. Голос совести умолк, и дровосек спросил запинающимся голосом:

— Но в чем я могу быть вам полезен, когда я не знаю ваших дорог и лазеек?

— Очень многим, — был ответ, — но сначала дайте мне руку и скажите, хотите ли вы нам принадлежать телом и душой?

И еще раз Рейнгольд замедлил с ответом, но только на секунду. В следующее мгновение прозвучало глухое «да».

— Ну, тогда слушайте. Вы знаете, что новый крестьянин Рупрехт недавно переехал в ваш дом. Вероятно, он богатый человек, так как он намерен купить целое стадо овец. Деньги для этого он держит в своем столе. Нам стоило много труда разузнать, где они лежат. Но теперь мы точно знаем, где он их прячет, и они в эту ночь должны быть взяты у него. Для этого нам нужна ваша помощь, и, само собой

разумеется, большая часть прибыли перейдет мне и вам.

— Дальше, — напомнил Рейнгольд в лихорадочном напряжении.

— Это вся история, и вы должны помочь нам.

— Но как?

— Вы знаете, что дверь дома очень надежно и крепко запирается, так что взлом невозможен, — пояснил Голиаф. — Поэтому я вам предлагаю вот что. Вы долго жили в этом доме и знаете в нем каждый угол. Завтра вечером вы должны туда пробраться и там спрятаться.

Когда все утихнет, вы откроете дверь изнутри. Остальное предоставьте нам. Как сказано уже, половина добычи перепадет вам.

— Как, я первый должен броситься в опасность? — испуганно вскричал Рейнгольд.

Возможные последствия преступления, словно темные привидения, предстали перед его внутренним взором, еще раз предупреждающе послышался ему внутренний голос не совсем еще заглохшей совести. Его страх усилился бы, если бы он заметил, как ставень окна, у которого они сидели, снаружи тихо приотворился. Но предупреждающий голос опять быстро умолк. Голиаф уже слишком много имел власти над своим новым товарищем; он умел в ярких красках рисовать будущее, и Рейнгольд вскоре был согласен на любые жертвы. Обсудили до мельчайших подробностей план разбойничьего набега, назначили место сбора, и Рейнгольд заранее обещал найти себе убежище в доме Рупрехта. В это время на дворе незаметно прошмыгнула мужская фигура, которая до сих пор очень внимательно подслушивала через

полуоткрытое окно, и исчезла в темноте. Это был уже знакомый нам вахмистр. Он быстро зашагал в лес и вскоре достиг места, где слуга Рупрехта держал его лошадь. Вскоре и воры разошлись по домам.

3

Наступила следующая ночь. Она властно распростерла свое покрывало над пустынной гористой местностью. В хижине Рейнгольда царила мертвая тишина. Болезнь бедной женщины усилилась. Она лежала, очень бледная и истощенная, на своем жестком ложе. Тихо плача, стояли дети у постели больной матери. Сам Рейнгольд был похож на привидение. Морщинистый лоб указывал на беспокойство его души. Он сделал последний шаг к своей погибели, вступил на последнюю ступеньку лестницы, ведущей в ад. Стоны его больной жены и плач детей отдавались в его ушах, как похоронный звон. Тихо говоря сам с собой, он шагал по маленькой комнате. Иногда он останавливался и задумчиво смотрел вниз. Все ближе придвигался условный час. Но вот открылись глаза больной, и она ясно прошептала слова Псалма 72, который читала утром с детьми: «Так! На скользких путях поставил Ты их и низвергаешь их в пропасти. Как нечаянно пришли они в разорение, исчезли, погибли от ужасов!» Рейнгольд упал на стул, дрожа всем телом. Эти слова врезались ему в душу. Он почти не мог противостоять их глубокому влиянию. Еще раз Бог предостерегал его, еще раз проснулись лучшие чувства. Но князь мира сего не так-то легко отпускает свою добычу.

Перед его внутренним взором опять прошли все лицемерные обещание Голиафа, и пробуждающееся

решение порвать с ним все связи утекло так быстро, как быстро ручеек бежит по камням. Несчастный резко поднялся и выбежал из комнаты. Ночь была темная. Ветер утих и только иногда задувал порывами. Вздрагивая от малейшего шороха, Рейнгольд шел на просеку. Недалеко от него была усадьба, в которой он должен был совершить свое первое преступление, могущее привести его к дальнейшим преступлениям. Он замедлил шаг. Его сердце сильно билось. Милующая любовь Господа к грешнику и тут его не оставила: предупреждала, стучала, чтобы отвратить заблудшую душу от злой дороги. Пока Рейнгольд так шел, погруженный в раздумья, вдруг раздался испуганный крик:

— Отец, отец!

Он узнал голос своего сына Франца. На зов он поспешил обратно в хижину. Он остановился у маленького окна. Больная сидела на кровати, а Франц, который только что опять вошел в комнату, сказал, рыдая:

— Он снова ушел и оставил нас одних, а ты ведь такая больная.

— Тише, дитя, — сказала мать кротко. — Тебе нельзя сердиться на своего папу. Он и так очень несчастлив. Дети, никогда не забывайте, что он ваш отец, которого вы должны уважать и любить. Он вас раньше всегда ведь любил, и если Господу будет угодно, то все опять станет хорошо. Давайте вместе помолимся о нем.

Больная немного помолчала. Дети преклонили колени у ее постели, и она, сложив руки, начала молиться. Рейнгольд ясно слышал все слова:

— О Господь! Взгляни милостиво на нас, как Ты это всегда делал. Ты на наши плечи возложил тяжелый крест, но Ты и помогаешь его нести. Укрепи наше упование на Тебя. Даруй нам тихую покорность Твоей воле. Но прежде всего умилосердись над нашим бедным отцом! Не вмени ему его грехи, прости их и обрати его с пути погибели. О, смилуйся над всеми нами. Аминь.

Больная в изнеможении опустилась опять на подушки. С напряженным вниманием вслушивался Рейнгольд. Ни одно слово не ускользнуло от его слуха, и когда больная замолчала, а дети, рыдая, поднялись с колен, он не мог больше удержаться. Он вбежал в комнату, подошел к кровати больной. В этот момент открылась дверь, и вошел Рупрехт. Он с сердечным участием осведомился о состоянии больной. Дети приветливо протянули ему руки. Рейнгольд же в присутствии этого человека почувствовал себя в высшей степени неприятно. Приветливое, простодушное обращение, искреннее сочувствие Рупрехта еще ярче осветили преступление, которое он хотел совершить. Ему казалось, что Бог, Праведный Судья, поставил его перед Своим троном, чтобы произнести над ним приговор проклятия. Внутри опять закричал голос: «Ты жену и детей вверг в нужду, а самого себя в вечную погибель».

Чувствования жены были совсем другого рода. Она внимала словам соседа, который испытал на себе спасающую милость Божию, и все заботы и печали исчезли из ее сердца. Она прославляла и благодарила Бога за Его милость. Рейнгольд, который во время их разговора чувствовал себя скверно, в

мрачном молчании смотрел на пол. Но вот Рупрехт подошел к нему и сказал:

— Дорогой сосед! Я только несколько дней тому назад узнал про вашу нужду. Иначе я бы раньше познакомился с вами. Я вчера вечером уже был здесь и увидел, что ваша жена больна и не может оставаться в этом помещении. Поэтому я приготовил смежную квартиру в усадьбе, так что вы, если пожелаете, завтра уже можете туда переходить.

Рейнгольд, широко открыв глаза, смотрел на него и не верил своим ушам.

— И еще одно предложение есть у меня, — продолжал Рупрехт,— так как я раньше очень мало занимался сельским хозяйством, то я просил бы вас работать на моей усадьбе. Жалованьем вы будете довольны.

Чувство стыда и раскаяния чуть не задушило дровосека. И этого человека он так бессовестно хотел обворовать! Слеза затуманила его взор, но он не произнес ни слова. Молча он в знак согласия подал руку Рупрехту, на что тот продолжал:

— И, наконец, я еще об одном хочу вас попросить. Я намерен завтра предпринять маленькое путешествие, чтобы купить овец.

В этом деле я новичок и боюсь переплатить. Что если бы вы меня сопровождали? Если вы согласны, то будет лучше всего, если вы проведете эту ночь в моем доме. Моя жена со служанкой придут сюда и будут вместо вас ухаживать за вашей женой.

Удивление бедного дровосека росло с каждой минутой. Что ему было сказать на все это? С глубоким волнением он, наконец, приблизился к кровати

больной, нагнулся над женой и прошептал прерывистым голосом:

— Молись, молись за меня!

4

Если бы несколько часов спустя кто-то проходил через лес недалеко от усадьбы, то повстречался бы с многими дико выглядевшими людьми, которые бесшумно прокрались к усадьбе, чтобы здесь выждать, пока не погаснет последний луч света внутри дома. Это был Голиаф со своей бандой. Убедившись, что Рейнгольда не было дома, они поняли, что он уже там и надежно спрятался.

И, действительно, Рейнгольд был в доме Рупрехта, и его отвели в спальню. Странно было у него на душе. Разве Бог не отринул его и не взыщет с него за неверность? С глубокой скорбью узнал он теперь, как до сих пор преступал волю такого милосердного Господа. Что ему надо измениться, стало ясно, как Божий день. Но откуда взять силы для этого? Как ему, во-первых, освободиться от пристрастия к водке? Своими силами, — а он знал это по своему опыту, — ему не противостать этому врагу. Протяжный свист со стороны горного хребта направил его мысли в другое русло. Это ведь был условный знак того, что настал час действовать. С ужасом он подумал о своем обещании главарю разбойников. Что ему делать? Разбудить ли хозяина дома и указать на опасность? Но стыд откровенного признания удержал его от этого шага. Еще раз раздался свист, затем все стихло. Вдруг внизу послышался шорох, он услышал то тут, то там шепчущие голоса, затем скрип дверей и, наконец, громкую суматоху, сопровождающуюся

редкими выстрелами. Дрожа от волнения, несчастный Рейнгольд слушал все это. Наконец он не выдержал, вскочил с постели, кое-как оделся и выбежал из комнаты, громко крича:

— Воры! Разбойники! Будь милостив ко мне, Боже, я во всем виноват!

Он подбежал к лестнице, ведущей на первый этаж, споткнулся о перила и упал навзничь в сени и потерял сознание.

Внизу же все произошло довольно быстро. Вооруженные мужчины заняли все двери. В комнате был виден Голиаф с десятью своими товарищами. Все они были закованы в кандалы. На их лицах выражалось бешенство и отчаяние. Их перехитрили. Жандармский вахмистр, который, как мы уже знаем, вечером прошлого дня был незаметным свидетелем совещания банды, сразу принял соответствующие меры. На знак, поданный ворами, дверь изнутри открыли, и банда таким образом попала в западню. Утром их отвели под стражу, и вся окрестность облегченно вздохнула.

На следующий день больную жену Рейнгольда переправили в новую квартиру. Ее муж, вследствие падения, лежал тоже несколько дней. Это были для него дни серьезного раздумья, которые не прошли бесследно. Никогда раньше он не думал о своем состоянии так, как в эти дни. С каким долготерпением относился к нему милосердный Бог! Как он мог противиться такой милости? С сокрушенным сердцем он упал перед Господом на колени, и Бог, Который никого от Себя не отталкивает, умилосердился и над этим большим грешников и даровал ему мир в сердце. С переменой условий жизни состояние здоровья жены

улучшилось. Два года спустя Рупрехт переселился опять на свою родину и сдал в аренду усадьбу Рейнгольду за небольшую плату.

Дорогой читатель, что ты можешь взять для себя из этого рассказа? Во-первых, познай, как трудно и тяжело найти Господа, если ты знал Его путь и оставил его. Во-вторых, познай, что конец нечестивого — это ужасный конец. Первое тебе говорит Рейнгольд, второе — Голиаф. В каждом сердце гнездится змей злобы, и только любовь и милость Божии могут спасти человека от вечной погибели.

Как «слепой» пассажир прозрел

— О, все обернулось совершенно иначе, чем я это себе представлял! — прошептал с глубоким вздохом молодой, сильный парень с умным взглядом. На вид ему можно было дать восемнадцать лет, на самом же деле ему было шестнадцать. Бродя бесцельно на ветру по мокрым от дождя улицам Гамбурга, он чувствовал себя настолько удрученным и несчастным, что у него невольно вырвалось это признание. Да, дело обернулось совсем не так, как он думал. Какие блестящие картины рисовало ему воображение: картины счастья, вольной жизни там, в большом мире, со всеми возможностями для молодого умного человека выдвинуться в жизни. Сколько он положил для этого усилий, даже свою честь, ответственность и совесть, чтобы ринуться в эту жизнь! И вот теперь он во всем испытал разочарование.

Когда Эдуарду Герберу, так звали юношу, удалось восемь дней тому назад убежать от гнета попечительского воспитания, то он громко ликовал и

думал, что для него открыт весь мир, ему надо только выбрать, каким путем он сделается счастливым человеком. Перед побегом он еще взял из кассы попечительницы две банкноты по двадцать марок каждая, которые она получила на неделю на расходы. На эти деньги он в следующем городе купил билет в Гамбург и поспешил отплыть туда.

В Гамбурге не так-то легко было его найти. Вот если бы у него не было денег, то он должен был остаться в родном Вестфиле и окольными путями пробираться сюда пешком. Он надеялся сразу же найти в Гамбурге место юнги и таким образом отправиться в Америку. Америка привлекала его чрезвычайно сильно. Он слишком много читал о ней заманчивого в приключенческой литературе, и это чтение привело его к совершению многих глупых проделок, из-за которых он был отдан под попечительское воспитание. С тридцатью марками, оставшимися после покупки билета, он думал поступить так: купить себе белье, одежду и обувь, чтобы приехать в другое отечество вполне приличным человеком. Он убежал в своем обыкновенном рабочем костюме. Но в Гамбурге сразу же у него из кармана жилета каким-то непонятным образом украли двадцать марок. «Как пришли, так и ушли», — сказала ему совесть. Мечты о новой одежде не сбылись. У него осталось столько, чтобы в ближайшее время не умереть с голода. Надежда на работу на океанском пароходе тоже обманула. Юнги были нужны, но только с рекомендацией.

И вот таким образом случилось то, что он в полном отчаянии бродил по богатым улицам Гамбурга, и из его отягченного сердца послышался

горький возглас: «О, все вышло совершенно иначе, чем я себе представлял!» Его маленькая сумма денег за эти восемь дней уменьшилась до одной марки. Если он теперь вполне насытится (а он испытывал сильный голод), то у него едва останется на ночлег в самом бедном постоялом дворе, а на завтра он — нищий. Но ему было очень страшно просить милостыню. Он вошел в недорогую столовую и заказал себе кусок хлеба и немного колбасы. В этот день он первый раз взялся за еду. Чтобы продлить пребывание в этом довольно уютном помещении, он взял газету и начал читать. Это была уже старая торговая и пароходная газета. Что в ней было написано, для него не имело никакого значения. Он только поглядывал в нее, чтобы еще остаться в помещении. И вдруг его взгляд упал на короткое сообщение, заставившее его задуматься. Сообщалось, что молодой человек, который на пароходе уехал в Австралию в качестве «слепого» пассажира (иначе говоря, «зайца») при переезде в Гамбург был обнаружен и передан властям.

— Что такое «слепой пассажир», хозяин? — спросил он, так как еще ни разу не слышал такого выражения и не понял его.

Хозяин, добродушный человек, любящий поболтать, сейчас же согласился дать объяснение, благо посетителей в тот момент не было.

— О, вы этого не знаете? Тогда вы, наверное, родились не в Гамбурге, — сказал он. — «Слепой пассажир» охотно путешествует, но ничего не платит. Конечно, кто на это идет, тот всегда беден, ведь не очень приятно многие дней лежать в трюме парохода, прячась под разным грузом, не видя неба, не имея

пищи и воды и даже воздуха в достаточном количестве.

— Вот написано, что одного такого нашли, он таким образом проехал из Австралии в Гамбург, — сказал Эдуард, — его наказали восемью днями тюрьмы. Это всегда так бывает?

— О, это случается не слишком часто, — ответил хозяин, — обычно капитаны не делают так. Они не церемонятся с таковым и сами придумывают наказание для несчастного плута. Но, конечно, если нежданного гостя заметят еще в открытом море, то они его высаживают на ближайшей остановке. И тогда он уже сам должен знать, что ему дальше делать.

Смеясь, он удалился за свою стойку, а Эдуард с новым интересом еще раз прочел это сообщение. Если дело обстояло так, то для него еще не все потеряно, тогда не надо было с ужасом думать о том, что ему придется просить милостыню. Почему бы ему не попробовать стать «слепым пассажиром», если это возможно? Может быть, счастье улыбнется ему, что ему до того, приятна или неприятна эта игра в прятки, если он этим путем достигнет желанной Америки?!

— И, — проговорил он, дрожа, когда выходил из столовой, — в трюме корабля, по крайней мере, сухо и тепло.

Он не имел больше покоя, сейчас же направил свои стопы к пристани, чтобы осмотреть готовые к отплытию пароходы. Из газеты он выписал себе некоторые названия пароходов, отправляющихся в Америку. Два из этих пароходов стояли у пристани. Он вскоре обнаружил их, медленно проходя по пристани. На обоих пароходах люди сновали туда-сюда, так как грузили вещи, предназначенные для перевозки на

новую землю. Уже появились отдельные пассажиры. Для Эдуарда это было самое неподходящее время, не мог же он ясным и светлым днем, на глазах у всей этой занятой делом толпы людей, проникнуть в трюм парохода, ничего не говоря в свое оправдание. Но он хорошо осмотрел входы на обоих пароходах, которые служили связью с сушей.

Убедившись, что в достаточной мере ознакомился с внешним видом пароходов, внимательный наблюдатель удалился. Теперь ему надо было на последние деньги закупить как можно больше продуктов, так как, по словам хозяина, «слепой пассажир» во время переезда не получает ни еды, ни питья. И он опять пошел в центр города и в одном подвале, где продавались старые сапоги, шляпы, бутылки, купил большую бутылку минеральной воды. А в подвале, где продавали продукты, купил хлеба и кусок дешевой колбасы, и наконец на свои последние десять пфеннигов купил рому, который за спиной трактирщика вылил в большую, хорошо промытую бутылку, после чего на улице наполнил ее водой из колодца. Он думал, что ром предохранит воду от дурного гнилого вкуса во время длинного переезда.

Стало уже смеркаться, и он опять пошел на пристань. Дождь все еще лил безостановочно, и на Эдуарде не было сухой нитки, когда он добрался до пристани. Он сильно замерз и был бы, конечно, счастлив, если бы сейчас же смог найти сухое, теплое местечко в этой колоссальной махине. Но если он ждал, что в этот час (а только что пробило восемь часов) работа в порту окончена, то жестоко ошибся. Деятельное оживление, царившие днем на обоих пароходах, было в полном разгаре. Электрический

свет освещал внутренность больших пароходов. Он бросал через люки яркий свет, который ложился длинными мерцающими полосами на подвижную воду. Кроме того, пристань была ярко освещена, почти как днем. Для его проникновения на судно было всюду слишком светло и оживленно. Но он сказал себе, что, наоборот, это движение как раз и благоприятствует его намерению, так как в этой толпе, идущей туда и обратно, он никому не бросится в глаза. Надо только смело, не оглядываясь по сторонам, вместе с нагруженными багажом людьми зайти на мостик и перейти на пароход, а там найти подходящий случай, чтобы пробраться в горячо желанную внутренность парохода. И точно, он собрал все свое мужество, сделал беспечный вид, который, конечно, плохо гармонировал с его стучащим сердцем, и примкнул к двум тяжело нагруженным носильщикам, которые только вступили на мокрый, скользкий мостик. Он благополучно достиг конца мостика, но тут его хитрый расчет потерпел крах. Наверху у входа на палубу стоял надзиратель, который беспрепятственно пропустил носильщиков, а ему, несмотря на его смелый вид, закрыл дорогу.

— Куда это вы идете? Что вы здесь ищете?

К такому обращению непрошенный гость не был готов, и ему не удалось ответить удовлетворительно. Он пробормотал что-то невразумительное. Нечистая совесть так ясно сказалась в его облике, что опытный глаз служащего это сразу заметил. Надзиратель сердито разразился бранью:

— Скоро ли ты отсюда уберешься, олух?! Ты, наверное, в мутной воде хочешь рыбу ловить? Не так ли?

И за этим последовал такой род ругательных слов, что Эдуард с молниеносной быстротой удрал и был рад, что не знал гамбургского наречия, так что большинство ругательных слов было для него пустым звуком. Он поспешно покинул пристань и укрылся в одной из слабо освещенных улиц. Его сердце так стучало, что он должен был немного постоять, чтобы успокоиться.

«Надо попробовать другим путем», — сказал себе Эдуард и опять направился к пристани. Держась как можно больше в тени, он с противоположной стороны приблизился к другому пароходу, который наметил для своей цели. Громадный грузоподъемный кран быстро поднимал объемистые мешки, тяжелые ящики, всех видов товары и опускал их в трюм. Некоторое время юноша внимательно обозревал доселе невиданное зрелище. И вдруг его глаза с новой надеждой устремились на одно место. Он заметил еще один вход на пароход, не тот, что вел на палубу, но узкое низкое отверстие в частично закрытой боковой стенке парохода, у нижнего люка. Очевидно, недавно через эту дверь отгружали груз в трюм, так как мостик с берега не был еще убран. Сейчас там никого не было и в слабо освещенной внутренности парохода не слышалось никакого шороха и не было видно ни одной тени. Вот случай, которого он искал. Он бросил кругом быстрый внимательный взгляд, нет ли кого, кто заметил бы его, побежал, как гонимый стаей собак, по мостику и скрылся за открытой дверью. Дверь же не была такой уж узкой и низенькой, какой казалась. Это была дверь, ведущая в помещение для скота. Немногим раньше сюда

провели коров, и он слышал их мычание недалеко от себя.

Очутившись на пароходе, он заполз в ближайший темный угол и некоторое время сидел там недвижимо, чтобы никто его не увидел. Когда он уверился, что все кругом спокойно, исключая прекрасных молочных коров, тогда на четвереньках выполз из своего убежища и повернул за угол, где узкая лестница ввела его еще глубже во внутренность парохода. Таким образом он добрался до другого помещения, наполненного тюками, мешками, ящиками и т. д. В этом помещении он обнаружил пустое место между громадной бочкой и тюками материи, которое было достаточно велико, чтобы стоя или сидя на корточках не быть обнаруженным командой. Лишь только он нашел это надежное убежище, как с другой стороны открылась одна дверь, и вошел сторож с фонарем в руке, очевидно, с целью инспектирования. Эдуард даже задержал дыхание, чтобы не обнаружить своего присутствия. Сторож же, ничего не обнаружив, прошел дальше, хотя он высоко поднимал фонарь и зорко оглядывался кругом. Когда за служащим закрылась дверь, то невольно из уст спасенного раздалось негромкое «Слава Богу!».

Оставшись один, он почувствовал непреодолимую усталость. Так что, несмотря на шум и оживленное движение над собой и около (он сидел на корточках возле погрузочной платформы, по которой с шумом спускались вещи), он уснул. Долго ли он спал, он не знал. Его пробудил резкий, хриплый визг пароходного свистка, и, проснувшись, он сначала никак не мог понять, где находится. Вокруг него и над ним раздавались звуки непонятного иностранного

разговора, и только различные приказания, исходящие из сильных мужских глоток, можно было различить. И вот теперь ко всему этому из самого нутра парохода послышался глубокий стонущий звук, который, казалось, пронзил весь пароход с одного конца до другого, и Эдуарду, который никогда не был на пароходе, стало страшно. Слышимое и ощущаемое сотрясение, которое повторялось регулярно через небольшие промежутки, перешло в равномерные, тактообразные толчки. Большой пароход начал свое плавание в дальнюю часть света, и наш молодой транзитный пассажир вместе с ним удалялся от своего отечества. Уверенность в том, что наконец его самое горячее желание исполнилось, наполнила всю его душу полным удовлетворением. Но он сам себе сознался, что еще не все выиграно.

Пока пароход курсировал в водах Англии, Эдуарду грозила опасность быть отправленным на берег, если его найдут. Оттуда его быстро переправят опять в Германию, и полиция вскоре раскроет его тайну и отошлет обратно в обворованный и хитро покинутый сиротский дом. Эта перспектива была так ужасна, что прогнала сон на всю ночь. Наконец он заметил, что, вероятно, был уже день, ибо через воронкообразное отверстие сверху проникла полоска дневного света. Это отверстие, которое он мог ясно видеть из своей добровольной тюрьмы, было вентиляцией. Он встал, потянулся и расправил свои онемевшие члены. Он стал прыгать через тюки, ящики, мешки, чтобы согреться. Он надеялся, что в трюме будет очень тепло, но просчитался. Здесь было сухо, но холодно. Он почувствовал себя очень голодным и поел и попил из своих запасов, но очень

умеренно, так как хотел этим пропитаться до конца пути. А потом ему ничего не оставалось делать, как только сидеть и ждать. Это было для него, привыкшего к регулярной деятельности, да и к тому же еще на воздухе, очень нудным и скучным делом.

Так прошло два дня и две ночи. И ему вдруг стало ясно, что теперь они миновали Англию, и не предоставляется больше возможности высадить его, даже если его и обнаружат. Это стало ясно ему к ночи и принесло ему такое облегчение, что он крепче и быстрее уснул, чем в предыдущее время. Но этот освежающий сон был нарушен преждевременным пробуждением, сменившимся таким ужасом, что он тоже должен был сказать: «Никогда в жизни я не забуду это пробуждение и что затем произошло!»

Первое, что он ощутил после внезапного пробуждения, — это, с одной стороны, непроницаемый мрак вокруг него, а с другой стороны — совсем новый шум и кряхтение в вентиляторе и до ужаса усиливающийся вой шторма, сопровождающий эту жуткую музыку. Багаж вокруг него кряхтел и стонал в такт каждому движению парохода, который в возмущенных волнах то нырял, то взлетал кверху. Может быть, еще эти явления были бы для неопытного Эдуарда и довольно привлекательными, но ему вдруг стало очень плохо: закружилась голова и в ушах так зашумело, как будто он сейчас упадет. Он почувствовал себя таким беспомощным, как никогда, и, наконец, появилась мучительная рвота. Тогда он сам понял, что болен морской болезнью. И вот он должен был терпеть весь ужас этой отвратительной болезни, и он думал,

выдержит ли ее, а может, умрет. Это ужасное состояние длилось всю ночь.

Когда он увидел через вентиляцию, что начинает светать, то чувствовал себя уже настолько больным и обессилевшим, что принял решение позвать на помощь людей, несмотря на то, что тогда он откроет свое доселе неизвестное укромное убежище. Он схватил свою фляжку (она была пуста, ведь он всю воду выпил в эту мучительную ночь) и начал ею сильно стучать в потолок над своей головой. Затем он, совершенно изнемогший, упал опять в свой угол и прислушался. Ничего не было слышно. Никто не приходил на помощь. Ему становилось все хуже на душе. Почти отчаявшись, он вторично постучал еще сильней, и снова безрезультатно. Тогда он почувствовал себя настолько покинутым Богом и людьми, что залился горькими слезами. Это было то состояние, в котором его хотел видеть Бог. Он, по Своей великой милости, начал работать над его душой. Совесть говорила: «Разве ты можешь удивляться тому, что Бог тебя забыл, когда ты сам забыл Его? Разве ты не убежал от Него, когда обманул доверие своих добрых приемных родителей и не вернулся к ним? Разве ты не огорчил Его, когда напоследок обворовал их так гнусно? В первую очередь своими бесчисленными неверностями, словами, мимикой лица ты огорчал Его, а затем уже их. Его ты огорчал, подавая мальчикам плохой пример! А потом, неужели ты забыл твои разбойничьи набеги до того, как попал на социальное обеспечение? Не этим ли ты прежде времени свел в могилу отца и посеребрил ранее срока голову матери?» Так его пробужденная совесть продолжала ставить на вид то

одно, то другое. И Эдуард плакал теперь не только из-за физического недомогания, но больше от невыразимой душевной муки. Кроме того, он вдруг ясно осознал, что на его стук не отозвался ни один человек. У него возникло страшное предчувствие, что Бог таким образом хочет наказать его за многие и тяжкие преступления, что он должен здесь остаться никем не замеченным и пропасть от голода и жажды. Его хлеб почти закончился, бутылка с водой опустела. Бог от него отвернулся и предал его смерти. Больше терпеть он не смог.

В смертельном страхе он бросился на колени и, заламывая руки и проливая горючие слезы, громко умолял Отца Небесного о прощении всех своих грехов, о новом чистом сердце, о вере в Спасителя Иисуса Христа и о спасении из этой смертельной опасности. И, когда он изливал так свое сердце перед Тем, Кто мог ему помочь и духовно и телесно, в его душу излился святой мир, и им овладело чувство искренней покорности. И с его дрожащих губ сорвалась первая благодарственная молитва. Вдруг он замолчал и напряженно стал вслушиваться. Действительно, он не ошибся. Где-то над ним слышался разговор. Он вскочил с колен. Забыты были телесный недуг и сильная душевная боль. Волна горячей благодарности охватила его всего, и он, ликуя, проговорил:

— О Господь, мой Спаситель, Ты слышишь молитвы, как Ты благ и милостив!

С новой силой он взял свою фляжку и так застучал ею в боковую стенку вентилятора, что она разбилась вдребезги. Но цель была достигнута.

Грубый голос спросил, хотя и издалека, но все же внятно:

— Есть там внизу кто-нибудь?

— Да, да, есть! — ответил Эдуард как можно громче, причем его сердце хотело выпрыгнуть из груди от счастья. Сложив руки на груди и счастливо улыбаясь, он ждал, что будет дальше.

— Что вы там потеряли, внизу? — раздался голос сверху.

— Я «слепой пассажир», — ответил юноша пристыженно и робко, несмотря на наполнявшую его внутреннюю радость.

Что теперь с ним сделают? Все же он быстро оправился. Теперь, когда он в мире Богом и когда избавился от ужаса голодной смерти в одиночестве, пусть с ним будет то, что предназначил для него милостивый Бог, он охотно покорится всему, что Бог найдет нужным. Он заслужил самое худшее.

Он услышал, что то тут, то там отодвигаются засовы, вытаскиваются колышки, убираются передвижные стены и, наконец, на пороге ближайшей двери появился матрос и сурово спросил:

— Здесь, что ли?

— Да, здесь, — быстро ответил Эдуард и смело выступил вперед. Матрос круто повернулся, и Эдуард последовал за ним. Они шли по проходам и приставным лестницам, наконец поднялись по лестнице вверх и затем через одну дверь взошли на палубу. Эдуард, привыкший к полутьме, должен был закрыть глаза, ослепленный светом дня. Его провели прямо к капитану.

— «Слепой пассажир», трюм № 2, — доложил коротко, по-флотски матрос и удалился. Там

находились и другие матросы, что не очень было желательно преступнику. Пассажиров не было видно, после штормовой ночи они, вероятно, еще отдыхали.

— Кто вы и откуда? — резко спросил капитан.

Сострадательный же взгляд, которым он измерил сверху вниз жалкую фигуру пойманного, говорил о том, что его сердце добрее, чем голос и манера держаться. И поэтому правдивое сообщение Эдуарда о своих обстоятельствах, о своей родине, о причине, заставившей его тайно проскользнуть на пароход, по мере рассказа все больше располагало доверять ему. А так как его рассказ, как и манера говорить и держать себя, носил отпечаток искренности, то сердитое выражение лица капитана все более и более смягчалось. Когда же он услышал о морской болезни, перенесенной бедным малым, то легкая улыбка промелькнула на его лице. И он принял решение:

— Старший боцман, взять его на довольствие. Пусть носит уголь. Вначале убрать трюм № 2, а затем дать ему поесть и напиться, прежде чем он начнет работать.

Облегченно вздохнув, Эдуард Гербер позволил себя увести. Теперь вздох, вырвавшийся у него вначале повествования, можно было переиначить: «О, как прекрасно все случилось по милости Божьей, лучше, чем я предполагал!»

До самого конца путешествия ежедневно Эдуард должен был со многими другими рабочими сгребать в тачку закопченное топливо и затем отвозить его к топке. И это длилось день и ночь без перерыва, так как громадные паровые машины на таком пароходе пожирают огромное количество топлива. Поэтому сутки были разделены на четыре смены по шесть

часов каждая, и в каждой смене было по три человека, обязанных доставлять топливо. Каждая груженная тачка мгновенно исчезала в громадном отверстии печи, так что шесть часов были полностью загружены работой. К тому же работа эта происходила в душной атмосфере, наполненной угольной пылью.

Закончив свою шестичасовую работу, люди должны были удалить сажу из котла и шлак, выбрасывая их в море. Это опять производило много пыли, которую они глотали и которая образовывала на их потных телах толстую кору грязи. Только очень стойкие организмы могли выдержать эту вредную работу. Один из рабочих упал от такой работы. Его непрестанный кашель побудил пароходного врача настоять на его немедленном удалении из топливного помещения. И вот Эдуард был взят на его место. Его утешало, что плавание не слишком долго будет тянуться и что не надо будет слишком долго так работать. Он был молодой, коренастый парень, его не слишком обременяла пыль. Его обременяла нехватка одежды. Из одежды он имел только то, что было на нем одето. Но эта одежда стала жесткой от грязи, едва он проработал полчаса, а сменить ее он даже на ночь не мог. Как лишний человек, он не имел своего места для сна, голый пол палубы служил ему постелью. Укрывался он разными тряпками, которые ему из милости давали другие рабочие или иногда и матросы. И, хотя он был безбилетным пассажиром, но люди относились к нему хорошо, потому что в его лице был виден мир Божий и твердое решение вести чистую жизнь. Но однажды, за день до их прибытия на место, его лицо выразило беспредельный ужас. Он спросил одного грузчика угля:

— Вы, наверное, уже были в Нью-Йорке? Дайте мне совет, куда мне направиться, чтобы сразу же получить работу.

— Работу в Нью-Йорке? — ответил тот, улыбаясь с сожалением. — На это не надейтесь, вы и ногой не ступите в Нью-Йорк. «Слепым пассажирам» не разрешено высаживаться, их возвращают в Германию или туда, откуда они родом.

Это был жестокий удар! Жестокое разочарование для Эдуарда. Но вскоре он утешился тем, что ему удастся так же незаметно покинуть пароход, как он взошел на него. Но опытный товарищ был прав. Едва только прибыли они в гавань Нью-Йорка, как один матрос отвел его в одну из кают, запер изнутри и сам стал часовым. Ответственность за то, чтобы незаконный пассажир не ускользнул, нес капитан. Немного позже пришел чиновник, вошел к нему в каюту и приказал предъявить удостоверение личности. Когда Эдуард на это дал отказ, чиновник покинул пароход, приказав строго охранять этого человека во время стоянки парохода и по отплытии взять его с собой на родину. И вот сильно разочарованный юноша видел себя так близко от страны своих мечтаний, но не мог туда войти. Его насильно заперли, чтобы помешать принять участие в разгрузке и погрузке. Это ему стоило большой ожесточенной борьбы и многих молчаливых слез, но в конце концов он подчинился воле Божьей. Время тянулось для него бесконечно долго, потому что он был в полной бездеятельности. Единственное, чем он занимался в это время, — с помощью горячей воды, мыла и щетки, которые ему доставил из жалости его сторож, основательно очистил свое белье и костюм от

лежащей на них корки грязи. Взглянув с удовлетворением на результат своего труда, он вздохнул:

— Как жаль, что не всегда так будет! При погрузке угля чистая одежда опять скоро превратится в такое же грязное состояние!

Но в этом он приятно обманулся. Когда пароход тронулся в обратный путь, его, к великому облегчению, выпустили из этой темницы и приказали не идти грузить уголь, а услуживать матросам наверху, на палубе. Это было для него желанное облегчение. Свободного времени не было и тут, так как на таком большом пароходе все время надо что-то чистить, что-то красить. Но эта работа почти всегда проходила на свежем воздухе и только днем. Так что ему предоставлялась возможность регулярно спать ночью и нормально питаться. К тому же он имел постель наравне с командой, в их помещении, и не пачкался так, как во время первой поездки. Работа была теперь во всех отношениях легче, чем раньше, и Эдуард совершал ее с любовью. Еще на пароходе юноша написал два больших подробных письма: одно своей матери, другое, подлиннее, своим попечителям.

Чем больше проходило время с той памятной, страшной и все же для него такой благословенной штормовой ночи, тем все яснее ему становилось, что он, в первую очередь, обязан тихим, честным, поистине верующим людям, если из него, несмотря ни на что, получилось помилование дитя Божие и, как он надеялся, получится и честный полезный человек. Если бы они самоотверженно не сеяли в нем с великим терпением доброе семя, то откуда же оно могло бы взойти в минуту наказания? С раскаянием во

всем, что он совершил против них, он просил прощения и обещал возвратить похищенные деньги, как только заработает. Он может отработать их во время своих свободных часов. В конце письма он смиренно просил принять его опять в заведение. Эти письма, написанные от чистого сердца, он отослал, едва ступив на родную землю. Он предполагал совершить пешком длинную дорогу до дома, прося милостыню, что казалось ему самым тяжелым делом. В этом отношении он был приятно разочарован. Один богатый, но вместе с тем добрый человек частенько наблюдал, как он прилежно и с любовью выполнял свою работу. Этот джентльмен узнал от капитана его историю и решил ему помочь. В тот момент, когда юноша опускал письмо в почтовый ящик, богатый мужчина положил ему руку на плечо и сказал:

— Молодой человек, я думаю, что у вас нет ни одного пфеннига на дорогу домой. Возьмите эти двадцать марок от меня. Господь Бог да благословит вас и да сделает из вас что-то для Своей славы!

Не дожидаясь благодарности, он быстро исчез в одной из гостиниц. Вне себя от радости, Эдуард поспешил на вокзал и стал сразу разузнавать о самом дешевом поезде на родину. И, хотя это был самый медленный поезд, но он был чрезмерно рад, что уже сейчас смог отдать часть своровванных денег своим попечителям. Они только получили письмо и читали его, когда он вошел. Они приняли его с распростертыми объятиями.

— «Слепой пассажир», который прозрел, — сказал растроганно глава семьи, положив ему свою руку на голову и благословляя.

Искуплен кровью

Внутренность Африки представляет собой богатые и плодородные земли, как Божий сад, но, с другой стороны, она полна нужды и горя, ибо там война и убийства, нападение и разбой — обычное явление. Жизнь и собственность отдельных лиц никем не почитается неприкосновенностью. Там, где народы еще находятся в темноте и тени смертной, особенно ясно видно, как истинно Слово Божие: «Ноги их быстры на пролитие крови» (Рим. 3:15). Негритянские племена живут между собой в постоянной ненависти и вражде, и даже среди одного племени господствуют месть, суеверие, волшебство, идолослужение, причем очень часто приносят человеческие жертвы и проливается много крови. Господь и в Африке имеет Своих посланников мира, которые заняты серьезной работой для Господа, потому что Господь хочет, чтобы все пришли к познанию истины. Он ведь отдал Своего Сына в искупление за весь мир. В настоящее время даже в глубине Африки, например, в большей части Уганды, которая расположена у большого озера Виктория, великое Божье имя через Иисуса Христа прославляется многими верующими неграми. И много чернокожих христиан подтвердили свою веру в Спасителя мученической смертью в кровавых гонениях. Через верующих путешественников и купцов из Европы, — но они, к сожалению, так редко встречаются, — многие негры были приведены к Господу Иисусу. Один такой случай я хочу рассказать моим юным читателям.

Несколько лет тому назад в Восточной Африке убежал от начальника невольник Гарри, потому что

его обвинили в том, что он околдовал сына хозяина. И, как уже было сказано выше, суеверие требовало так много человеческих жизней. В страхе он пробегал через леса, кустарники, поля и реки. Он больше боялся своего преследователя Либэ, чем льва, тигра, бегемота и крокодила. И действительно, «самое ужасное из ужасного — это человек в своем безумии» (Шиллер).

Он прибежал к морскому берегу. И вот там Гарри увидел африканскую телегу, запряженную четырьмя волами. Владелец повозки был белый, он хотел двигаться до берега со своими товарами, которые частично купил или выменял. Он заметил беглеца и его преследователей, которые очень быстро к нему приближались. Господин Артур Ф., так звали европейца, остановил повозку и с винтовкой в руке слез с телеги, чтобы, если возможно, спасти жизнь негра-невольника. Он был лично известен многим негритянским племенам и заслужил их уважение своей прямотой и великодушием. Беглец был от него на расстоянии нескольких шагов, как вдруг, пораженный стрелой, упал на землю. Артур Ф. крикнул преследователям:

— Стойте! — и, указав пальцем на лежащего, сказал: — Пощадите его!

Но Либэ ответил:

— Он — невольник Либэ, и Либэ хочет его убить!

Артур Ф. предложил ему за Гарри слоновьи зубы, ножи и пестрые перья, Либэ, взмахнув копьем, крикнул:

— Либэ не хочет его продавать, Либэ хочет его убить! Либэ сам имеет слоновую кость и золото, быков и овец, Либэ не хочет твое богатство, а хочет кровь!

С этими словами он бросил копье на Гарри, но Артур перехватил копье, и оно пронзило ему руку, которую он простер над несчастным. Либэ вскрикнул от удивления, но Артур спокойно сказал:

— Ты не хочешь золота, а хочешь крови. Смотри, вот она течет перед твоими глазами, но ты будешь за нее отвечать.

С этими словами он вынул копье из своей руки, и большие капли крови упали на Гарри и на землю.

— О, сын океана, — вскричал начальник из страха перед местью, — мое сердце опечалено, Либэ не хотел попасть в тебя.

Артур ответил:

— Я твоего раба выкупил своей кровью. Дай его мне, и мир останется между белыми и черными.

Либэ, радуясь, что так легко отделался от серьезной опасности, отдал Гарри его спасителю и удалился со своими людьми. Гарри, услышав шаги быстро удалявшихся преследователей, подполз к ногам Артура, обхватил их, покрыл поцелуями и прошептал:

— Выкупленный кровью Гарри будет всегда верным невольником своему господину.

— Нет, — ответил Артур. — Ты свободен. Мы, сыны Англии, не имеем невольников.

— Свободен?! — вскричал африканец, и луч радости осветил его темное лицо. — О, тогда пусть Гарри служит своему мессе (господину). Ты выкупил Гарри.

Артур мысленно сам себе сказал растроганно: «Если он хочет мне служить, будучи выкуплен на свободу, то да дарует Бог Свою милость, чтобы он

узнал истинную свободу, которой наслаждается и мое сердце — свободу детей Божьих».

Как видно из этого, Артур был христианином, который от всего сердца желал идти по стопам своего Господа и Спасителя.

Оба раненые, Артур и его новый слуга, нашли радушный прием в одной из ближних миссионерских станций. Рана Артура была не опасной, но ранение Гарри было тяжелым, и Артур должен был его оставить на станции, где он медленно стал поправляться. Но к Божьим истинам Гарри не проявлял интереса и разумения.

— Слишком сложно, Гарри не понимает, — говорил он всегда.

Но зато он проявлял большой интерес к своему отсутствующему господину, который спас его от жестокой руки Либэ. Однажды он спросил миссионера:

— Почему месса так много пострадал за Гарри? Гарри ведь был только бедный умирающий невольник.

Миссионер ответил:

— Твой месса сделал это из милости и сострадания. Твой месса и сам был когда-то невольником-рабом, к нему было проявлено сострадание, и он был помилован.

— Нет, — воскликнул негр, — месса никогда не был рабом, белые люди не бывают рабами.

И тут миссионер начал объяснять ему так ясно, как только мог, что все люди служат греху, миру и сатане, следовательно, они несчастные рабы сатаны.

— Никто не может убежать от него, — говорил миссионер, — если кто-то хочет убежать от него, того сатана догоняет и ранит смертельной стрелой греха,

как жестокий Либэ тебя догнал и ранил. И твой месса был также связан и ранен.

Тут Гарри прервал рассказ миссионера, взволнованно вскричав:

— А кто же освободил мессу? Сердце Гарри хочет его любить!

Миссионер тут же назвал драгоценное имя:

— Иисус.

Гарри уже слышал это имя. Но теперь оно прозвучало для его слуха совсем иначе и приобрело новую ценность для его души. С этих пор он внимательно выслушивал все, что ему говорили об Иисусе Христе, и размышлял над этим. Бог открыл ему сердце для разумения, что Иисус Христос из чистой милости спустился с небес, чтобы освободить рабов сатаны и спасти из ада их души, что Он пролил на кресте Свою кровь, чтобы вырвать людей из-под власти сатаны и спасти от вечного мучения, примерно, как кровь мессы текла, чтобы спасти его из-под власти Либэ. Гарри понял, что он также является рабом сатаны. Он воззвал к Иисусу, как к своему Искупителю и Спасителю, и нашел в Нем мир и свободу. Он стал счастливым чадом Божьим. Часто можно было слышать, как он говорил:

— Месса спас меня от жестокого Либэ, но мой Господь Иисус спас меня навеки от сатаны. Месса меня выкупил своей кровью для этой земли, но мой Господь Иисус Своей кровью освободил меня от ада для неба.

Мой дорогой юный читатель! Кому служишь ты? Служишь ли ты еще греху и сатане? Или Иисус уже освободился тебя от него? Он говорит: «Всякий, делающий грех, есть раб греха» (Иоан. 8:34). Но Он

также говорит: «Если Сын (а Он есть Сын Божий) освободит вас, то истинно свободны будете (Иоан. 8:36). Да, мой дорогой юный друг, только Иисус Христос может освободить тебя и спасти через Свою кровь и через Своего Святого Духа, Которого Он дает тем, кто верит в Него и следует Его словам.

Три школьных друга

— Время коротко! — так звучали последние слова учителя воскресной школы, направленные к группе мальчиков, которые, внимательно слушая, сидели вокруг своего учителя. Время было послеобеденное, осенью. Листья большой липы, которая росла как раз под окнами школьного зала, уже начинали менять свою окраску, и через ее ветки падали косые лучи солнца в окна. Мальчики были и по возрасту, и по росту разные. Некоторые были еще совсем маленькие, они только и могли повторять за учителем стишок, а другие были уже сильными мальчиками, которые в течение недели помогали работать на поле.

Среди этих последних было три мальчика, которым учитель уделял особое внимание. Один из них, высокий мальчуган лет четырнадцати, был на несколько дюймов выше своих товарищей. Вид у него был здоровый, цветущий, взгляд открытый, умный. Он, вроде, слушал с большим вниманием, но в нем чувствовалось нетерпение, как будто он желал завершения учения, да и избавления от серьезного напряжения мысли.

Возле него сидел другой мальчик, спокойный и внимательный. Большие умные глаза светились жаждой познания Бога, и столько было простоты и

откровенности во всем его облике, что можно было надеяться: семя падет на добрую почву, и мальчик уже с ранней юности будет думать о своем Творце и искать истинное счастье в любви своего Спасителя.

Третий, немного меньше их, мальчик тоже слушал внимательно. Его глаза были устремлены на учителя, и казалось, что он ни одного слова не пропускал. Но, когда закрыли Библию и стали молиться, а затем петь, то казалось, что он стремился прогнать все серьезные мысли.

Воскресная школа окончила работу, все классы были распущены, и все три мальчика пошли вместе домой.

Некоторое время они шли молча. Но вот Эвальд, самый старший, сказал:

— Как долго сегодня длились занятия в школе! Скоро уж солнце зайдет.

— Да, поздновато, конечно, но ведь было же очень хорошо, не правда ли, Эвальд? — сказал второй мальчик, Вилли. — Урок был такой чудный!

— Ну да, — ответил, колеблясь, Эвальд. — Слушалось хорошо, но, знаешь, в жизни надо и веселиться. Нельзя же быть таким святошей, это совершенно невозможно, по крайней мере, мне. Надеюсь, что и ты не сделаешься святошей. Что Андре будет делать, не знаю.

Вилли нерешительно помялся и посмотрел на Андре, как будто ожидал, что тот за него ответит. Но тот не вступал сразу в разговор, хотя на лице у него появилась улыбка, когда Эвальд назвал его имя. Наконец он сказал:

— Тебе, Эвальд, совершенно незачем подавлять свою веселость и радость, когда ты отдашь свою

жизнь Господу Иисусу. Наш учитель говорил только то, что в первую очередь наша задача — спасение души. Думаю, что я его правильно понял.

— Может быть, и так, но почему он все время повторял: «Время коротко!»? Это, может быть, верно для старых людей, но для нас, мальчиков, времени еще очень много.

— Ты не так понял, Эвальд, — сказал Андре, — это не сам учитель от себя говорил, это написано в Библии.

Между тем они подошли к месту, где их дороги расходились, и Эвальд должен был их оставить. Вдруг Андре сказал:

— Эвальд, я теперь очень долго не приду в воскресную школу. Я уезжаю на учебу, но надеюсь, что мы увидимся в среду на совместном пикнике всей школы.

— Да, в среду я тоже приду. И я думаю, что больше не приду в воскресную школу. Она годится для малявок, а я уже слишком велик для нее.

— О, Эвальд, неужели ты оставишь воскресную школу?! — воскликнул Андре и посмотрел ему прямо в глаза. — Я бы этого никогда не сделал, если бы остался здесь!

— Ну, я еще об этом подумаю, но не беспокойся обо мне, Андре, у меня ведь еще есть много времени, чтобы сделаться набожным.

С этими словами Эвальд перепрыгнул через забор и скрылся из виду.

— Еще много времени, еще много времени, — повторил Вилли, идя дальше с Андре, — но Божье Слово так не говорит.

— Вилли, не обращай внимания на Эвальда. Кто знает, может быть, ему придется пожалеть об этих словах, — сказал Андре.

В праздник воскресной школы, в среду, все три мальчика опять встретились, им было радостно и весело, но более всех веселился Эвальд. Друзья наслаждались всем, что дал им этот праздник: играли в лесу и саду, пели и слушали простые, но настойчивые слова своего учителя.

Время пролетело быстро, и, по их мнению, слишком рано празднество было окончено. Эвальд и Вилли с другими мальчиками пошли по дороге в деревню, как вдруг были остановлены возгласом Андре:

— Подождите!

Обернувшись, они увидели, что он бежит к ним.

— Я не иду с вами домой, потому что должен сейчас идти в город, а завтра поеду дальше, так что я хотел вам сказать до свидания.

— Мне очень жаль, что ты уезжаешь, — сказал Эвальд, — но я надеюсь, что ты опять вернешься.

— И я надеюсь, но когда — это неизвестно. Эвальд, ты ведь останешься в воскресной школе? Не правда ли?

— Там видно будет. Обещать я тебе не буду. Ну, прощай, Андре.

С этими словами он пошел дальше. Но Вилли подошел к Андре, он хотел ему на прощанье пожать руку. Андре шутя схватил его за рубашку и сказал:

— Прощай, Вилли, я буду писать тебе длинные чудесные письма, описывать, как мне живется, но ты, Вилли, не забудь, что наш учитель напоследок говорил нам: «Время коротко».

Вилли весело засмеялся и побежал догонять Эвальда. В конце поля они еще раз обернулись. Андре стоял на холме. Вечерний ветерок трепал его темные волосы, рукой он махал последнее «прости» своим товарищам детских лет.

Время шло. Вилли по-прежнему сидел на своем старом месте в воскресной школе и вспоминал товарищей. Андре больше не вернулся, а Эвальд еще несколько воскресений пришел, потом не стал ходить. Плохие товарищи соблазнили его оставить воскресную школу. Легкомысленные мальчишки высмеивали его, что он такой глупый, что все еще слушает то, что учитель рассказывал им в их детские годы, то есть о любви Иисуса. И хотя внутренний голос и просьбы умирающей матери напоминали ему об этом, так что он содрогался от мысли, что мать до последнего часа пыталась привести его на путь мира, но сети искусителя были слишком крепки для него. Он передумывал, медлил, принимал сам решения, но, надеясь только на свои силы, постепенно, шаг за шагом, из легкомысленного мальчика превратился в еще более легкомысленного юношу, который совсем отвернулся от Слова Истины. Он забросил свое ремесло, брался то за одну работу, то за другую, и наконец нанялся на торговое судно. Капитан его охотно взял, потому что он был молод и силен.

Некоторое время все шло очень хорошо. Свободная жизнь нравилась его удалой натуре. И так как матросы жили между собой довольно дружно, то и Эвальд со всеми ладил.

Но однажды ночью в Южном море показались признаки приближающегося шторма. Был отдан приказ готовиться к нему. При этом капитан забыл, что

Эвальд еще новичок на море, и приказал ему взобраться на главную мачту. Не думая об опасности, Эвальд полез наверх. Он достиг верхушки мачты, выполнил то, что ему было приказано, и стал готовиться к спуску, но в этот момент под ним треснула и пошатнулась рея. Это был только момент, но и в тот короткий промежуток времени, где его гибель была очевидна, вся его жизнь прошла перед ним и огненными буквами перед его устрашенной душой возникали слова: «ВРЕМЯ КОРОТКО».

Да, действительно, коротко, очень коротко было бы время для Эвальда, если бы милосердный Бог не помог ему. Опора его рухнула, и он упал в море. Только мужество и героизм другого матроса спасли его от водной могилы.

Последствия этого сказались очень скоро. Многие дни он провел, лежа в своей каюте, и в эти длинные, томительные часы его непрестанно преследовало воспоминание о тех ужасных мгновениях и о словах, звучавших тогда в ушах.

Некое обстоятельство, происшедшее несколькими днями позже, способствовало тому, что это все еще глубже в нем запечатлелось. Судно бросило якорь возле одной пристани, чтобы запастись водой и продовольствием, и некоторые матросы получили разрешение сходить на берег. Эвальд, как выздоравливающий, был среди них. Он чувствовал себя усталым и до отплытия судна пошел в кафе. На столе лежала немецкая газета. Безучастно он пробегал ее глазами, но когда он перевернул газету и прочел первые строчки, смертельная бледность покрыла его лицо, и газета выпала из его рук. Это было извещение, старое, уже четыре недели тому назад, о смерти Андре. При его плохом состоянии здоровья это было тяжелым ударом для Эвальда. Он не мог поверить этому. Перед его глазами все время стоял Андре, как он его видел последний раз осенью на холме. И вот он теперь в полной юношеской силе, такой способный, навсегда ушел, ушел, чтобы дать отчет Богу о времени, которое он прожил.

Но этот зов Божий, как ни рано он пришел для щедро одаренного юноши, для Андре, не был слишком рано. Его жизнь была совершенно иначе прожита, чем

Эвальда. И в горе этого внезапного ухода для его родных было утешением знать, что он умер в Господе, Которому принадлежала вся его жизнь. А как прекрасна была его жизнь!

Он прожил в кругу истинных христиан радостные часы и годы, в то время как его ровесники в тщетности мира и грехе напрасно искали счастье. В то же время он был помощником и радостью своим родителям.

Смерть товарища всколыхнула сердце Эвальда. Старые легкомысленные привычки не так-то скоро были побеждены, но его сердечная жестокость была сломлена, частью тем страхом, который он испытал вблизи своей смерти, частью же сравнивая себя с Андре. Божий Дух вскоре привел его ко Христу. Прошедшее невозможно было вернуть, юность не возвращается снова, но молитва Эвальда была о том, чтобы он в будущем ценил время, чтобы остальную жизнь провести для славы Того, Кто его любит, и Кто не переставал искать его в годы легкомыслия его души, Кто отдал за него Свою драгоценную жизнь.

А что стало с Вилли?

Его жизнь протекала спокойно и без особых происшествий. Уже с детства он был восприимчив к хорошему влиянию. И он никогда не мог забыть Андре. Известие о неожиданной смерти друга его тоже сильно потрясло. Он теперь еще более ясно узнал смысл слов «Время коротко». Он как бы чувствовал звук этих слов, произнесенных любимым другом.

Смерть Андре послужила и ему к спасению. Он больше читал и слушал Слово Божье, вникал в него и нашел мир в Иисусе. Среди всех искушений, которые предлагал ему мир, он всегда черпал мужество и силу из Слова Божьего, которое он все больше и больше

любил, следуя примеру своего друга, тело которого покоилось в холодной земле до воскресения праведных.

Мой дорогой друг, ответь мне на вопрос: как обстоит дело с тобой и твоими друзьями?

Знай: «Время коротко!»

Я хочу рассказать вам об Ионафане. Но не о царском сыне Ионафане, друге Давида, о котором мы читали в Библии, но об одном маленьком мальчике, которого тоже звали Ионафаном и который был еврейским мальчиком.

Этот маленький мальчик Ионафан увидел однажды в воскресенье утром двух маленьких девочек, направляющихся в воскресную школу, и спросил их:

— Куда вы идете?

— В воскресную школу.

— Возьмите меня с собой, — попросил Ионафан.

Лина и Берта, так звали девочек, охотно согласились, так как они знали, что их учитель любит детей, но в еще большей степени их любит Бог. И они поэтому взяли курчавого мальчика и привели его с собой в школу.

Маленький мальчик внимательно смотрел на все и старался запомнить все, что говорил учитель. Он видел и слышал, как учитель в начале и в конце занятий молился Господу Иисусу и благодарил Его за то, что Он пришел в наш мир, чтобы спасти нас. Затем Ионафан слышал рассказ об Иисусе, когда матери приносили своих деток к Нему и как Он брал их на руки и благословлял. Ионафан слышал также пение детей, прославляющих Иисуса. Для него это было так ново и интересно, что ему казалось: он грезит наяву

или находится в какой-то другой стране. Ему было очень жаль, когда занятия окончились, и он должен был со своими подружками идти домой.

Придя домой, он радостно воскликнул:

— Мамочка, о, если бы ты знала, как хорошо в воскресной школе! Разреши мне туда всегда ходить вместе с Бертой и Линой!

— Почему ты хочешь туда идти, мой дорогой?

— О, там так хорошо! Дети поют, а учитель рассказывает такие интересные истории.

И, так как Ионафан умоляюще просил, то мать разрешила ему ходить каждое воскресенье в воскресную школу.

С этих пор для Ионафана наступила счастливая жизнь. Как цветок быстро распускается при теплых солнечных лучах, так и Ионафан, слыша о Божьем милосердии и о любви Иисуса, полюбил Христа, Который его с самого начала любил и отдал Себя за него. Это, конечно, не могло укрыться от родителей.

Однажды он прибежал домой с сияющим лицом и крикнул своей матери:

— О, я такой счастливый, дорогая мама, я знаю теперь, что Спаситель умер за меня, также за тебя, за папу и за всех людей.

Мать покраснела и сказала с возмущением:

— Ионафан, что это ты говоришь? Чтобы я этого больше не слышала.

Но мальчик подумал, что мать его не поняла, и повторил:

— Господь Иисус умер за меня. Я теперь Его овечка. И Он умер также за тебя, мамочка, и за папочку...

Но мать перебила его еще резче:

— Ты что, не слышишь? Чтоб я от тебя этого больше не слышала. Это не для нас. К тому же это все неправда.

Маленький Ионафан был словно поражен громом. Он ничего не ответил, но чувствовал себя несчастным. Таким он был несколько дней. Но однажды среди недели после обеда он пошел к учителю и с плачем обратился к нему:

— Разве не для нас то, что вы нам рассказывали? Моя мать также говорит, что все это неправда. Это неправда, что Спаситель умер за меня и за всех нас?

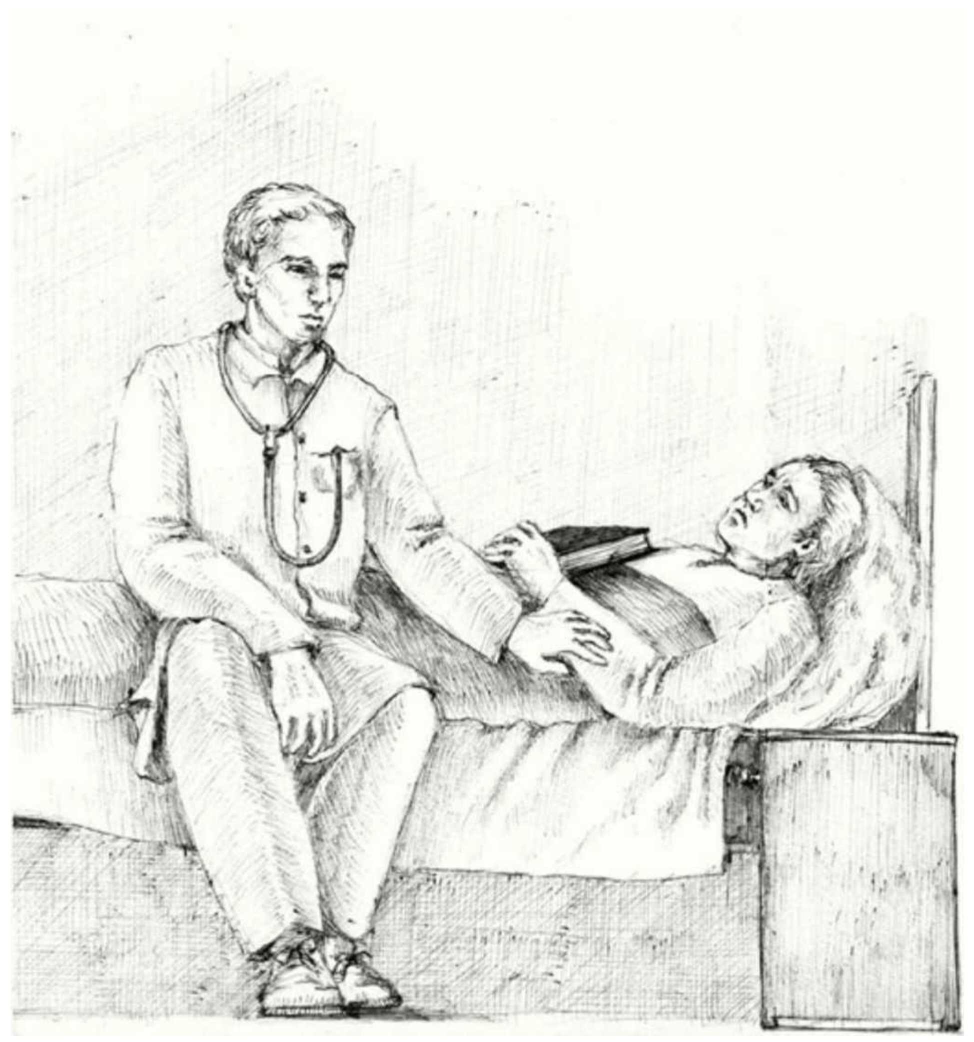
Учитель понял горе мальчика. Он ласково утешил его и сказал:

— Конечно, это истинная правда, мой Ионафан. Господь Иисус умер на кресте за наши грехи. Он истинный жертвенный Агнец, о Котором так много написано в Библии. Веруй только твердо в Него и не дай себя обмануть. Молись о своей матери, чтобы и она поверила в Спасителя. Она Его еще не знает.

Этими и другими словами учитель утешал мальчика, и затем тот ушел.

Когда мальчик ушел, учитель преклонил колени помолился об этой еврейской семье, особенно о маленьком Ионафане. Ионафана он так больше и не увидел. Ему запретили ходить в воскресную школу и домой к учителю.

Прошло много лет. Ионафан окончил светскую школу, затем университет и стал врачом. Так как он был молодым специалистом, то его назначили ассистентом врача в большую больницу, где у него иногда были ночные дежурства.

И вот однажды ночью его позвали к умирающему. Ионафану стало жаль, что он ничем не может ему помочь. Но тот сказал:

— Господин доктор, не жалейте, ведь вы все же можете еще что-то сделать для меня. Пожалуйста, прочтите мне из этой книги хоть одну главу. Я бы еще раз хотел послушать Слово Божье.

Ионафан взял книгу. Это был Новый Завет. Он открыл его и стал читать. Умирающий слушал с

большим наслаждением. Затем он попросил молодого врача оставить себе эту книгу на память о нем и прилежно читать ее. Ионафан с большим волнением поблагодарил за Новый Завет и обещал читать его. Он почувствовал, что через уста умирающего с ним говорит Сам Бог. В одно мгновение он вспомнил и прочувствовал все, что испытал, будучи маленьким мальчиком. Через запрет родителей он все забыл, а в школе и в университете слышал много такого, что принесло ему вред. Но теперь Сам Господь говорил к нему так ясно. Он начал прилежно читать Слово Божье и стал опять счастливым человеком, ибо он теперь твердо знал, что отныне и навеки является собственностью Господа Иисуса, чадом Божьим, наследником неба.

Дети! Вы видите из этого рассказа, что Бог в Своей любви стремится привести к покаянию всех людей, а также и вас. Послушайте голос Иисуса! Откройте Ему свое сердце и слух. С ранних лет примите Божье спасение. Оно спасет вас, сохранит и приведет через печальную пустыню жизни в вечный небесный Отчий Дом.

Двойная находка

Утешение в минуты горести

Был канун Нового года. По ярко освещенным улицам Амстердама дул резкий восточный ветер. Казалось, что старый год прощался с землей громкими стонами и воплями. Как почти во всех городах и деревнях в эту пору, в Амстердаме в богатых и бедных домах стоял гул от веселья, как будто все задались целью перейти от старого года в новый, танцуя, играя и поя развеселые песни. И только некоторые из жителей большого города вспоминали серьезные слова апостола Иакова (4, 14): «Ибо что такое жизнь ваша? пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий». И еще меньше было тех, кто на себе испытал всю истину слов, что «человекам положено однажды умереть, а потом суд» (Евр. 9, 27), и воззвавших к Тому, Кто прошел через смерть и суд, чтобы приобрести всем тем, кто в Него поверит, вечную славу.

К числу этих людей можно было отнести и жену капитана Вилькинса. Она сидела у горящего очага, окруженная своими детьми, чтобы по обычаю, бодрствуя, провести последние часы года. В настоящую минуту в их доме царило молчание. Дети, младшей было десять лет, молча, пристально смотрели на огонь. Они, очевидно, думали над только что сказанными словами матери. Мать же время от времени вытирала слезы, и лицо ее приняло печальное выражение, которое она напрасно старалась скрыть от детей. Ах, старый год был для нее очень суров. Не прошло еще и шести недель, как

она получила печальное известие, что ее любимый муж умер на море, заболев холерой. Раньше он всегда в это время года был дома. Он, по возможности, всегда так устраивал, чтобы проводить Новый год в кругу домашних. Окруженный женой и детьми, сидя у весело потрескивающего огня, он сообщал им все свои переживания и приключения. Какие это были прекрасные часы и дни! А теперь? Хотя верующая мать и вознесла к Господу молитву, полную мольбы и благодарения, и, хотя ее сердце после тяжелой борьбы нашло покой, но рана, нанесенная смертью, была еще слишком свежа, чтобы при воспоминаниях о прежних днях не начать опять кровоточить.

Итак, маленькая семья сидела у очага в тихой печали. Долгое время никто не нарушал тишину. Грустные чувства наполняли все сердца. Казалось, буря, бушевавшая на дворе и с силой поднимающая снег и бросающая его, воя в окна, вместо отца рассказывала им происшествия на море. Но, наконец, в сердце матери вернулись мир и упование на Господа. Ее мысли вознеслись к Тому, Кто обещал быть Отцом для сирот и вдов. С тихой радостью она смотрела на своих детей, которые служили ей утешением и горячо любили ее. Если и не было больше среди них мужа и отца, который заботился бы обо всем, то не спал Отцовский Глаз. Другое Ухо слышало стоны материнского сердца, и другое Сердце думало с нежной любовью о ней и сиротах. Это был Сам Господь Иисус, Тот, Который сказал: «Не оставлю тебя, и не покину» (Евр. 13, 5).

Мать наконец заговорила:

— Дети, не будем больше печалиться. Отец вдов и сирот всегда с нами. Наш отец счастлив теперь. Он у Господа, где больше нет ни печали, ни страданий, а над нами бодрствует Бог и Отец нашего Господа Иисуса Христа. Годы быстро пролетают. Будем надеяться на Него. Он до сих пор всегда по-отечески заботился о нас. Давайте споем? Кто хочет предложить песню?

Лица детей заметно просветлели. Маленькая десятилетняя Лиза прильнула к матери, обхватила ее шею руками и сказала:

— Я знаю одну песню, мама! О, это красивая песня! Я думаю, что тот, кто ее услышит, сразу повеселеет. Она записана в нашем сборнике песен, и я ее выучила на память. Рассказать мне ее?

И, не дожидаясь ответа от матери, она начала:

Я не тоскую...
К Тебе я поднимаю взор;
Тебя я, Боже, умоляю:
Услышь с святых Твоих высот,
О, дай мне веру детскую, простую.
Я не тоскую...
Врагами хоть я окружен,
Своей Ты силой наделяешь;
Ты — мой покров, Спаситель мой и Бог,
И среди горя всей душой ликую.
Я не тоскую...
С Тобой я все снесу.
Ты дивно в горе утешаешь;
Меня так любишь, ободряешь;
В конце пути возьмешь меня к Себе,
И там увижу я Страну родную.

— Да, мама, давай споем эту песню! — предложили все дети.

Мать и дети стали тихо петь, и эти слова пролили утешительный бальзам в их сердца. Когда прозвучал последний звук, опять воцарилась глубокая тишина, но она не была так печальна и не угнетала, как прежде. На сердце у всех стало легче, а Лиза, которая, казалось, забыла всю печаль, нежно прижалась к матери и сказала:

— О, мама, расскажи нам что-нибудь! В прошлом году ты это тоже делала. Помнишь ли, о чем ты говорила? Это была история об апостоле Иоанне и о юноше, который стал атаманом разбойников и которого апостол Иоанн нашел и вернул. И как раз, когда рассказ был окончен, на башне пробило двенадцать часов, и старый год ушел быстрее, чем мы ожидали.

— Разве тебе год кажется таким длинным, мое дитя? — спросила, улыбаясь, мать.

— О, нет! — прозвучал ответ. — Но когда вот так сидишь вместе и ждешь, чтобы часы пробили двенадцать, то время тянется медленно, и я всегда поневоле смотрю на часы. Теперь как раз одиннадцать часов, следовательно, времени достаточно, чтобы рассказать хорошую историю, не правда ли, мамочка?

— Но, Лиза, — возразила Иоанна, старшая дочь, — разве ты не видишь, что мамочке сегодня тяжело что-либо рассказывать. В прошлом году еще был жив наш дорогой отец, он весело проводил время с нами, а теперь... — слезы побежали по ее лицу, и она не смогла закончить фразу.

Другие дети, а также Лиза, опять стали печальны. Но мать силой подавила все поднявшиеся волнения и чувства и сказала:

— Хорошо, я могу вам кое-что рассказать, дорогие дети. Если отца и нет больше среди нас, то все же мы имеем много причин быть счастливыми и благодарными. Будет даже хорошо и для вас, и для меня, если от рассказа улетучится вся тяжесть. Поэтому слушайте внимательно.

Но было видно, что при последних словах, как ни ободряюще они звучали, тень печали опять прошла по лицу матери. Ее голос дрожал, и ей с трудом удавалось сдерживать слезы. От детей это не скрылось, и они стали спрашивать ее о причине новой печали. Но мать быстро оправилась, улыбаясь, махнула рукой и сказала:

— Успокойтесь, дети, и слушайте! Это хотя и печальная история, но будет хорошо, если вы ее узнаете, чтобы научиться избегать злых путей и избрать узкий путь.

При последних словах матери дети выжидающе заняли свои места, и рассказ начался.

Непослушный сын

— Господин В., дорогие дети, был капитаном парохода, как и ваш папа. Он жил со своей маленькой семьей здесь, в Амстердаме. Но так как большую часть года он был на море, то семье мало помогал. Он бывал дома всего несколько недель в году. На плечи его жены, которая, как и он, боялась Господа, полностью легло воспитание детей, особенно, старшего и единственного сына. Она с молитвой старалась исполнить всю тяжелую задачу. Но вскоре

она, к своему глубокому горю, убедилась, что слишком слаба, чтобы сломить гордый нрав мальчика.

С каждым годом все яснее было видно, какой это упрямый, непокорный мальчик. Когда он подрос, то ни одна школа не хотела его держать, так как он не только ссорился все время со своими школьными товарищами, но и противился учителям. При этом он был чрезвычайно вспыльчивый, и, если бывал раздражен кем-либо, то от злости и бешенства часто сам не знал, что делал, как будто в него вселялся злой дух. Поэтому вы легко можете понять, что бедная мать не имела над ним никакой власти.

Единственным, кто мог справиться с буйным мальчиком, был его отец. Когда он возвращался к семье, в доме воцарялся покой. Серьезная, решительная манера отца, а также и толстая бамбуковая трость, которой он, если было нужно, великолепно умел пользоваться, оказывали огромное влияние на непокорного сына. Его упрямство было сломлено, по крайней мере, на то время, пока отец был дома, и он делался уступчивым и послушным, каким и должен быть всякий ребенок.

Бернард, так звали мальчика, имел и свои хорошие стороны. Он, хотя и был чрезвычайно буйным и упрямым, временами становился очень милым и послушным. В такие дни он внимал библейским историям, которые ему рассказывала мать, и слышанное производило на него глубокое впечатление. Однажды он даже расплакался и вскричал:

— О, как послушен и кроток был Господь Иисус, когда был ребенком! Он был совсем другой, не такой,

как я. О, если бы я мог стать таким послушным, как Он!

И когда мать, используя эти благоприятные минуты, говорила ему о любви Спасителя, то он временами бывал совсем сокрушен, и много раз по вечерам она находила его на коленях и слышала его молитву:

— О Господь Иисус! Дай мне другое сердце!

Вы можете себе представить, как счастлива была тогда мать. Со слезами радости она склонялась рядом с ним и соединяла свои просьбы с его просьбами. Она часто думала и надеялась, что скоро сможет сказать: «Древнее прошло, теперь все новое». Но в этом она ошибалась, так как чаще всего он уже на следующий день показывал своим поведением, что хорошие чувства смело, как метлой.

Так прошло много лет. Бернарду исполнилось шестнадцать лет. И так как детей в семье становилось все больше, то матери было почти невозможно уследить за ними. Он это хорошо знал и постепенно приучился делать только то, что ему нравилось. Иногда он целыми вечерами не был дома и вытворял всякие глупые шутки со сверстниками. Когда мать его потом спрашивала, где он был, что делал, то он или давал дерзкий ответ, или всякими неправдами старался выкрутиться.

Мне незачем говорить, как бедная мать страдала под этой тяжестью. Часто она часами простаивала на коленях, молясь за своего несчастного ребенка, но все, казалось, было напрасно. Бернард остался таким, как был.

И вот однажды — отец как раз вернулся из долгого плавания — один богатый купец из города

пришел к ним в дом и пожаловался на их непутевого сына. Он говорил, что тот вчера вечером в присутствии многочисленного общества позорно его оскорбил, и просил отца серьезно наказать его за это. Капитан, огорченный поведением сына, обещал оскорбленному человеку дать требуемое удовлетворение и велел позвать Бернарда. Но тот передал в ответ, что в данный момент не может уйти из комнаты. Разгневанный отец сам поднялся в комнату сына и потребовал, сначала спокойно, а затем в строгом тоне, чтобы тот спустился вниз. Упрямый мальчик очень хорошо знал, зачем его вызывают, но был слишком высокомерен, чтобы признать себя виновным. Он объявил, что лучше умрет, чем потерпит такое унижение. Отец схватил его за руку, чтобы силой заставить пойти к купцу. Но Бернард сильным рывком освободился из рук отца, быстро сбежал по лестнице, открыл входную дверь и в следующее мгновение был на улице и исчез из глаз.

Отец печально вернулся к купцу, рассказал ему происшедшее и заверил, что сын сам к нему придет и попросит прощения за свое недостойное поведение. Купец после этого ушел. Глубоко огорченные родители просили Господа о мудрости, чтобы в этом деле поступать так, чтобы оно послужило на пользу сыну и для прославления Его имени. Но напрасно они ожидали возвращения сына. Наступил вечер, а его не было. Настала ночь, но он не пришел. Теперь к печали о беспутном сыне присоединились страх и беспокойство. Спать они не могли. В молитвах и воздыханиях прошла ночь. Где мог быть мальчик? Неужели он в упрямстве и гневе лишил себя жизни?

Во все концы были разосланы люди, но все вернулись, не найдя следа пропавшего без вести.

Так минуло четыре дня, и ни одного известия не было получено родителями. Они использовали все средства, чтобы узнать место пребывания беглеца, но все было напрасно...

Вечером четвертого дня почтальон принес письмо. Адрес на конверте был написан почерком сына. Дрожащей рукой отец разорвал конверт и прочел: «Дорогие родители! Я сделал роковой шаг, и ваши вздохи и даже проклятия последуют за мной. Простите меня! Я иначе не мог поступить. Я нахожусь на борту английского торгового парохода и бегу, чтобы в другой части света обрести свободу, которой был лишен в родительском доме. Бог да утешит вас и да соберет нас рано или поздно опять всех вместе. Пожалуйста, простите меня и вспоминайте с любовью любящего вас сына Бернарда».

В письме не указано было ни даты, ни места отправления. Только по почтовой печати было видно, что оно из Англии. Невозможно было описать горе глубоко опечаленных родителей. Невозможно...

Тут мать прервала свой рассказ. Уже давно ее дрожащий голос дал понять, какое глубокое участие она принимала в этом рассказе. Но теперь она не могла удержать слез и, громко рыдая, закрыла лицо обеими руками. Отчего же это? Вернулась ли боль о потере мужа или ее волнение имело другую причину? Дети вскочили и вскричали:

— Мама, что с тобой? Почему ты плачешь?

— Тише, дети, — успокаивала их мать, — я буду рассказывать дальше.

— Ах, мама, — сказала Иоанна, смотря на мать широко открытыми глазами, — мне кажется, что я что-то знаю об этой истории. Вспоминаю, как я однажды почти целую ночь не могла заснуть, так как слышала, что и ты и папа все время плачете и молитесь. Я тогда была еще очень маленькой, но точно помню, что я спала в теперешней нашей столовой и что все время спрашивала вас, почему вы такие печальные.

— Ты права, Иоанна, — сказала мать после минутного горестного молчания, — ты права. Я рассказала вам историю вашего брата Бернарда. До сегодняшнего дня я не могла преодолеть себя, чтобы вам ее рассказать, так как, когда я думала о том печальном времени, мое сердце вновь исходило кровью. О, это было очень тяжелое время, которое мы тогда пережили. Теперь прошло много лет с тех пор, как ваш брат Бернард убежал, и все поиски оставались безрезультатными. Многие слухи о нем доходили до нас, но ничего определенного мы узнать не могли. Последний слух был, что Бернарда, как военного, приговорили к смерти.

И она опять замолчала. Материнское сердце было вновь глубоко потрясено мыслью, что ее сын, возможно, умер страшной бесславной смертью. Время не могло залечить эту рану. И опять глубокое гнетущее молчание воцарилось в комнате... Затем, немного успокоившись, мать продолжала:

— Нет, нет, дети, не будем поддаваться унынию. Нехорошо сетовать и печалиться. Господь, Который имеет милосердие к червяку в пыли, и над вашим братом умилосердится. Все предоставим Ему! Но пусть печальная история вашего брата послужит вам предупреждением на всю вашу жизнь. В ней вы ясно

увидите ужасное состояние человека от природы. Видите, что он, раб сатаны, ищет свою собственную погибель. Я знаю, что Господь уже давно стучится к вам, дорогие дети. О, пусть бы Его намерения любви в отношении вас исполнились! Пусть и о вас всех можно было бы сказать, как мы через несколько минут скажем старому году: «Древнее прошло, теперь все новое».

Невольно взоры детей обратились на часы. Все почувствовали серьезность данного момента, и, когда мать прибавила: «Встретим с молитвой Новый год!» — все опустились на колени.

Вдова и сироты молились Богу о своем трудном положении в полной уверенности, что Он исполнит на них Свои обетования.

Сюрприз

Башенные часы только что пробили двенадцать часов, как двое мужчин, закутанных в широкие плащи, быстрыми шагами шли по улицам все еще не спавшего города. Ни веселые звуки, раздававшиеся из ярко освещенных домов, ни сильные порывы холодного ветра, не могли замедлить их шаги.

Так они молча шли, пока не остановились перед одним домом, и старший из путников сказал:

— Слава Богу! Мы у цели!

Легкая дрожь прошла по телу более молодого мужчины, и он, как бы проснувшись от сна, спросил:

— Итак, мы уже пришли?

— Я надеюсь, что они еще не легли спать, — снова начал разговор первый, — я бы очень хотел услышать приветствие из уст малышей. — И он

ухватился за колотушку, которая, по старой моде, заменяла звонок.

Глухо прозвучали удары в доме, и минуту спустя послышались шаги.

Дом, перед которым стояли оба мужчины, принадлежал госпоже Вилькинс. Она только что встала с колен после совместной с детьми молитвы. И вот ее слуха коснулись глухие удары колотушки. Что это? Кто это так поздно просится в дом? Быстрыми шагами служанка побежала открывать дверь, и в следующее мгновение по всему дому прозвучал ее громкий крик. Сильно испуганные, мать с детьми поспешили посмотреть, что там случилось. Но прежде чем они переступили порог комнаты, оба мужчины вошли в нее.

— Отец! Отец! — закричали все вместе, и мать в беспамятстве упала на руки старшего мужчины. Да, это был оплаканный и, как они думали, навсегда утраченный муж и отец. Мужчина же, хотя и ожидал самого сердечного приема, не мог себе объяснить это необыкновенное явление и смущенно и оцепенело смотрел то на жену, лежащую в обмороке, то на детей, которые, громко рыдая, обхватили его.

Наконец маленькая Лиза вскричала:

— Так ты не мертвый, дорогой папа! Злые люди обманули нас. Они сказали нам, что ты умер от холеры. И вот ты опять среди нас! Слова счастливой малышки некоторым образом рассеяли загадку. Вилькинс отнес свою жену в кресло, и вскоре она очнулась. Когда прошел первый всплеск радости свидания, мать рассказала своему мужу, как ее известили о его смерти и как она потеряла уже всякую надежду на встречу здесь, на земле. Когда она

замолчала, Вилькинс упал на колени. Все последовали его примеру, и к Господу вознеслась молитва хвалы и благодарности за то, что Он так милостиво охранял всю семью и вновь позволил им всем свидеться. Когда молитва была окончена, и они встали с колен, капитан сказал:

— Но как же это вышло, что вы получили обо мне такое известие? Вероятно, произошла ошибка. Теперь вспоминаю: однажды я слышал, что капитан Вилькинс вместе с пароходом бесследно исчез. Но — Господу да будет хвала! — Он меня не только благополучно доставил домой, но могу вас уверить, что никогда еще плавание не было так успешно и счастливо, как в этот раз.

И опять радость свидания прорвалась наружу громкими всеобщими возгласами.

Только незнакомый молодой человек как будто не принимал в этом никакого участия. Он стоял недалеко от камина и пристально смотрел на потрескивающие дрова, объятый глубокой думой. Его лицо было бледно и носило следы сильной внутренней борьбы. Капитан и все остальные в пылу волнения совсем забыли о нем. Но вот наконец Лиза вспорхнула с колен отца, приблизилась к незнакомцу и спросила, доверчиво схватив его руку:

— Вы тоже, как и папа, капитан? Но — ах! — как вы бледны! Вы больны? Наверно, вы больны.

Тот, к кому она обратилась, вздрогнул. Его бледное лицо немного покраснело, и, не говоря ни слова, он поднял ее и прижал к своей груди. Когда капитан это увидел, то встал и сказал:

— Я чуть не забыл представить вам моего молодого друга, который сопровождал меня сюда.

Теперь только мать посмотрела на него, до сих пор она его как бы не замечала. Она извинилась за свое невнимание, а молодой человек ей вежливо поклонился. Затем он сказал на ломаном голландском языке:

— Простите чужеземцу, что он стал непрошеным свидетелем такой трогательной семейной встречи. Но я надеюсь, что буду желанным гостем, если скажу, что имею сведения о вашем сыне Бернарде.

— Как? Что? О моем сыне Бернарде? — вскрикнула мать, опять побледнев. — О, жив ли он еще? Скажи мне, жив ли он еще?

— Он жив еще, слава Богу, — ответил молодой человек заметно дрожащим голосом. — Да, он жив, хотя его жизнь часто висела на волоске.

— О, расскажи все, пожалуйста, расскажи! — вскричала мать, сильно волнуясь. — Где мой ребенок? Увижу ли я его еще раз и смогу ли заключить в свои объятья? — И, глядя вверх, она добавила: — О, Боже, эта радость была бы слишком велика! Какой Ты дивный Бог!

Подавленная чувствами, она упала на стул. Прошло немало времени, прежде чем она настолько оправилась, что могла слушать незнакомца.

Он начал рассказывать:

— Вы знаете, что ваш сын, оставив родительский дом, поступил на работу на английский пароход. Строгая морская дисциплина ему пришлась не по вкусу. Но ничего другого не оставалось делать, он должен был идти горьким путем, какой сам избрал. Пароход шел в Нью-Йорк. Там он нанялся на американский военный пароход и многие годы плавал по Атлантическому океану. В то время была война

между Северными и Южными штатами. Ваш сын был шесть раз взят в плен и один раз даже осужден на смерть. Но ему удалось как раз перед казнью убежать. Два года он провел в девственных лесах Америки, ведя суровую, опасную жизнь охотника за различной пушниной. Наконец он прибыл в Южную Америку, и ему там посчастливилось найти место в одном из крупных торговых предприятий в Рио-де-Жанейро. Там он благословенно трудился. Я говорю «благословенно» и имею в виду не только земное благополучие, но и его вечное спасение. Он нашел Господа. Он глубоко осознал свои грехи, и теперь его самое большое желание — попросить своих родителей, которых он так глубоко обидел, о прощении.

— О, я ему давно простила! — рыдала мать, глубоко потрясенная. — О, если бы мне Господь даровал эту радость — еще раз прижать к груди моего бедного заблудившегося ребенка! Но рассказывай дальше, прояви милосердие к материнскому сердцу!

— Не получали ли вы приблизительно два года назад письмо от своего сына из Рио-де- Жанейро? — продолжал незнакомец, и видно было, что ему тяжело было говорить.

— Нет! Никогда! — ответила мать. — Мы никогда ничего о нем не слыхали. Нам только очень давно сообщили, что он был осужден на смерть.

— В этом письме, — начал опять незнакомец,— он признавался в своей вине. Но так как ответа не последовало, то он подумал, что его родители, должно быть, умерли или сменили место жительства. Письмо, по-видимому, пропало. Наконец он не смог больше вынести мучений совести и решил вернуться в

Европу. Увидев однажды в порту большой красивый пароход с голландским флагом, он сразу же поехал туда и к своей радости узнал, что пароход через три дня поедет обратно домой. Он быстро вернулся на берег, привел в порядок все необходимое и пошел опять на пароход. Так как он был не вполне здоров, то большей частью пребывал в каюте и мало кого из пассажиров видел. Плавание, однако, не протекло без беды. Шесть дней погода была великолепная, но на седьмой на горизонте стали собираться черные тучи. Сильная буря начала свою жуткую игру. Пароход часто кренился на бок. Кроме капитана, все, казалось, потеряли голову. После Бога, все были обязаны своему героическому вождю своим спасением. Ваш сын опять стал моряком и в самой большой опасности храбро помогал капитану. Когда настал день, капитан спросил о молодом пассажире, которого он в первый раз увидел во время опасности. Первый штурман ответил:

— О, это странный человек. Едва миновала буря, он опять засел в каюте, как будто никогда не видел моря, но я не буду первым штурманом, если не скажу, что ему уже не раз случалось быть на море в шторм.

— Я должен с ним поближе познакомиться, — сказал капитан и пошел в каюту молодого человека. Он застал его в углу на коленях. Капитан был тоже верующим человеком и поэтому молча преклонил колени возле него. Ваш сын благодарил Господа за Его помощь в прошедшей ночи. Когда он закончил, капитан сердечно поблагодарил Бога, Который господствует и над ветром, и над волнами. Со словом «Аминь» оба они поднялись с колен. Их сердца были с этого момента тесно соединены. Во время

последующего разговора капитан спросил своего пассажира, как его зовут. Ваш сын отвечал:

— Меня зовут Бернард Вилькинс.

— Бернард Вилькинс? — вскричал удивленно капитан. — И вы держите путь в Амстердам?

— Да, чтобы разыскать своих родителей, которых я почти шестнадцать лет тому назад тайно покинул.

— Великий Бог! Мой сын Бернард! — вскричал капитан и обнял молодого человека, глубоко растроганный.

Тут рассказчик, в котором читатели, наверное, уже давно узнали блудного сына, вдруг прервал свой рассказ и нежно взглянул в глаза матери. Она как бы онемела. Она слушала молодого человека, затаив дыхание, и теперь рассматривала его пристальным взглядом. Ей уже и раньше во время рассказа приходила мысль, что этот незнакомец — ее сын, но, боясь горького разочарования, она гнала от себя эти мысли. Но после последних слов молодого человека не оставалось больше никаких сомнений. Тот, который стоял перед ней, — был ее сын, ее оплаканный Бернард. Чаша переполнилась... Она не могла и слова вымолвить.

Но уже в следующее мгновение сын, рыдая, опустился перед ней и спрятал лицо на ее коленях, и тогда глаза матери устремились ввысь в блаженной радости. Потерянный нашелся! Бог чудно ответил на ее молитвы!..

Новая сестра

Солнце ярко светило. Высокие стволы деревьев ароматно благоухали. Мох, на котором вытянулась Лена, был теплый и сухой. Радовало это все ее или

нет? Она попробовала ответить себе на этот вопрос утвердительно, но затем пришло раздумье, и она заколебалась. Родителям она бы, конечно, ни за что не созналась, что ее абсолютно не радовал приезд приемной сестры. Но, лежа здесь, в лесу, в жаркий обеденный час, не так легко было себя убедить, что в ней было только желание узнать, кто она такая. Почему ее назвали Леонора? Она бы сама хотела иметь такое имя. В ее часто самой выдуманных и потом рассказанных сказках и историях все героини были Леоноры. И вот теперь чужая девочка приедет сюда откуда-то из-за границы, где все люди коричневые, и хочет жить здесь, в красивом доме лесничего, где живет Лена, и, может, навсегда. Наверное, оба мальчика, ее братья, будут с ней приветливы, а до сих пор они любили только ее, свою единственную сестру. Уже теперь она ревновала их к чужой Леоноре. Лежа здесь, на солнце, которое просвечивало сквозь кроны деревьев, Лена в первый раз созналась себе, что это злое, буравящее чувство — была ревность.

Она вскочила и побежала в сад, в котором жужжали пчелы, а мать рвала смородину.

— Скоро отец будет здесь с Норой, — крикнула мать дочери. Лена подошла к кусту, начала срывать ягоды и сказала:

— Да, уже два часа. Папа хотел последний кусочек пути пройти пешком.

Лене было двенадцать лет, и она каждый день со своим братом-близнецом Иохеном ходила в школу в близлежащий маленький городок. Но теперь были каникулы, прекрасные длинные летние каникулы! Чужая Нора и тут немножко помешала, так как Лена с

матерью хотела на днях навестить друзей, но теперь ей сказали: «Нет, мы должны быть все вместе, когда бедное дитя приедет».

Конечно, Нора потеряла мать, а ее отец должен был оставаться за границей. Он был плантатором и не мог оставить у себя своего единственного ребенка, но в конечно счете... Лена сама не знала, как ей докончить свою мысль, — она была исполнена нетерпения и гнева.

Но вот послышались голоса: мальчики быстро пошли навстречу отцу. Они были очень любопытны и, вероятно, предполагали, что явится чудо-ребенок из Суматры. Вчера вечером они все время искали этот остров на карте. Там Норин отец имел плантации кофе. Мать поспешила к дому:

— Они идут! Они идут!

Лена медленно последовала за ней, но сперва подбежала к бочке с водой, чтобы помыть покрасневшие от ягод руки. Она тщательно их мыла, что совсем не было ее привычкой. Таким образом, все уже были в доме, когда она пришла. Лесничий Гербич был высокий, видный мужчина. Он, в своей зеленой одежде, стоял посреди уютного кабинета, держа за руку маленькую, изящно одетую чужую девочку. Она крепко обхватила широкую руку дяди. Хотя еще час тому назад он был ей чужим, незнакомым, но поездка в одноконной пролетке до леса и путешествие затем до дому по более короткой дороге сделали его для нее более близким, чем эти два бойких мальчика, которые ее донимали разными вопросами, и чем высокая, очевидно, строгая тетя, которая подала ей руку. Если бы Нора посмотрела в ее серые глаза, то почувствовала бы, что за мнимой строгостью таилось

много доброты. Она боязливо опустила глаза и молчала.

Лена же увидела, что ее спокойная мама прослезилась. Это мгновенно вызвало в ней противоречивые чувства. Она совсем не находила это чужое дитя таким трогательным. Когда мать с Норой пошли в мансарду, где Нора должна была жить с Леной, Иохен радостно сказал Лене:

— Ты знаешь, она выглядит совсем неплохо! Лена же сказала:

— Коричневая, как кофе, говорит, как обезьяна.

Это были глупые слова, написанные в какой-то старой книжке с картинками и невольно пришедшие сейчас ей на память. Братья рассмеялись. Это ее обрадовало.

— Она коричневая, а вернее всего, желтоватая, — сказал Фриц, старший брат (он был уже в шестом классе), — и к тому же худая. Но мама, конечно, ее откормит. — С этими словами он засвистел и пошел во двор к отцу, который указывал слуге, куда девать поклажу.

Лена осталась одна с Иохеном. Ей не хотелось идти наверх, и поэтому она предложила брату пойти искупаться на речку. Но ее позвала мать:

— Пришли вещи Норы. Распакуй их вместе с ней и разложи в ящики. Я же быстро приготовлю для Норочки обед.

С купанием, значит, ничего не вышло. Лена пошла по лестнице наверх. Над Нориной кроватью мать повесила красивый, изготовленный ей самой текст:

«Так говорит Господь: Я... был с тобою везде, куда ни ходил ты».

Этот текст из второй книги Царств показался матери особенно подходящим для одинокого ребенка.

Нора тихо остановилась перед ним, и ее губы слегка шевелились, как бы повторяя эти слова. Затем она вдруг подошла к окну и молча в него посмотрела. Ярко светило солнце, шумел лес, и доносилось пение птиц.

Лена почувствовала в своем сердце позыв: «Подойди к ней, дай ей руку и покажи, что ты будешь ее любить!» Но этот тихий голос, называемый совестью, быстро умолк. Лена, наклонившись над чемоданом, спешно и неохотно его распаковывала. Она ведь хотела идти купаться!

Когда Лена вынула из чемодана белье и небрежно бросила его на свою кровать, оно зацепилось за гвоздь в стене. Нора побежала, чтобы его снять. При этом она спросила:

— Это твой любимый текст?

Лена нетерпеливо оглянулась, но затем задумчиво остановилась. Она уже давно не читала текст над своей кроватью, который ей на Рождество подарила мама:

«Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает».

Ей было неприятно читать это именно сейчас. Она как бы стряхнула с себя всякие мысли, но гнетущее чувство все же осталось. Нора, не получив ответа, робко посмотрела на свою новую кузину и ясно почувствовала: она ее не желает здесь видеть. «О, мама, дорогая мама, почему ты так рано покинула свое дитя?» Но теперь надо смириться со всеми обстоятельствами — убежать уже нельзя было...

Вдруг раздался сердечный голос тети:

— Нора, иди кушать!

— Но мы еще не готовы, — несмело сказала девочка.

На что Лена ворчливо ответила:

— Оставь! Тут так мало хлама, что я и сама управлюсь.

И Нора, удрученная, ушла.

Этот день был началом каникул, которые каждый год были полны всяких приключений. Но сейчас все было не так, как всегда. Лена сердито утверждала, что ее предчувствие оправдалось. То братья предлагали: «Нора еще не знает речки. Давайте возьмем ее ловить рыбу!», то отец говорил: «Девочка может поехать с нами в лес — она тихенькая, как мышь, она не вспугнет дичь».

Это Лену особенно злило, так как она, по своей живости, частенько вспугивала дичь, несмотря на предупреждение отца. Со стиснутыми зубами она смотрела на одноконную пролетку, в которой сидела худенькая чужая девчушка в своем белом платьице, с черным шарфом, потому что там, на родине, ей не успели сшить траурное платье.

Иохен, который проявлял особый интерес к растениям и естествознанию, часто показывал свои находки Норе, чем ее очень радовал. А ее пальчики были способны приготовить к высушиванию нежный папоротник или мох. Лена от этого всегда отказывалась, а теперь сердилась за это на кузину. От матери это, конечно, не скрылось. Полная волнения и огорчения, она видела, как корень злобной ревности все больше разрастался в сердце ее ребенка. Она знала ее упрямый характер и что словами ничего не достигнешь — они только больше ее распалят. Она

старалась вызвать в сердце Лены сочувствие и любовь к девочке, лишенной матери, но Лена равнодушно отмалчивалась. И мама должна была только молиться и надеяться, что Бог откроет сердце ее дочери и пробудит в ней совесть.

Но вот начались занятия в школе. Фрицу надо было опять ехать в Лигниц, где он посещал школу и жил у родственников. Ближайший маленький городок не имел реального училища, и поэтому старший должен был уезжать, но один раз в месяц, в воскресенье, при хорошей погоде он приезжал на велосипеде домой. Иохен, Лена и Нора каждый день ездили в школу тоже на велосипедах. Норе мать дала свой, хотя и старый, но еще хороший велосипед. Лене очень не нравилась теперь езда. Раньше они с братом быстро мчались вперед, а теперь надо было ехать тихо, так как Нора еще слабо владела велосипедом.

Подруги по школе ждали с нетерпением и любопытством «новенькую». Она была на полгода старше Лены, но из-за слабых знаний попала не в тот класс, где была Лена, а ниже. Лена этим была очень довольна. На перемене все расспрашивали ее об «иностранке». Некоторые девочки говорили:

— В ней что-то особенное, сразу видно иностранку.

Но Лена смеялась:

— Я этого не нахожу.

На следующий день после урока географии Марго, дочь врача, которая особенно дружила с Леной, попросила ее показать на карте, где родилась и жила Нора. Другие тоже подошли:

— Да, покажи, это интересно!

Лена длинным указательным пальцем стала водить по карте. Навела палец на Тихий океан и стала его приближать к островам севернее Австралии. Вот указатель подошел к длинному острову — Суматре, но тут она изменила направление, намеренно или нет, и указатель вдруг остановился на Борнео. Крик радости вырвался у всех, все знали песенку про Борнео и уже запевали ее:

«Борнео — моя родина, и поэтому я такая тупица».

Лена с удовольствием слушала, она знала, что это первое впечатление останется надолго. Но затем ее указатель, как бы нехотя, вновь заскользил по карте возле Суматры.

— Не-ет! — сказала она. — Тут где-то вблизи, на одном каком-то острове она родилась.

При этом указатель ее остановился на Суматре, где ее дядя имел плантации кофе. Но никто больше не смотрел на карту. С громким пением этой глупой песни толпа девочек устремилась во двор школы. Только Марго, свертывая карту, думала о чем-то, так как она хорошо знала свою подружку Лену. Затем она спросила:

— Значит, Суматра? Или другой остров? Что ты хотела показать? Лена вдруг покраснела.

— Конечно, Суматра, ты же видишь, что я показала!

Марго ничего не ответила. И обычно разговорчивые подруги вышли молча, явно расстроенные.

На дворе девочки играли все вместе. Только Нора стояла немного поодаль и ела свой завтрак. Фрида Ластман, самая большая и самая дерзкая девочка из

всего класса, которую все боялись за ее язык, торжественно прошла мимо Норы и пропела:

— Борнео — моя родина.

Все рассмеялись. Только Марго сердито проворчала:

— Ну, начала ерундой заниматься!

Лена отошла в сторону, ей было не по себе. С намерением ли она это делала? Без намерения? О, ее не надо было об этом спрашивать, она слишком хорошо знала ответ.

Глупая песня раздавалась на всех переменах, и Нора вскоре поняла, к кому она относилась. На ее робкое возражение: «Но я ведь там не родилась», ей отвечали: «Но вблизи него». И Нора уже больше не защищалась. Некоторые из ее товарищей по классу, которые полюбили тихую, нежную Нору с ее огромными карими глазами, рьяно ее защищали, но это никак не помогало. Большая Фрида, как бы по рассеянности, всегда мурлыкала эту песенку. Для Норы перемены были мучением. Она старалась, когда никто это не замечал, оставаться в классе или же искала во дворе самые глухие углы, чтобы быстро проглотить свой завтрак.

Все это Лена великолепно видела, хотя Нора никогда об этом ни звука не произносила. Лена была убеждена, что кто-то рассказал Норе, как указатель шествовал по карте. Этот «кто-то» была Фрида. Лена знала, что она любила сеять раздоры. И, конечно, она использовала этот случай, чтобы показать Норе, что ее ближайшие родственники сами дали повод к насмешкам над ней.

Так прошло несколько недель. Стояла последняя пора сентября. Солнце бабьего лета освещало

пестревший разными цветами сад. Как светились яркие астры и георгины! Как краснели яблоки! Нора собирала падалицы и относила тете, которую очень полюбила. Вообще, если бы не было Лены и школы, то здесь было бы очень хорошо. А дядя! Какой он был хороший! Нора иногда вечером долго не могла уснуть и, лежа с открытыми глазами, думала о своей новой жизни и о том, что текст над кроватью относится именно к ней:

«Так говорит Господь: Я... был с тобою везде, куда ни ходил ты».

И тогда она молилась: «Дорогой Господь! О, если бы Лена меня полюбила и если бы девочки позабыли эту странную песню!»

В тот день, в субботу, когда Нора с полным передником яблок пришла в кухню, а Лена передавала возвратившемуся отцу поручение, которое сообщили по телефону, Иохен пришел домой со школьной экскурсии. Вид у него был раздраженный и сердитый. У него был такой характер: что у него было на душе, то он сразу же выкладывал за пять минут, нравилось это людям или нет. Родители, зная его прямоту, имели терпение и всегда его выслушивали. Вот и теперь отец сразу заметил, что он еле сдерживается, чтоб не обрушиться на кого-либо.

— Ну, Иохен, где горит?

Лена выжидательно посмотрела на брата. Тот, взглянув на нее, запнулся, но затем гнев опять взял верх.

— Я нахожу это чрезвычайно подлым! Нора никогда ничего не говорила, но как это ей обидно! Ведь она родом не из Борнео. Кто же выдумал эту песню и сплетню?

Лена так густо покраснела, что Иохен сразу догадался. Он пожал плечами:

— Я нахожу это подлым! Каждый дрянной мальчишка поет эту песню, едва завидя Нору, я этому сегодня свидетель. И Бернер Рот мне сказал, что его сестра на переменках всегда это поет, а глупая Фрида обычно зачинщица всему. Всегда одно и то же. Ну, я объявил Вернеру, что если он этому не положит конец, то будет бой!

Отец покачал головой:

— Ни один человек не разберется в твоих словах. Скажи точно, что случилось?

Иохен стал быстро и возбужденно рассказывать, как мальчики его сегодня на экскурсии дразнили кузиной из Борнео, как потом одно за другим выяснилось, что девочки из класса Лены страшно дразнили Нору, что в своем классе ее любили, и весь класс негодовал на класс Лены. Иохен замолчал. Он предчувствовал, что Лена тут была причиной всему. Едва он умолк, как из кухни послышался голос Норы, а затем матери:

— Нора, отнеси это письмо дяде, у меня слишком грязные руки, чтоб его открыть.

И Нора вошла в комнату с письмом в руке. Отец только что хотел ответить на тираду Иохена, как Нора, немного робея, подала ему письмо. Иохен заметил, какой боязливый взгляд она кинула на Лену. Отец быстро разорвал конверт, пробежал глазами письмо и, довольный, улыбнулся:

— Браво, Норочка! Ты так быстро догнала! Вот учительница пишет, что тебя на следующей неделе переведут в Ленин класс, так как по знаниям ты их догнала.

Он погладил темную головку Норы, затем поднял ее опущенное лицо и с удивлением увидел слезы в ее больших глазах. Лена отвернулась к окну. Ей стало душно.

— Разве тебя это не радует? — спросил дядя удивленно.

Нора отрывисто покачала головой:

— О, прошу вас, оставьте меня в моем классе, там такие милые девочки!

— Но в классе у Лены девочки тоже хорошие, да, кроме того, там вы будете вместе, обе сестры!

Но вдруг он вспомнил только что услышанное от Иохена и недовольно нахмурился.

— Тебя, наверное, там дразнят глупой песней, не так ли? И ты боишься туда идти? — прибавил он.

Норино лицо из бледного стало красным, но она храбро покачала головой.

— О нет, это не так страшно!

— Ну вот, видишь! К тому же там Лена, которая тебя всегда защитит. Подожди-ка, Лена уж найдет бесстрашную гусыню, которая выдумала всю эту бессмыслицу!

Лена с сильным страхом подумала: «Вот теперь она расскажет, кто это выдумал!»

На некоторое время воцарилось молчание, а затем Нора тихо сказала:

— Конечно, дядя, Лена меня поддержит.

Иохен тихо свистнул. Лена поняла этот свист. На их детском наречии это означало: «Гром и молния! Вот так дело!» И Лене стало стыдно, как еще никогда не было в жизни.

Отец стал работать и отпустил детей, еще раз ласково взглянув на Нору:

— Ты же всем ясно доказала, что на Суматре живут умные люди, не правда-ли?

И Нора постаралась благодарно ему улыбнуться. Лена же исчезла, как будто провалилась сквозь землю.

Кто еще ни разу не испытал, что такое «вина преступления», что значит темное, скрытое пятно на душе, тот думает, что надо только немножко воли и своими силами исправить то, в чем когда-либо ошибся. Но Лена чувствовала слишком хорошо, что это не было простой ошибкой. Не ошибка это была. Когда указатель скользил по карте и остановился на Борнео, то это была не ошибка, а преступление, — злое, бессердечное дело. Дело, которое нельзя предать забвению или покрыть молчанием. О, как это колет и гложет сердце! Как это совершенное дело отравляет всю радость, или оно кричит о себе, когда кто похвалит тебя! И вот, теперь еще ласковый взгляд отца, когда Нора тихо сказала: «Да, Лена меня поддержит».

Она не заслужила этот ласковый взгляд. Выходит — обман и воровство! Как она могла это сделать? А Нора? Она молчит, не жалуется, она еще никогда не сказала ни одного слова.

Все те жестокости, равнодушные или пренебрежительные слова, которыми она угощала осиротевшую кузину, конечно, в отсутствии родителей, горели в ее сердце теперь подобно множеству ран. Лена стояла в лесу на коленях и плакала. Кто бы мог ей помочь?

«Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает», — вспомнила она. О, если это так, то Бог от нее далек — ужасно далек. Как Он мог жить в ее

сердце, когда там вместо любви — ревность, вместо жалости — черствость, и к кому же? К той, которая так нуждается в ее сестринской поддержке! А она думала, что она дитя Божье! Вечером со всеми, не углубляясь в смысл, молилась: «... И прости нам долги наши...», а холодным сердцем каждый день умножала эту вину. В ее ушах резко звучала глупая, некрасивая песня.

Сумерки опускались над лесом, и с сумерками все яснее раздавался внутри Лены голос Бога, увещевая и осуждая ее, но вдали как бы что-то светилось, и ей слышалось: «Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды» (1 Иоан. 1, 9).

«Исповедуем...», не значит ли это сознаться? Да! Но это, ах, как страшно и тяжело!

Семья давно уже сидела за ужином. Лены не было. Где же она? Мать стала беспокоиться. Иохен глубоко задумался. Ему было стыдно за свою сестру. По своей суровой юношеской манере он все время отдавал Норе свои любимые кушанья, как, например, смородиновую кашу со сладкими сливками, как бы желая этим исправить все дело. Нора улыбнулась ему кротко и благодарно. На сердце у нее была большая тяжесть. Послезавтра ей нужно было идти в новый класс. Что там будет?! Ее руки судорожно сжались под столом. Она почти бессознательно тихо повторяла все время: «Дорогой Господь! Дай мне мужество все перенести».

Встали из-за стола. Лены все еще не было.

— Посмотри, где же она, — сказала мать сыну.

— Сорная трава не пропадет! — ответил он сухо, но все же пошел в сад, чтобы поискать ее. Но там

никого не было. Вот послышался звонок на вечернее богослужение, и он пошел в дом.

Спустя некоторое время, едва только отец начал читать Слово Божье, наружная дверь тихо скрипнула. Это могла быть только Лена, так как все домашние находились в комнате на богослужении. Но тихие шаги замерли перед дверью, которая случайно была полуоткрыта. Она слышала, как отец благоговейно и торжественно прочел текст из Второзакония 26,18: «И Господь обещал тебе ныне, что ты будешь собственным Его народом».

Лене показалось, что ни один текст Библии не относился к ней более, чем этот. Она — собственность Божья! О, нет, ни в коем случае! Это годилось для Норы. Да, конечно, для нее. Бог сегодня, наверное, радовался ее мужественному молчанию, ее кротости и смирению. И Лена опять горько заплакала. Когда домашние, то есть слуги, вышли в другую дверь, Лена встрепенулась. Сейчас или никогда!

Дверь изнутри открылась. Это была Нора, которая в сумерках наткнулась на Лену. Нора радостно воскликнула:

— Вот она! Тетя Гедвиг, вот она!

Это был радостное восклицание, ибо Нора сочувствовала беспокойству тети. Этот радостный возглас тронул сердце Лены. Она схватила Нору за руки и потащила ее в комнату.

Иохен, увидев заплаканное лицо сестры, вновь коротко, но выразительно свистнул. И этот свист имел свое значение. Он как бы говорил: «Всегда вперед, только мужайся!» Этот свист служил им условленным знаком в игре в прятки или «принцесса и разбойники». Лена быстро взглянула на Иохена и серьезно кивнула.

А затем, не таясь, рассказала о том дне, когда она на карте нашла Борнео, и обо всем том, что произошло дальше, рассказала и о том — и это было самое тяжелое, — что она Нору раньше ни капельки не любила. Тут она запнулась, затем продолжила:

— Не понимаю, почему я так относилась к ней. Наверное, просто не хотела ее любить.

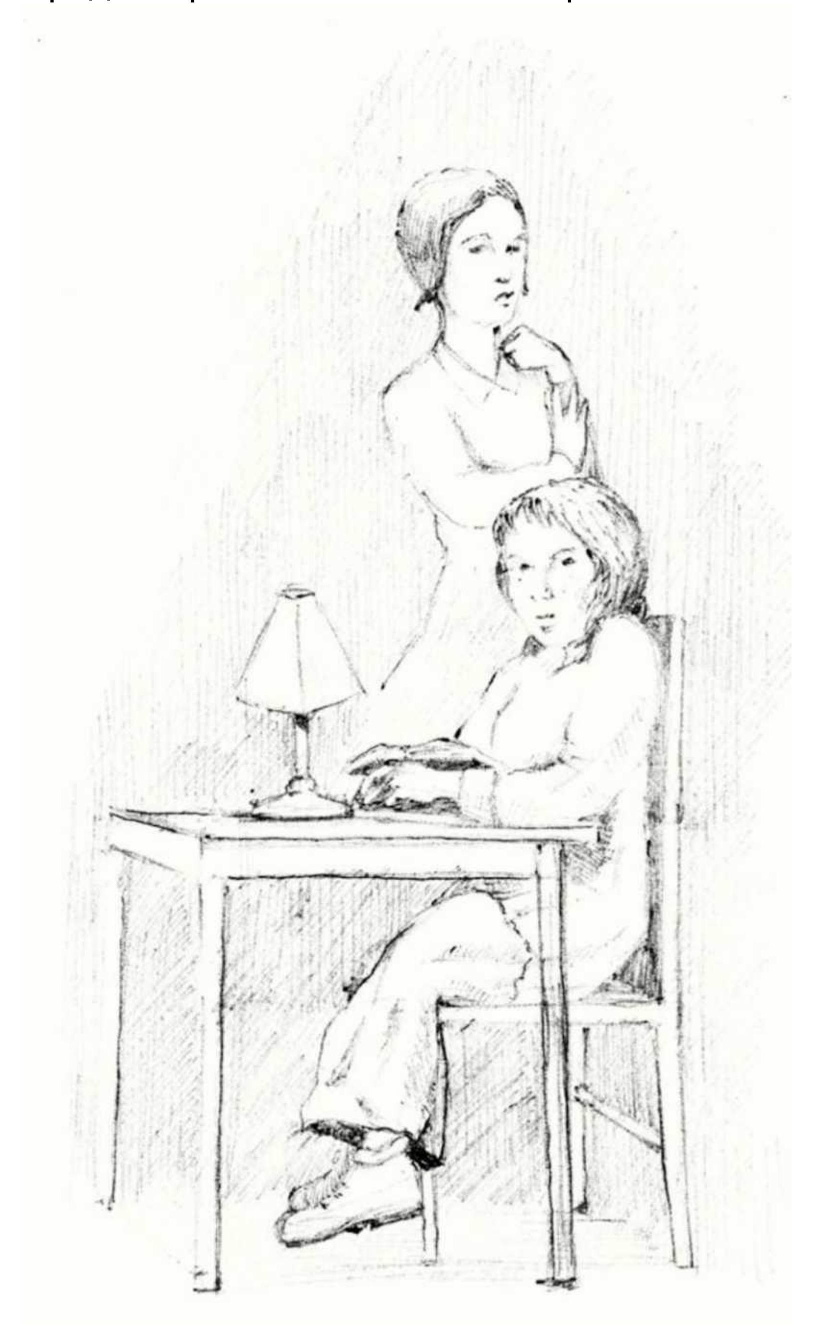
В комнате воцарилась тишина. Но в эту же минуту Нора обеими руками обхватила Лену, нежно ее поцеловала и сказала:

— Но теперь ты моя сестра, не надо печалиться.

И как будто этим голосом Лене было послано прощение. И драгоценное слово, которое ей было не по нутру раньше, теперь засияло перед ней своей правдой: «И Господь обещал тебе ныне, что ты будешь собственным Его народом».

В тихий вечерний час мать еще много говорила со своей дочерью, и слова эти ею никогда не забывались и в свое время принесли плоды. Но пришел еще один необычайно тяжелый день для Лены: она, красная, как вареный рак, и с сильно бьющимся сердцем призналась девочкам своего класса, что поступала очень подло по отношению к Норе, которая с этого дня будет учиться вместе с ними, и что она всех убедительно просит прекратить глупое пение и поддразнивание, не то она опять будет чувствовать себя виноватой перед Норой. А потом она еще ясно добавила, что Марго и она всегда возьмут сторону Норы, а потому пусть берегутся все и не дразнят ее больше. Это было нелегко — сказать девочкам, но зато какое счастье, что Нора и она теперь так сдружились. Она не понимала, как раньше могла быть

такой плохой. Этот вопрос очень часто вставал перед ней и предостерегал ее от высокомерия.

Два домика у ручья

В конце небольшой деревни, недалеко от опушки леса, стояли два маленьких домика, окруженных садами и небольшим лугом. Между ними протекал ручей, через который был проложен узкий деревянный мост.

В одном из домиков жил ткач Гофман со своей женой и веселой толпой детей. Другой же домик был долгое время необитаем, так как старики, которым он принадлежал, быстро умерли один за другим.

В доме ткача царили счастье и мир, потому что родители были богобоязненны, любили друг друга и воспитывали детей в страхе Божьем.

Заработок ткача иногда был очень скудным, готовую продукцию приходилось носить в город, что зимой было очень затруднительно.

Но, к счастью, они имели еще доход: два маленьких поля давали им немного зерна и картофеля, а за огородом жена так ухаживала, что могла продать не одну корзину овощей и цветов.

Дети старательно помогали на огороде: вырывали сорняки и приносили из ручья воду для поливки. В вознаграждение за это они могли для себя лично обработать маленькую грядку, и не было ничего вкуснее, чем редиска и салат, выращенные на этой грядке, и смородина с оставленного для них куста.

Мать не любила, когда дети бывали в деревне. Она хотела всегда видеть их рядом с собой и очень беспокоилась, когда кого-нибудь не было дома.

Как только они немного начинали разбираться в жизни и могли кое-что делать своими ручонками, она нагружала их посильной работой и при этом никогда

не проявляла нетерпения, а наоборот, хвалила их за прилежание. Так что они все делали с радостью и от души. Мать могла с ними весело и добродушно пошутить, когда они резвились на маленькой зеленой лужайке. Когда она вечером сидела в комнатке и чинила старую одежду, все дети сидели на корточках вокруг нее, чтобы внимательно слушать ее прекрасные рассказы.

Отец был таким же, хотя подчас он бывал очень серьезен и строг и не оставлял без наказания ни одной шалости. Он стремился к тому, чтобы дети научились чему-то настоящему. Он очень любил, когда они со своими учебниками садились возле его ткацкого станка, и он терпеливо выслушивал заданные им уроки, пока они не закреплялись в их маленьких головках. Если же он работал в поле, то радовался, ожидая вечера, когда все выбегали ему навстречу, а самый маленький ребенок тянулся к нему на руки.

Но самая счастливая пора для семьи — драгоценное воскресенье. Лизочка, старшая дочь, полагала, что нигде на свете нет такой красивой комнаты, как их комната в воскресенье утром. Ткацкий станок отдыхает. Все торжественно приготовлено к богослужению, пол вымыт до белизны, окна сияют чистотой. И когда родители и дети в нарядной одежде сидели за украшенным букетом цветов столом и звонкими голосами пели утренний псалом, разве не было у них в домике как на небе? А затем все шли в церковь, а кто должен был остаться дома с маленьким ребенком, тот с радостью ожидал вечера, когда настанет его черед.

Летом они вместе ходили в поле и лес, отец показывал им природу и говорил о том, как Бог все

хорошо, прекрасно и дивно создал для людей. Зимой мать доставала красивые игрушки, которые родители купили детям к Рождеству, а отец показывал картинки в книжке, которую хранил в шкафу, и радовался, когда старшие дети могли толково объяснить библейские картинки.

Так счастливо и весело росли дети. Они даже считали себя богатыми, хотя ботинки у них были только в холодные зимы и редко что-то другое появлялось на столе, кроме картофеля, вкусного молочного супа, благодаря их козе, и лесных ягод, которые они сами собирали. О ссоре и драке они так мало знали, что боязливо убегали скорей домой, если по дороге из школы какой-нибудь сорванец-мальчишка начинал драться или говорил плохие слова. Но это случалось редко, так как в то время еще все жили в деревне по доброй старой традиции, и еще не было на улицах, как теперь, ругательств и проклятий.

Но однажды пришло множество рабочих. Они приехали по новой железной дороге, которую проложили недалеко от этой деревни. Эти рабочие построили для себя на большом прекрасном лугу, где раньше пасли скот, деревянные избушки. Затем они подкопали грунт, и ежедневно стали приходить вагоны с камнями, из которых они начали строить высокое длинное здание с множеством окон и с трубой выше церковной колокольни. Затем привезли прядильные машины, и фабрика была готова. Кончилась тихая, мирная деревенская жизнь. Пришло много чужого народа. Кто только имел свободную комнатку, отдавали ее внаем, хотя и было построено много новых домов. В деревне теперь стало оживленнее и можно было легче заработать что-нибудь, но лучше от

этого не стало. Если больше имеешь, то больше и проживаешь. Особенно молодые люди вскоре стали требовательными и падкими на развлечения. Только некоторые из них изъявляли желание помогать родителям работать в поле и дома по хозяйству, большинство же предпочитало работать на фабрике. В деревенском трактире, где раньше мужчины спокойно выпивали стакан пива и, поговорив о состоянии урожая, расходились по домам к женам и детям, теперь каждый вечер было очень шумно, а в воскресенье в недавно построенном зале танцевали всю ночь.

Гофманы не очень радовались этим переменам и стали еще более, чем всегда, обособляться. Они были рады, что живут настолько далеко от центра, что их дети в воскресенье вечером не слышат бешеную танцевальную музыку и ничего не знают о разнузданном поведении людей в трактире. По странной случайности, домик на другой стороне ручья все еще пустовал. Многие бы хотели его занять, но сельский староста говорил, что он не отдается внаем, так как сын стариков, которым он принадлежал, скоро должен приехать и вступить в наследство. Только немногие помнили этого сына, и эти люди не радовались, что он вернется, потому что он был необузданным мальчиком, который не захотел больше подчиняться родителям и из упрямства убежал от них. Гофманы немного опасались этого соседства, но ведь с течением времени необузданный Петр мог измениться к лучшему.

Однажды теплым осенним вечером родители сидели перед дверью дома, отдыхали и радовались игре детей, которые весело прыгали вокруг них. Вдруг

стали слышны громкие голоса и стук колес по дороге из деревни, и вскоре на другом берегу ручья между деревьями показалась телега, покрытая серым рваным полотном, которую тащила худая белая лошадь. Возле телеги шел огромный бородатый мужчина. Из-под полотна выглядывали две лохматые мальчишеские головы, а из внутренности телеги раздавался грубый женский голос. «Ох, если бы это только не были новые соседи, — вздохнула жена. — Они выглядят такими неспокойными, необузданными». Но это были они.

Телега остановилась перед домиком. Двое мальчиков восьми и десяти лет спрыгнули на землю. За ними последовала женщина с сердитым лицом, и, наконец, оттуда была вынута и посажена наземь девочка. Она была закутана в одеяло и осталась сидеть неподвижно, как будто была беспомощным младенцем, хотя по возрасту ей можно было дать пять или шесть лет.

— Может быть, нам надо пойти и немного помочь этим людям? — спросила робко жена. — Лизочка тем временем уложит малышей спать.

Муж кивнул.

Оба пошли через мостик и приветливо подошли к чужим людям.

— Господь да пребудет с вами, дорогие соседи, и да благословит Он ваш въезд, — сказал Гофман. — Будем хорошими соседями, так как тут мы должны рассчитывать только друг на друга, до деревни порядочный кусок пути.

— Это я вижу, — проворчала женщина. — Ваш дом расположен так близок к нашему, что мы можем смотреть в кастрюли друг друга.

— Это не в моем обычае, — ответила мать. — Да и у меня совершенно нет времени, чтобы любопытничать о делах других людей. Мы хотим только сегодня помочь вам. Вы уже ужинали?

— В трактире мы заплатили довольно дорого, — был ответ мужчины. С этим он открыл дом и вошел в свою собственность без единого слова молитвы или благословения.

Мальчишки срывали с телеги легкие вещи и несли в дом, мужчины переносили малочисленную мебель. Имущество новых соседей состояло из всякого хлама. Кровати были грязные, стол и скамья тоже были покрыты грязью прежней квартиры. Этого жена Гофмана не могла перенести. Она быстро сбегала к себе на кухню и скоро вернулась с ведром и щеткой и стала все чистить. Это вызвало гнев хозяйки.

— Бросьте-ка этот хлам! — вскричала чужая женщина. — Если для ваших глаз не блестит все ярким блеском, то вам незачем туда смотреть!

— Было бы вообще лучше, если бы вы оставили нас одних, — добавил ее муж. — Я устал и хочу спать!

Добрые люди печально побрели домой. Хотя уже было почти совсем темно, мальчишки все еще неистово носились вокруг дома, девочка же все еще сидела на земле и тихо плакала. Жена Гофмана сострадательно нагнулась к ней и увидела миловидное бледное личико с большими серьезными глазами, обрамленное короткими темными волосами.

— Иди же в дом, дитя, на дворе становится прохладно, твоя кроватка постелена, — сказала она ласково.

Девочка ничего не ответила, но была так печальна, что женщине стало жаль ее.

— Как тебя зовут? — спросила она, гладя ее по головке. — Почему ты плачешь? Ты, может быть, голодна? Ты хочешь кушать или пить?

— Пить, — заикаясь, с трудом проговорила девочка и указала тоненькими пальчиками на рот.

И опять добрая женщина побежала через мостик, принесла чашку козьего молока и подала ее девочке, которая обеими ручками обхватила чашку и стала жадно пить. В это время вышел из дома новый сосед. Он вгляделся в темноту и затем быстрыми шагами направился к ребенку, в то время как жена Гофмана стала спешно уходить, чтобы вновь не услышать бранные слова.

Человек же нежно поднял с земли девочку, которая своими ручонками обхватила его за шею. Он крикнул совершенно изменившимся голосом:

— Благодарю вас, соседка, что вы были добры к моей бедной Ганнели.

— Что же с ней? Она больна? — спросила приветливая женщина, снова подходя ближе.

— Два года назад она болела скарлатиной, — ответил мужчина, — с температурой и в бреду прыгнула с кроватки и сильно простудилась, а моя жена в это время бранилась с соседкой на улице. С того времени у нее начались судороги, и она осталась такой убогой и умственно отсталой. Вот теперь вы знаете все, я неохотно говорю об этом, мне всегда больно от этого.

И, круто повернувшись, он понес ребенка в дом. Жена же Гофмана была исполнена глубокой жалостью к бедной матери, которая своим легкомыслием послужила причиной такого жалкого состояния ребенка. Она решила быть с соседями как можно

приветливее и оказывать им любовь. Но это было трудновыполнимое решение, так как они были совсем неприступные люди и не подходили к безобидной, простой семье ткача.

Необузданный Петр, так в деревне его все еще звали, рано утром уходил на фабрику, где он нашел хорошо оплачиваемую работу, так как был очень ловким и сообразительным человеком. Обедать он приходил домой очень редко, потому что знал, что дома его никогда не ожидает вкусно приготовленный обед, и еще менее — приветливое лицо жены. Он покупал себе в деревне хлеб, колбасу и наполнял свою флягу, которую всегда имел при себе, водкой. Только вечером он спешил домой, зная, что Ганнели ждет его, чтобы он отнес ее в кроватку. Как он ни был суров и груб, но по отношению к ребенку оставался нежен и кроток, как ягненок. Почти ежедневно он ей что-нибудь приносил: то булочку, то кусочек колбасы или сахара. Вечером девочка не находила покоя до прихода отца. Приходя домой, он носил ее на руках на свежем воздухе, затем укладывал в кроватку и сидел возле нее, пока она не уснет. А потом опять шел в трактир, возвращался поздно и ложился спать, не заботясь о жене и мальчиках.

Всю работу по дому, огороду и на кусочке поля, принадлежащем ему, он предоставил жене. Она с утра до ночи работала, и все же нигде не было порядка, так как она не имела любви и охоты к своим обязанностям и всегда бывала недовольная и сердитая. Оба мальчика уже могли бы ей помогать в работе, но их никто к этому не приучал. Придя из школы домой, они бросали свои книги в угол, хватали кусок хлеба и опять убегали, несмотря на крик матери, запрещавшей

уходить. Они бродили по всей деревне, дрались, бросались камнями, дразнили собак, разгоняли гусей, и вскоре все маленькие дети стали их очень бояться. Но когда начали поспевать фрукты, они все эти удовольствия оставили и с утра до вечера слонялись по садам, то собирая, то срывая с деревьев плоды, сколько им хотелось. Поймать их никто не мог. Они были быстры, как олени, и лазали по деревьям, как кошки. Даже единственная груша на лугу Гофмана не избежала их разбойничьего набега. Рано утром, когда еще все спали, они в одних рубашках бегом бежали через мостик, вооруженные шестом и граблями, сбивали с груши, что могли достать, и, насмешливо хохоча, убегали, чтобы еще в кровати покушать украденное добро. Просьбу жены Гофмана воспрепятствовать этому бесчинству жена Петра восприняла очень негативно:

— Я же не могу привязать этих мальчишек! А вы думаете, что эти фрукты растут только для вас? Я думаю, что для всех.

Дети Гофмана старались как можно меньше встречаться с буйными мальчишками, но они очень жалели бедную Ганнели. При хорошей погоде она целый день сидела на своем стульчике у двери, а при плохой погоде — у окна. Мать не пренебрегала ею. Она давала ей кушать и содержала ее довольно чисто, но никогда не ласкала ее, не разговаривала с ней. Братья тоже не знали, как с ней играть, они ее часто пугали своими дикими выходками. Вначале дети Гофмана пытались прийти к бедной больной девочке, чтобы принести ей что-нибудь: то пестрые камушки из ручья, то кусочек картофельного пирога, который мать

иногда пекла. Но едва они переходили мостик, как соседка откуда ни возьмись налетала на них с криком:

— Убирайтесь отсюда, с моей травы. Как она может расти, если вы ее топчете?

Так пришла зима, и надо было больше сидеть дома. Семья Гофмана мало-помалу пришла к убеждению, что с соседями добрых отношений наладить не получится. Где только могли, там они охотно помогали, сносили терпеливо злые проделки мальчишек — так, по крайней мере, мир не нарушался между ними, а одно это было уже важно.

Только одиннадцатилетняя Лизочка не могла с этим смириться. Она была смышленой девочкой, с мягким и любящим сердцем.

В первый раз в своей пока еще короткой жизни она наблюдала за людьми, которые не были счастливы, не встречали радостно друг друга, и — что было самое ужасное — ничего не хотели слышать о Боге. Она ждала одно воскресенье за другим, не пойдут ли их соседи в церковь вместе с ними, но этого не происходило. Когда они возвращались из церкви, то соседские мальчишки выглядывали из окна еще неумытые и лохматые, а сама соседка занималась в день Господень всякой черной работой. Даже на Рождество, когда в домике ткача все так радовались и ликовали, из соседнего дома не доносилось пение рождественских гимнов и не горела елочка. Лизочка все это замечала. О, как она жалела этих бедных, безрадостных людей, а особенно больную девочку.

— Разве мы ничего хорошего не можем сделать бедному ребенку? — часто спрашивала она свою мать.

— Имей терпение, доченька! Бог тебе укажет, когда для этого наступит время! — ответила мать.

И вот, наконец, когда весеннее солнце вновь посылало свое тепло на землю, Лизочка, прилежно работая в огороде, опять стала заглядывать в соседский двор, где Ганнели, немного окрепшая за зиму, медленно ходила на маленьких костылях, которые ей смастерил отец. Она уже и не была такой печальной, как раньше. Иногда можно было даже слышать, как она смеется, когда дети Гофмана кувыркались на траве и прыгали наперегонки с козой.

Когда в саду распустились первые пурпурно-красные тюльпаны, и Лизочка в восхищении стояла перед ними, она вдруг услышала позади себя нежный голосок:

— Ганнели, цветок, красивый красный цветок!

И, обернувшись, она увидела больную девочку. Та протянула просительно ручку и, когда Лизочка вложила в ее руку самый красивый цветок, так блаженно улыбнулась.

— О Ганнели, как же ты одна прошла по мостику? Идем, я поведу тебя домой, чтобы ты не упала в воду.

— Нет, нет! — вскричала Ганнели, сильно качая головой. — Здесь остаться, здесь красиво и хорошо!

С этими словами она села на траву, повертела в руке цветок и засмеялась. Вскоре прибежали младшие дети и любопытно поглядывали на маленькую гостью.

— Не смотрите так на нее, она будет опять бояться, — сказала им Лизочка. — Лучше играйте перед ней во что-нибудь, это ее обрадует.

Дети, взявшись за руки, пошли хороводом вокруг маленькой девочки и запели при этом песенку о похищенной королеве. Затем все присели перед

Ганнели и рассмеялись. Она громко возликовала и захлопала в ладошки. Таким образом была заключена дружба с Ганнели. С тех пор одинокое дитя часто стояло у моста, ожидая увидеть приветливые лица в соседнем саду.

Девочка вскоре знала имена всех. Она звала их, и они переносили ее через мостик и подставляли ей скамеечку, где она могла удобно сидеть. Если они работали, то она терпеливо следила за ними, если же они играли и пели, то она была чрезвычайно довольна и счастлива и охотно играла бы с ними, но для этого она была слишком слаба. Если она была одна с Лизочкой, то очень гордилась, считая, что очень помогает ей, держа грабли и леечки и внимательно следя за работой.

Соседка замечала, конечно, эти посещения Ганнели, но ничего не говорила. Иногда, зная, что ее не замечают, она против своего желания наблюдала за играющими детьми и радовалась, когда слышала веселый смех своей Ганнели. Дочка становилась все веселее, научилась лучше говорить и почти все понимала, что ей говорили. Она могла даже уже различать, поют веселую или печальную песенку.

Однажды в воскресенье в послеобеденное время Лизочка была одна дома. Родители пошли в гости к тете в город и взяли с собой всех малышей. Девочка сидела у порога дома и держала на коленях красивую книжку с картинками, представляющими земную жизнь Спасителя, начиная от яслей до Вознесения. Эту книгу отец редко давал детям в отсутствии старших. Лизочка было очень рада, что могла ее теперь смотреть одна, и в первый раз она не только не порадовалась, но даже немного подосадовала, когда

увидела, что Ганнели осторожно переходит мостик. Но взгляд на картинку, которая ей открылась, быстро изменил ее мысли. Ведь там был нарисован добрый Спаситель, к Которому приносили много хромых, слепых и других больных, чтобы Он их исцелил. И еще на картинке была стройная девочка, которая заботливо вела за руку свою больную сестричку, опиравшуюся на костыль. «Что если этой девочкой должна быть я? — подумала Лизочка. — Может быть, мне надо привести Ганнели к Иисусу? Хорошо, попробую это сделать. Кто знает, может быть, она меня поймет — она не такая глупая, как говорят».

Вот уже больной ребенок тоже сел у двери и любопытно взглянул в книгу. Вдруг ее бледное личико осветилось радостью, и, показывая пальчиком на ребенка с костылем, она удивленно спросила:

— Это Ганнели?

— Да, — сказала Лизочка, — это Ганнели, а вот, смотри, добрый Человек. Его зовут Иисус. Он может сделать Ганнели здоровой, так что она сможет бегать и прыгать.

— А играть и водить хоровод?

— Ну конечно.

— Идем, Лизочка, идем скорее к доброму Человеку.

— Он живет там, наверху, в прекрасном голубом небе. Мы должны еще немного подождать, пока Он нас туда возьмет. Но Он слышит, когда мы Его о чем-нибудь просим. Посмотри на эту картинку, как Его просит больной человек. Так и ты должна сделать, тогда Он услышит тебя.

Внимательно и задумчиво смотрела Ганнели на картинку, затем сложила ручки, посмотрела на небо и сказала:

— Дорогой добрый Человек на небе, сделай Ганнели здоровой!

Это был первый для Ганнели урок из Слова Божьего, и ему последовали еще много других. Родители Лизочки радовались, что их доченька так старается привести к Иисусу бедное дитя, и охотно давали ей эту красивую книгу. Многое Ганнели, конечно, не могла понять, но постепенно она все же поняла, что добрый Небесный Отец сотворил все, что видимо, и что Иисус из любви к людям пришел на землю, чтобы взять с Собой на небо всех людей.

— Ганнели также, — заканчивала каждый раз девочка, когда Лизочка рассказывала ей это.

На картинках она везде узнавала Спасителя, ласково проводила своими тонкими пальчиками по Его лицу. Она очень полюбила Его. Раньше она временами была вспыльчивой, раздраженной и сильно кричала, но теперь это случалось с ней все реже, и часто она даже благодарно улыбалась матери, когда та ей что- нибудь делала или давала. Но дома она ничего не говорила о том, что волновало ее, да она и сама не знала, что с ней происходит. Иногда она повторяла про себя короткие песни и молитвы, которые выучила, слыша их очень часто. Ее мать вначале не обратила на это внимания, но когда заметила, то сказала сама себе: «Хорошо, что хоть одна у нас в доме молится! Мне иногда делается страшно, когда я слышу, как напротив вечерами так красиво поют, а мои мальчики приходят домой и ругаются и дерутся. Разве это не похоже, что с одной

стороны небо, а с другой ад? Но теперь уже слишком поздно и ничего не изменишь. Во всем виноват Петр».

О да, Петр был плохим малым. Двенадцать лет назад он был видным парнем, веселым, мужественным, хорошо зарабатывал. Она познакомилась с ним на танцах и через некоторое время вышла за него замуж. Первое время они жили весело, радостно, хорошо. Но вскоре все изменилось. Петр ни на какой работе долго не задерживался: то ему не нравилась работа, то он ссорился с начальником, так как был ужасно своенравным. Итак, они переезжали с места на место. Едва только она немного обживалась, как опять надо было упаковываться. К сожалению, она не умела молиться, не научилась и просить у Бога силы и терпения и мало-помалу потеряла всякое желание устраивать для мужа уют, стала ворчливой и сварливой женщиной. Вначале они еще вместе ходили на танцы и другие развлечения, — и это была их единственная радость. Но когда появились дети, а с ними всякие болезни, то это прекратилось. Петр сам шел в трактир, жена оставалась дома, и они все больше становились чужими друг для друга. Муж тратил много, дома часто не хватало самого насущного, и дети росли без всякой дисциплины. Когда же, наконец, по вине жены, маленькая девочка стала больной, то из дома исчезла последняя искорка радости и мира, так как муж был привязан к миловидному ребенку со всей силой своей страстной натуры.

Когда семья, после бесконечных скитаний туда и сюда, приехала в домик у ручья, то жена Петра завистью смотрела на мирное счастье соседей, и часто ей приходило желание разрушить это счастье

ссорой и руганью. Постепенно ее сердце смягчилось, когда она увидела, с какой приветливостью жена Гофмана относилась к ней. Она заметила, что и соседский дом не остается без трудностей: случались болезни, безработица и другие маленькие печали. Но в такие дни эти люди еще больше любили друг друга и еще крепче держались вместе. Ах, почему это не могло быть и у них? Петр даже года не проработал на фабрике и ушел оттуда. Однажды он пришел домой совсем разъяренным, потому что надзиратель сделал ему маленький выговор, и он заносчиво объявил, что больше туда не пойдет. Несколько дней он так слонялся без работы, затем нашел работу у лесорубов, высоко в горах. Теперь он часто целыми днями не приходил домой, а если приходил, то только ради Ганнели. Приходя, он бросал на стол несколько грошей. Но иногда заработок бывал, наверное, хорош, тогда в доме пекли пироги, и несколько дней в семье было изобилие всего.

В один из таких дней он с Ганнели на руках ходил по двору и кормил ее печеньем, которое принес для нее. Но девочка уже не так любила эти лакомства, как раньше, когда была жадная до еды и питья. Теперь она смотрела на окрашенные по-осеннему деревья, на голубое небо и на первую звездочку, которая ярко блестела.

— Смотри, папа, — сказала она, улыбаясь, — все это сделал добрый Бог!

— Кто это тебе сказал?

— Лизочка, — ответило дитя. — Я еще больше знаю.

— Что же?

— Бог видит все и слышит все, Бог знает все.

Отец вздрогнул, быстро отнес ее в дом, положил в кровать и ушел, не поцеловав, как делал обычно. С тех пор он все реже укладывал ее спать, но она не плакала, а спокойно и мирно засыпала, сказав свои короткие молитвы. На глаза матери иногда поневоле навертывались слезы, когда она слышала, как Ганнели с трудом шептала: «Господь Иисус, Тобой я живу. Господь Иисус, в Тебе я умру. Господь Иисус, я Твоя навсегда: и в жизни, и в смерти со мной будь всегда. Дай мне блаженство там у Тебя. Аминь».

Петр становился все суровее и неприступнее и при встрече больше не здоровался с соседом Гофманом.

— Что с вами, сосед? — спросил ткач его однажды. — Что я вам сделал плохого?

— Вы ничего не хотите делать плохого, — последовал ответ, — но вы похищаете у меня единственную радость, которую я имею на земле.

— Как это понять? Я вас совсем не понимаю!

— Я говорю насчет ребенка. Жена ворчливая, мальчишки необузданные, одна Ганнели была лучиком в моей жизни. О, как я ее любил, когда она еще была здорова и была такой красивой и нежной крошкой! Но когда она, бедняжка, стала больной, я ее еще больше полюбил и знаю, что и она меня любила всем своим существом. И вот, вы играми и весельем переманили ее к себе, и я радовался, так как она так мало радостей видит в жизни. Но вам не довольно этого, вы еще забили ей голову вещами, о которых я знать ничего не хочу, — вскричал он, гневно топнув ногой. — О, я уже давно заметил, как блестели ее глазки, когда она говорила про себя свои краткие молитвы. Я теперь уже не являюсь для нее всем.

Раньше она всегда плакала и кричала, когда меня вечером не было, а теперь она молится — и довольна. Зачем бедной дурочке молиться? Если б Бог был добр, то Он не допустил бы, чтобы она стала такой больной.

— О, сосед, — ответил Гофман, — как мне вас жаль! Как мне хотелось бы помочь вам! О, если бы вы могли поверить, что Бог любит вас и вашего ребенка! По всей вероятности, Он допустил ее болезнь, чтобы привлечь вас к Себе. Моя Лизочка в своей детской простоте рассказывала ей немного о Боге и Христе. Разве это не чудо, что ограниченный разум ребенка мог понять всю любовь Спасителя? Разве вы из этого не видите, что Бог всемогущ? О, обратитесь и вы к Нему! Тогда увидите, как обрадуется ваш ребенок и как она станет вас любить еще более, чем раньше.

— Слишком поздно! Я погряз уже слишком глубоко. Ребенку я не буду препятствовать, она все равно не послушает меня. Но меня оставьте идти своей дорогой.

С этими словами он резко повернулся и ушел. Последние слова Петра очень опечалили и заставили задуматься Гофмана. Он уже давно опасался, что тот пошел плохим путем, а теперь это ему стало совершенно ясно. В местных лесах водилось много дичи, но существовал строгий запрет охотиться без разрешения. Раньше никто никогда не был замечен в браконьерстве, но в последнее время лесничий часто жаловался на это и при всем своем старании не мог поймать браконьеров. Иногда в светлые лунные ночи Гофман слышал в лесу выстрелы, а через некоторое время Петр тихонько, чтобы не быть замеченным, приходил домой.

Однажды Ганнели играла с кроликом позади дома Гофмана. Она нежно гладила его, а потом печально сказала:

— Папа зайчика — пуфф! Бедный зайчик!

Наверное, Петр говорил с женой о тайной охоте, думая, что ребенок ничего не поймет. Эта новость тяжелым грузом легла на сердце честного Гофмана, но он не мог решиться стать доносчиком, а так как после этого долгое время выстрелов не было слышно, он стал надеяться, что Петр отказался от опасного промысла. Тем временем пришла зима, и Ганнели стала уже настолько смелой, что сама приходила к ним комнату и с удивлением рассматривала все великолепие, которого у нее дома не было: немногие картины на стене, цветущие комнатные растения на окнах и пестрые чашки в стеклянном шкафу. Комната была маленькая и тесная, и для игр в ней не было места, поэтому Лизочка часто думала, чем же занять Ганнели.

Разве нельзя научить ее хоть немного читать и вязать? С большим терпением она все вновь и вновь это пробовала. Ганнели с большим рвением держала книгу на коленях и показывала пальцем на буквы, но запомнить хоть одну она не могла. С вязаньем дело обстояло не лучше. Но, в то время как другие работали, она терпеливо сидела с тряпочкой и пропускала через нее иголку с ниткой. Так ее маленькая душа, которая легко открылась для небесного света, для земного знания была совсем недоступна.

— Что будет с Ганнели, если она ничему не может научиться? — сетовала Лизочка. — Ведь ей скоро идти в школу!

— Не мучь ребенка, — посоветовала мать. — Она никогда не пойдет в школу. Бог скоро возьмет ее к Себе на небо, и там она сразу станет умнее нас всех.

— О, мама, неужели ты думаешь, что она умрет? Я думала, что она полностью выздоровеет, ведь у нее в последнее время такие розовые щечки.

— Да, это так, но разве ты не замечаешь, что она совсем не растет и часто сильно кашляет? О, пожелай же ей, чтобы Бог уже взял ее! Подумай, какая у нее, больной и беспомощной, была бы жизнь на земле!

С этим Лизочка должна была согласиться, но мысль о смерти Ганнели была для нее очень тяжела.

На Рождество Ганнели, счастливая, стояла под маленькой рождественской елочкой и, нежно качая куклу, которую смастерила ей Лизочка, снова и снова просила:

— Петь, дети, красиво петь!

Ведь рождественские песни она любила больше всего. Весной она начала слабеть и не могла уже часто приходить к соседям. Казалось, что и душа ее, и ум опять начали засыпать. Врач, которого однажды позвали, не дал им никакой надежды. Он считал, что она едва ли протянет год.

Отец не хотел видеть все возрастающую слабость дочери, потому что боялся ее потерять. Он приносил ей разные лакомства, чтобы поддержать ее, и небольшие игрушки, чтобы ее развлечь, но она стала очень редко смеяться, и, когда отец уходил, отдавала лакомства братьям. Мать же, напротив, очень хорошо видела, что маленькая жизнь угрожает скоро погаснуть, и у нее было тяжело на сердце при мысли о том, что она дала первый толчок к этому. Как бы она хотела узнать, простит ли ее за это Бог, но из чувства

ложного стыда ни с кем не говорила об этом. Она только стала более мягкой и кроткой и часто сама подавала знак Лизочке, чтобы та пришла и побыла немного с Ганнели. Тогда глаза ее дочери блестели и, хотя малышка мало что уже говорила, было видно, что она понимает ласковые слова своей маленькой учительницы.

Но Лизочка, к сожалению, не могла подолгу задерживаться у нее, так как уже зарабатывала на хлеб. Она помогала жене школьного учителя по хозяйству, нянчила ее маленького ребенка, так что очень мало времени бывала дома.

В один прекрасный день осенью она с корзиночкой в руках шла в город, чтобы кое-что закупить для своей хозяйки. Когда она возвращалась домой, было уже довольно поздно, и она избрала короткую дорогу через лес. Как прекрасно было в лесу! Лиственные деревья уже начали пестреть желтой и красной окраской, в то время как сосны еще красовались в темно-зеленом уборе. Небо синело сквозь ветви деревьев, и солнце золотило мягкий мох под ногами девочки. Лизочка, задумавшись, шла вперед. Она думала о Ганнели, которая вскоре должна будет покинуть эту прекрасную землю. «Но как ей будет хорошо там, в райском саду, где она сможет играть с ангелами и лицом к лицу увидит Господа Иисуса, Которого так любит. Когда и я приду на небо, она меня, наверное, узнает и обрадуется, увидев меня. Но когда это будет? Может быть, пройдет еще много-много лет, а может быть, будет скоро. Но как Бог хочет, так да будет! Если на земле все так прекрасно, то как же будет на небе?» Так думала девочка, быстрыми шагами идя вперед. Но что это? В

кустах послышался какой-то шорох. О, как прекрасно! Статный олень в сопровождении самки пробежал совсем близко от Лизочки. Олени остановились на маленькой просеке и стали там есть траву. Девочка неподвижно стояла за кустом, любуясь ими.

Раздался выстрел. Быстрые олени, невредимые, исчезли. Лизочка же испустила громкий крик, пошатнулась и схватилась за руку. Кровь стекала из руки на ее светлое ситцевое платье, она чувствовала острую режущую боль, но все же еще держалась прямо, прислонившись к стволу дерева.

— Я ранена! Помогите мне! — вскричала она испуганно.

Но никто не приходил. У нее потемнело в глазах, но уже в следующую минуту она оправилась настолько, что могла продолжать свой путь. Она перевязала руку носовым платком и побежала вперед, движимая страхом и волнением.

— О, если бы я уже была дома! Дорогой Господь, приведи меня к маме! — молилась она и бежала, бежала, хотя колени дрожали, и платочек промок от крови.

Лизочка, как могла, обернула руку еще фартуком и бежала дальше. Наконец она услышала шум ручья, который от сильных дождей был очень полноводным. Вот он уже виден, он мчится с того холма — теперь ей уже недалеко. О, как бедную девочку мучила жажда! Как горела рана! Она подошла к краю берега и нагнулась, чтобы зачерпнуть рукой воды, но тут же потеряла сознание. Испустив тихий крик, она кубарем скатилась бурлящую воду, и волны покрыли ее с головой.

Ганнели в тот день было очень скучно. Вся семья Гофмана пошла на поле собирать картофель. Братьев во время сбора урожая фруктов никогда не было дома, а мать вся погрузилась в домашние дела. Ганнели чувствовала себя очень слабой и усталой и часто дремала, сидя на своем стульчике. Когда же солнце начало садиться, она немного ободрилась, так как в это время Лизочка обычно приходила к ней.

Все кругом было тихо. Доносился только шум ручья и стук мельницы. Вот теперь блестящий шар, которым она всегда так любовалась, опустился к горизонту, но яркое красное зарево еще было на небе и отражалось в воде. Закрыв глаза худенькими ручками, она смотрела в блестящую воду, но вдруг ее поразил внезапный испуг. Быстро, как никогда, она вскочила и громким голосом закричала:

— Дорогой Господь, дай силы Ганнели! — и бросилась бежать, словно здоровая, по траве к мостику, легла на него и низко наклонилась к воде.

— Лизочка, моя Лизочка! — кричала она снова и снова.

Волны несли бесчувственную Лизочку как раз под мост, но Ганнели ухватила своими слабыми руками мокрое платье Лизочки. Конечно, ее мизерных сил не хватило бы. Она или должна была выпустить ее из рук, или же сама упала бы в воду. Но как раз, когда силы изменили ей, и она еще раз отчаянно вскрикнула, мать прибежала из дому и чуть не остолбенела от страха при виде этой картины. Но, быстро собравшись силами, она подскочила и вырвала девочку из волн. Ганнели же упала на мостике без чувств.

Вдали послышались веселые голоса. Это семья Гофмана возвращалась с поля домой. Двое детей были запряжены в маленькую тачку, другие толкали ее сзади изо всех сил, а родители шли позади, неся различный сельскохозяйственный инвентарь. Зоркий взгляд матери первым заметил печальную группу у ручья. Испустив испуганный крик, она помчалась вперед, и дети побежали за ней, плача и рыдая. И вот обе матери стояли на мосту, каждая со своим бесчувственным ребенком на руках. Когда жена Гофмана услышала, что сделала Ганнели, она поцеловала мертвенно- бледную голову маленькой спасительницы и проговорила сквозь слезы:

— О, соседка, смотрите, как наши дети любили друг друга, даже до смерти. Пусть же и среди нас царит любовь и мир, что бы Господь ни послал!

— О, я этого так хотела бы, — рыдая, ответила та. — Меня уже давно влечет к вам, но Петр не пускает.

— Бог и его найдет, — сказала, утешая ее, жена Гофмана и понесла своего ребенка в дом.

Отец взял дочь на колени и постарался снять мокрую одежду.

— Благодари Бога! — крикнул он матери. — Она не мертвая. Но что это? Вот платок весь в крови. Наше бедное дитя ранено, пуля попала в нее.

Теперь и руки отца задрожали, а мать громко запричитала, снимая окровавленное платьице. Но вскоре выяснилось, что это было только поверхностное ранение, что сама по себе рана не опасна.

Через некоторое время благодаря стараниям отца Лизочка приоткрыла глаза. Счастливая улыбка озарила ее лицо, когда она посмотрела на родителей.

— Мама... Папа... О, слава Богу! — прошептала она.

Она терпеливо переносила все, что они с ней делали. Наконец, укутанная в теплые одеяла, она уснула. У кровати же склонились родители и дети, вознося благодарственную молитву за ее спасение из такой двойной опасности.

Когда малыши были уложены спать, и все дела закончены, отец сказал:

— У Петра еще горит свет. Пойду посмотрю, что с Ганнели.

Придя к дому Петра, он тихо открыл дверь в комнату. О, как там все было печально! Ганнели лежала на кровати, и все ее маленькое тельце судорожно дергалось в спазмах. Время от времени она вскрикивала от боли. Мать же сидела возле нее в бездействии, рыдая и заламывая руки.

— О, сосед! — вскричала она испуганно. — Что мне делать с ребенком? Точно так же было четыре года назад, когда стряслась эта беда. Тогда Петр был вне себя, а что будет теперь? О, я бедная! Ничего не вижу на земле, кроме нужды и горя! Лизочка умерла?

— Нет, она жива.

— Вот и опять видно: у вас все хорошо, Бог вам всегда помогает, потому что вы благочестивы. Нас же Он давно оставил!

— Тише, потише сейчас. Помогите мне тепло укутать девочку, а на голову ей положите холодный компресс. У меня дома есть успокоительное лекарство, которое доктор дал моему Иакову, когда он

недавно болел. Дадим Ганнели немного этого лекарства.

И действительно, от принятых мер больное дитя стало спокойнее, но так изменилось, что Гофман почувствовал, что Бог приближает ее конец.

— Сейчас мне надо идти домой, — сказал он. — Если я вам понадоблюсь, то, не стесняясь, крикните, хотя бы это было среди ночи. Не плачьте больше, но попросите у Бога прощения, если вы что-то упустили в жизни этого ребенка, и предоставьте все в Его святые руки.

Но едва только добрый человек вышел в сени, освещенные яркой луной, как в них вошел Петр с ружьем за плечами. Увидев соседа, Петр испугался, отскочил в сторону и громким голосом закричал:

— Что случилось? Что вы здесь делаете?

— А вы что делали в лесу? — серьезно спросил Гофман, спокойно встречая дикий взгляд Петра. — Моя Лизочка, раненая и окровавленная, упала в ручей, и вода понесла ее. Ваша Ганнели удержала ее под мостиком, не то ее отнесло бы к мельнице на верную смерть. Но страх и усилия, употребленные вашей девочкой, вконец сломили остаток ее силы, и она сейчас лежит при последнем издыхании.

Петр с такой силой бросил ружье в угол, что оно затрещало, и помчался в комнату, изо всей силы стукнув дверью. Гофман пошел в свой тихий дом, послал жену спать, а сам долго еще молился об обращении дикого соседа.

За ночь погода изменилась: суровый осенний ветер срывал листья с деревьев, и холодный дождь хлестал в окна. Тихие и печальные дни воцарились в обоих домиках у ручья. Лизочка из-за потери крови и

простуды в холодной воде подхватила сильную лихорадку, но благодаря заботливому уходу родителей победила болезнь уже через несколько дней. Только теперь она могла подробно рассказать родителям, что случилось. В конце рассказа она обхватила шею отца руками и сказала:

— А теперь я еще могу вам что-то сказать, но не правда ли, вы об этом никому ничего не скажете? Когда я так испуганно кричала о помощи, будучи ранена, мне показалось, но только на одно мгновение, что за кустом я вижу лицо человека. И знаешь ли, отец, на кого это лицо было похоже?

— На Петра? — спросил отец взволнованно.

Лизочка кивнула.

— Но, может быть, мне это только приснилось, мне ведь так много чего снилось во время лихорадки. Вот я вам все сказала и теперь не буду больше думать об этом.

— Правильно, — заключил отец. — Бог, если Ему это угодно, выведет всю правду на свет. Мы же никому о ранении говорить не будем. Я велел малышам молчать.

Лизочка очень сильно горевала о своей любимой Ганнели, ведь она была ей обязана жизнью. Как она хотела посетить ее, едва только смогла вставать, но отец не допускал этого, да она и сама робела и страшилась встречи с Петром, который, по словам родителей, не выходил из дому и держал дверь на замке. Внутри же, в доме Петра, все выглядело очень печально. Больная Ганнели лежала безучастно на своей кроватке, никого не узнавала и ничему не радовалась. Петр почти все дни и ночи напролет сидел возле нее и с трепетом ждал, не узнает ли она

его и не улыбнется ли ему. Мать охотно спросила бы совета у опытных соседей, чем можно было бы облегчить страдания больной, но Петр с таким злобным лицом запретил ей всякие отношения с соседями, что она не осмелилась идти наперекор ему.

Так прошло восемь дней. И вот однажды вечером состояние Ганнели вдруг изменилось. Она стала беспокоиться, старалась подняться, с томленьем смотрела вокруг себя и протягивала ручку, как она раньше это делала, чтобы ее вели. Отец взял ее руку, но она отняла ее у него. Он приносил ей все, что раньше ее радовало, но она отталкивала его от себя, упорно от него отворачивалась, хотя он называл ее самыми нежными именами. После этого несчастного случая она ничего больше не говорила, теперь же силилась выговорить и наконец с трудом выдавила:

— Петь, дети, петь, — и начала говорить это без конца.

Тогда Петр позвал своих мальчишек, которые сидели со страхом в углу, и сказал им:

— Разве вы не можете подойти и спеть песню бедной крошке? Мальчишки подтолкнули друг друга и прошептали:

— Давай, ты первый.

— Но я ничего не знаю.

Им ведь никогда не приходило на ум петь дома. Они были рады, когда в школе с бесконечными запинками проговорят свой стишок, чтобы как можно скорее опять забыть его. А песни улицы, которые они свободно пели, здесь были не к месту. Это и они понимали.

— О, вы, никчемное отродье! — закричал сердито Петр. — Каждый день бываете в школе и не можете

спеть песню, когда нужно! Жена, знаешь ли ты что-нибудь?

— Так же мало, как и ты, — плача, произнесла она. — Все забыто в горе и нужде.

— Петь, дети, петь! — громче выкрикивала Ганнели. — Красиво петь. Лизочка, добрый Человек уже здесь!

Тогда Петр встал, одну минуту боролся сам с собой, затем вышел в бурю и дождь и постучал к соседям. Лизочка сидела у стола и ела питательный суп, который ей прислала жена учителя. Когда она увидела входящего Петра, то быстро отложила ложку и убежала к отцу за ткацкий станок.

— Ганнели желает вас видеть, — дрожащим голосом начал необузданный сосед, — она хочет слышать ваше пение. Это, наверное, ее последнее желание.

Отец накинул на Лизочку платок, взял ее на руки, кивнул остальным, и все они пошли к Петру. Лизочка робко подошла к маленькой кроватке, так как ей еще не приходилось видеть умирающих. Глаза же Ганнели засияли от радости, она протянула свои ручки и обхватила шею девочки и долго так ее держала. Стало так тихо, что Петр испугался, что душа ребенка отойдет, и дочка так и не узнает его. И он закричал:

— Ганнели, моя любимая дочка! Не умирай же так, посмотри еще раз на меня, скажи мне хоть одно слово, ведь я тебя так люблю!

Лизочка ласково высвободилась из рук Ганнели, взяла ее маленькую холодную руку и вложила в руку ее отца.

— Смотри, Ганнели, вот твой папа! Ты его любишь, не правда ли? Ты ведь ему еще что- нибудь скажешь?

И умирающая устремила серьезный взгляд своих красивых глаз на отца, показала пальчиком вверх и отчетливо произнесла:

— Папа, приди к доброму Человеку!

Затем она устало опустилась на подушку и прошептала:

— Петь, дети, петь!

И Лизочка начала рождественскую песню, которую Ганнели очень любила:

«О, милый Иисус, тверды ясли Твои, На сене лежишь Ты, Спаситель земли. Так спи же спокойно и глазки закрой, Окончив путь жизни, пойдешь Ты домой... Возьми же и нас Ты в Свой вечный покой!

От рыдания Лизочка не могла больше петь, да и другие все плакали. Только маленький пятилетний Иаков взял себя в руки и спел чистым, звонким голоском другую песню:

«На небе, на небе, Много радостей там! Там ангелов хоры, Там Бог встретит Сам!»

— И Ганнели также, — сказала умирающая со счастливой улыбкой, повернула головку и умерла.

Петр с сильным криком упал у кроватки, и его сильное тело содрогалось от судорожных рыданий. Семья Гофмана попрощалась с горько плачущей соседкой и хотела тихо уйти, ибо они знали, что такое горе должно вначале уняться, прежде чем подействует слово утешения и увещания.

Но Петр вдруг вскочил с пола и вскричал:

— Не уходите! Отправьте только малышей! Я должен сказать что-то Лизочке, мне надо высказаться,

иначе я пропаду. Лизочка, тебя мое дитя любило, ты имела ключ к ее бедной замкнутой душе. И я тебя поэтому ненавидел. Это я ранил тебя в лесу.

— Ради Бога, вы же не хотите сказать, что вы нарочно целились в невинного ребенка? — воскликнул Гофман.

— Нет, я хотел застрелить оленя, но попал в девочку. Я все равно убийца, так как, когда Лизочка закричала, я из-за куста увидел, как кровь стекала на ее платье, но меня как бы пронзила радость. Я подумал: «А как часто мое сердце исходило кровью, когда я видел, как Ганнели любит тебя больше меня!» Когда же Лизочка побежала, я следовал за ней издали и, наконец, увидел, что она упала в ручей. Если бы я поспешил, то смог бы ее вытащить. Но я не сделал этого. Я отвернулся и сказал сам себе: «Если Бог есть, то пусть спасет ее, она же всегда молилась Ему!» И Бог ее спас, вот она стоит здоровая, а моя Ганнели умерла. Я же теперь точно знаю, что Бог есть, потому что Ганнели перешла к Нему, но я ее никогда больше не увижу. Теперь вы знаете все, теперь вы, Гофман, можете донести на меня, так как я тот браконьер, которого они давно уже искали. Мне все равно, что со мною станет, только прости ты меня, Лизочка! Ты сумела сделать так, чтобы последний взгляд и последние слова моего ребенка предназначены были для меня, поэтому моя ненависть к тебе исчезла, уступив место любви. О, скажи, что ты меня прощаешь!

— Прощаю от всего сердца, — сказала девочка просто, подавая ему руку. — Но почему же вы думаете, что никогда не увидите Ганнели? Придите к доброму Человеку, как она вам напоследок сказала!

Вы ведь знаете, Кто Он. Даже если бы вы меня застрелили, и то Он вам простил бы, если бы вы Его попросили. А теперь я еще раз поцелую Ганнели и пойду домой. Я еще очень слаба.

В то время как обе женщины со слезами переодевали покойницу, Гофман кротко говорил возбужденному Петру:

— Доносить на вас я совсем не намерен. Я уверен, что вы с этих пор оставите плохой путь. Еще не поздно; именно сейчас, в данную минуту, Бог стучит в ваше сердце, поэтому откройте Ему, пока еще есть время. А сейчас успокойтесь, пусть здесь будет тишина. В комнате еще чувствуется шелест ангельских крыльев, которые несут вашего ребенка на небо; и плохое поведение здесь теперь неуместно.

Но Петр не мог быть спокойным. Его горе было слишком велико. Целую ночь он плакал и горевал; опять и опять целовал Ганнели и называл ее самыми нежными именами, как будто желая ее пробудить. Наконец он замолк, совсем изнуренный, но не лег спать, а все сидел и смотрел на Ганнели, пока ее не положили в маленький белый гроб. Ах, какая она была красивая! Она выглядела старше, чем была, лицо было умное, благородное, преображенное. Когда ее, наконец, вынесли из дома, то он в первый раз за долгое-долгое время взял свою жену за руку и пошел с ней за гробом, горько-горько плача.

Добрые соседи украсили могилку последними осенними цветами из своего сада и тихо ушли. Опечаленные родители остались одни.

— Вот теперь она навсегда ушла, — горестно вздыхал Петр. — Мы никогда больше не увидимся, никогда!

— О, Петр, — робко возразила жена, — она ведь на небе. Разве мы не можем туда же пойти?

— Как это туда пойти? Разве мы когда-либо делали то, что Бог от нас требует? Как же Он нас возьмет на небо?

— Но Ганнели ведь сказала тебе напоследок: «Приди, папа, к доброму Человеку!» О, если бы мы знали дорогу к Нему. О, если бы могли молиться о прощении и о силе для нашей жизни!

Петр глубоко вздохнул, и они печально пошли в свой запущенный домик, где было еще сиротливее и пустыннее без Ганнели.

Дети Гофмана легли спать. Родители же сидели еще при свете лампы перед открытой Библией и разговаривали о блаженном ребенке, чей дух теперь был освобожден от всех цепей, сковывавших его тут, на земле. Вдруг в дверь тихо постучали, и вошел Петр со своей женой.

— Я не могу жить без моей Ганнели, — сказал он, заламывая руки. — Я должен видеть ее или хотя бы обрести надежду, что я и моя бедная жена будем там, где наш ребенок.

Давно уже прошла полночь, когда оба они, держась за руки, вернулись домой: вернулись совсем другими, чем ушли. Бог оказал им милость, и они поверили, что и для них открыто небо ради Христа. Как велика была радость семьи Гофмана, когда в следующее воскресенье Петр с женой и детьми пошел в церковь, ничуть не смущаясь от насмешек своих прежних товарищей. Твердо и неуклонно шел он дорогой, ведущей его к Ганнели, и он очень скоро понял, какая это прекрасная, блаженная дорога!

Хотя подчас ему и его жене было трудно бороться со старыми, укоренившимися грехами, но, с Божьей помощью и с содействием добрых соседей, они их побеждали. Постепенно и мальчики подчинились дисциплине подчас строгого отца, потому что мать содержала дом в чистоте и создала в нем такой уют и тепло, что не хотелось из него никуда уходить.

Снова пришла весна. На свежих зеленых лугах царило веселое оживление. Соседские дети уже давно подружились, вместе работали на огородах, учились вместе, а вечером играли и пели вместе так мирно и радостно, что ангелы на небе, наверное, радовались, глядя на них. Петр давно уже вновь работал на фабрике и был на хорошем счету у всех честных, набожных людей деревни. Старые же товарищи оставили его в покое и не донимали его насмешками, видя, что он спокойно и твердо идет своей дорогой.

В обоих домиках у ручья царили теперь мир и страх Божий, но Петр и его жена все еще горевали о своей Ганнели и не могли забыть, как сильно они были перед ней виноваты. Бог же, желая им показать, что Он многомилостив и охотно прощает приходящих к Нему, подарил им через год миловидную дочку, которая была похожа на Ганнели. И тогда их сердца освободились от тяжести. Они вздохнули легко и свободно. Девочку назвали Лизой, и она вскоре стала Лизочкиной любимицей. Только она была не слабенькой и больной, как Ганнели, а крепкой, здоровой, смышленой, и расцветала, словно розочка, на радость родителям и для славы Божьей.

Бог может все

— Бабушка, Бог же может все, — сказала Настенька, — почему же Он не может сделать наше сено опять зеленым?

Старушка помедлила с ответом, в то время как ее глаза печально обозревали луг. Это был единственный их луг, которым она и ее внучка пользовались и доход от которого шел на прокормление двух козочек. И вот сено, которым они восемь дней тому назад еще любовались, теперь было разбросано по всему лугу, бесцветное и распространяющее дурной запах. Обе они только что перевернули его граблями.

Было похоже, что дождь, ливший несколько дней подряд, прекратился. Если завтра начнется жаркий день, то вечером сено можно будет привезти домой. Как радовались бабушка и внучка, когда после обильных дождей трава выросла так высоко! В воскресенье они вечером пошли гулять, немного посидели на солнечной меже и разговаривали о том, что уже многие годы трава не была такой густой, нежной и сочной, как в этом году, и как сено зимой понравится козам. Козы их были лакомки, далеко не все ели, что им давали, но если козы не ели, то не давали молоко. А молоко и картофель с небольшого поля за домом были почти исключительно единственной пищей старой женщины и ребенка. Но сено этого года даже таким требовательным животным должно было понравиться, иначе и не могло быть.

В тот вечер Настенька еще сорвала букет маргариток и незабудок, который целую неделю

красовался на окне низкой комнаты. И вот постепенно приблизилась пора сенокоса. Каждый вечер тяжело нагруженные телеги с душистым сеном уезжали в село. Почти все люди удачно собрали свое сено в этом благословенном году. Только сено бабушки еще оставалось на лугу. Оно было уже сухим, но вначале надо было убрать сено крестьянина Газе. Это был самый богатый человек в селе. Весь год бабушка работала у него, и даже Настенька помогала ему то в саду, то во дворе. Деньги ведь так были нужны: одежда и обувь становились все дороже. Кроме того, надо было выплачивать проценты за заложенный домик. Бабушка особенно много работала на Газе во время урожая. Она была еще бодрой женщиной, и у Газе ее ценили, как работницу.

Когда последняя телега с сеном с больших и малых лугов крестьянина Газе была в сохранности под крышей сарая, тогда Газе привозил бабушке домой сено с ее маленького луга. Привозил бесплатно, в придачу к ее обычному заработку. Так повелось у них издавна. И бабушка каждый раз очень благодарила за это.

И вот, когда завезли уже все сено Газе, и очередь дошла до бабушкиного сена, пошел дождь. Продолжался он многие дни. Небо было серое и грозное, несмотря на то, что и бабушка, и внучка посылали туда умоляющие взгляды. Сено становилось похожим на небо, нет еще серее, пока, наконец, не приобрело совсем черную окраску, как грозовые тучи, которые излились потоком дождей.

— Но, бабушка, разве Бог не все может? — повторила Настенька.

Старая женщина очнулась от своих дум и увидела, что внучка ожидала ответа. И она, колеблясь, сказала:

— Конечно, Он может все сделать, но ведь мы не знаем, что Он хочет на этот раз. Мы должны покорно принять все, что Он послал. Затем они молча и печально пошли домой, что было совсем не в их обычае. В ясных карих глазах Настеньки можно было прочесть, что она не удовлетворена ответом бабушки.

Вечером того самого дня другая пара шла той же дорогой. Это был Газе со своим единственным сыном Гавриилом. Они прогуливались до лесной опушки, чтобы посмотреть на картофель. Такие прогулки они часто делали в конце рабочего дня. Доктор сказал, что Гавриил должен много гулять и дышать сосновым воздухом, а что доктор в его отношении говорил, то должно было быть сделано. Газе был рассудительным, гордым, жестоким человеком, единственное мягкое местечко в его сердце занимал Гавриил — слабый хрупкий мальчик, который научился ходить только в три года и чьи худенькие щечки совсем не были похожи на яблоки в саду отца.

То, что Гавриил был таким слабым ребенком, случилось, вероятно, оттого, что его мать, покойная жена Газе, всю жизнь болела и ни к какой работе не была способна.

После ее смерти Гавриил был предоставлен в распоряжение прислуги, которая очень часто менялась. Конечно, отец заботился о том, чтобы у него внешне все было. Молоко, масло, яйца, самая нежная и сочная колбаса — всем этим пичкали его в любое время.

Когда Газе где-нибудь слышал или сам читал о каких-нибудь укрепляющих средствах, то всегда их доставал. Но что пользы было от всего этого, когда отсутствовали аппетит и жизнерадостность, без которых ребенок не мог нормально развиваться?

Когда бабушка с Настенькой приходили работать к крестьянину Газе, то он со скрытой завистью смотрел на здоровую краснощекую девочку. Каким образом эта бедная сирота, которую бабушка приняла к себе из жалости, при скудной пище — картошке и черном хлебе — так расцветала, как воробей в конопле, в то время как его любимый мальчик, у которого было все, всегда был такой бледный и жалкий?

Случилось же так, что, кроме крестьянина, на девочку еще кое-кто обратил внимание. Это был Гавриил, который, как всегда, сидел на ступеньках дома, плача, чем-то недовольный, когда мимо него прошли бабушка со своей внучкой.

— Иди сюда и сделай мне трещотку из картошки, — сказал он ворчливо, — у меня не получается.

Трещотки из картофеля, а также свистульки из ивы и чудесные шкатулки из ореховой скорлупы Настенька умела делать. Кроме того, она из одуванчика могла создавать прекрасные шары, а из васильков человечков, еще могла строить из цветов и веток самые красивые замки и в песке, который оставили каменщики, могла вырыть озера, так что все дети в селе любовались этими вещами.

С тех пор как Гавриил это узнал, Настеньке было запрещено помогать полоть или собирать на поле

камни. Она должна была быть с Гавриилом в саду или в доме при плохой погоде.

Для одинокого мальчика взошло солнце радости в присутствии этой приветливой веселой девочки. Гавриил с тоской ожидал возвращения Настеньки из школы. Крестьянин молча разрешал это общение. Если мальчик радовался в присутствии девочки, то ему это было только на руку. Гавриил оттаивал в ее присутствии, и когда девочка кушала вместе с ним, ел большим аппетитом.

Когда крестьянин со своим мальчиком в уже упомянутый вечер дошли до луга бабушки, Гавриил вдруг остановился.

— Это Настенькино сено! — сказал он, пораженный. — Почему оно такое черное?

— Потому что восемь дней шел дождь, мой мальчик, — ответил крестьянин. — Идем дальше, чтобы ужин не остыл.

Но Гавриил не ощущал голода, он стоял неподвижно и не думал идти дальше.

— Козы не едят черное сено, — сказал он упрямо.

Гавриил уже несколько раз ходил с Настенькой к козам и знал их особенности и повадки.

— Конечно, не едят, — сказал равнодушно крестьянин, — такое гнилое сено годится только на подстилку. Не моя это вина, что дождь пошел как раз тогда, когда мы закончили свою уборку сена. Пошли!

Но Гавриил остался стоять. Его синие глаза, которые обычно были усталыми и недовольными, вдруг оживились.

— Если бабушка не будет иметь сена, то Настеньке придется искать корм у изгородей, —

сказал он, — она не должна бегать по изгородям, она должна приходить ко мне.

Крестьянин удивленно посмотрел на своего мальчика. Эти слова прозвучали у него очень гневно, хотя это не было в характере Гавриила.

— Я ничего не могу поделать, — сказал Газе успокоительно, — она придет тогда, когда у нее будет время!

— Но Настенька должна иметь время. Она не должна искать корм! — вскричал избалованный мальчишка и топнул ногой. — Мы имеем довольно сена, папа, полный сарай. Ты должен дать Настеньке своего сена вместо черного, чтобы она не ходила по изгородям. Сейчас же ты должен сделать это, папа!

Крестьянин Газе не принадлежал к людям, которые легко чему-то удивляются, но в этот раз он действительно был удивлен. Он должен отдать свое превосходное зеленое сено за это испорченное, черное?! Чего только мальчишка не придумает! Конечно, сено там, на лугу, было такое же свежее и зеленое, как у него. Если бы его завезли бабушке восемь дней назад, оно было бы хорошим кормом, и ее козы долго были бы обеспечены. Давно уже не было такого сена, как в этом году! У него большой сарай не мог вместить все сено. Большая телега с сеном стояла еще на гумне: приблизительно столько, сколько здесь пропало. Это сено с телеги хотели скормить в ближайшее время...

Крестьянин посмотрел на своего мальчика. У того по лицу катились градом слезы, слезы гнева. И вдруг случилось необыкновенное: у него внутри начало что-то плавиться, и он стал вдруг совсем мягким. Если это

доставит радость мальчику, то пусть его желание исполнится.

Старая женщина работала на него уже двадцать лет, работала усердно, как никто другой, этого у нее нельзя было отнять. И было, конечно, тяжело, что единственная ее телега сена пропала, да еще и не по ее вине. А что для него была одна телега сена? Это все были солнечные мысли, которые растопили лед на сердце крестьянина.

Он вдруг подался вперед и проворчал:

— Если хочешь, то я сегодня ночью отвезу телегу с сеном, которая стоит на гумне, сюда, на луг бабушке, и возьму взамен испорченное. Но чтобы ты ни одному человеку не говорил об этом ни слова! Скажешь, могут прийти и другие и потребовать то же самое!

Тогда Гавриил разжал кулаки, ибо вышло по его воле.

— Я буду молчать, — сказал он и рысью побежал к селу.

На другое утро бабушка с Настенькой вышли на луг с граблями и оцепенело остановились. На всем лугу лежало в больших зеленых кучах сено, и летний ветерок доносил до них сладкий душистый аромат.

Настенька подпрыгнула от радости, а затем обняла бабушку.

— Видишь, Бог может все, — воскликнула она, ликуя, — и на это раз Он захотел нам помочь, хотя ты и не верила, бабушка!

Когда позже бабушка увидела, что у крестьянина Газе нет той телеги с сеном на гумне, то она сразу поняла, в чем дело. Но она ничего не сказала. По лицу крестьянина она заметила, что он не желает благодарности. А в глубине души она так же, как ее

внучка, была глубоко убеждена, что всем этим руководил Бог.

Слепая Катя

Жизнь Кати должна пройти в темноте: она с самого рождения слепая! Не увидеть ей никогда голубого неба, яркого солнца, красоты цветов, не увидеть ей и венца творения — человека!

Радость, счастье — все это непонятные слова для Кати.

Но значит ли это, что душа Кати тоже должна оставаться слепой? Значит ли это, что в ее душе навсегда порвались нити «зрения»?

Господь коснулся Катиного сердца. Открыл ее внутренние очи. И перед ней развернулся мир — ярче и богаче земного. Впервые встречаю такую

жизнерадостную, бодрую, лишенную малейшей тени уныния девушку! Держа меня за руку, Катя смелыми шагами идет со мной в деревню. По дороге рассказывает о радостных переживаниях... Такая естественная, искренняя радость! Свой рассказ часто прерывает пением или просьбой:

— Родная моя, поучи меня еще раз песне «Лучшие дни нашей жизни»!

Мы зашли в дремучий лес. Солнце опускалось и бросало теплые осенние лучи, обливая золотом верхушки сосен. Я с удовольствием любовалась прекрасной, открытой душой Кати.

Лучи солнца гасли один за другим, и последний лучик оставался недолго... Пение птичек утихало. Я поведала Кате о красоте творения, и она вознесла сердечный восторг Небесному Отцу.

В деревне нас встретили приветливо. Тут Катю знали абсолютно все.

— Катя спой!.. Катя, расскажи...

И Катя охотно исполняет все просьбы...

Провели вечернее собрание. Катя хорошо знает Слово Божие. Богатая память!.. Свободно, просто льется ее речь. Не видно ей, как у многих слушателей блестят на глазах слезы сокрушения и умиления.

На другой день многие не хотят с нами расставаться, а потому мы группой направляемся в соседнюю деревню для благовестия.

Загорели, немного утомились... Но желание вести оживленную беседу не иссякает у Кати и на обратном пути.

«Царство Божие внутри нас». Счастье и радость — в прозревшей душе.